
Ж. А. Трофимов

ДУХ РЕВОЛЮЦИИ ВИТАЛ В ДОМЕ УЛЬЯНОВЫХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Ж. А. Трофимов

ДУХ РЕВОЛЮЦИИ ВИТАЛ В ДОМЕ УЛЬЯНОВЫХ

Симбирские страницы биографии В. И. Ленина

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

13.5
Т76

СОДЕРЖАНИЕ

Трофимов Жорес Александрович

Т76 Дух революции витал в доме Ульяновых: Симбирские страницы биографии В. И. Ленина.— М.: Политиздат, 1985.— 160 с., ил.

Настоящая книга посвящена детским и юношеским годам В. И. Ленина. В ней показаны истоки формирования общественно-политических взглядов, нравственных идеалов и революционного мировоззрения у детей в семье Ульяновых.

Ее автор, ульяновский историк Ж. А. Трофимов, более четверти века исследует материалы, связанные с жизнью семьи Ульяновых. Его работы отмечены премией имени М. И. Ульяновой журналистской организации области.

Т $\frac{0103020000-186}{079(02)-85}$ 84—85 13.5
3К26

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *В. В. Шабалкин*
Художник *Б. Г. Попов*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 2384

Сдано в набор 02.01.85. Подписано в печать 22.04.85. А00080. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 9,87. Уч.-изд. л. 9,85. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 310. Цена 50 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16

ОТ АВТОРА

Владимир Ильич Ленин, не любивший говорить о себе, в единственной и притом оставшейся незаконченной автобиографии написал лишь следующие строчки о первых семнадцати годах своей жизни: «Родился я в Симбирске 10 апреля 1870 года. Весной 1887 г. мой старший брат, Александр, казнен Александром III за покушение (1 марта 1887 г.) на его жизнь. В декабре 1887 г. я был первый раз арестован и исключен из Казанского университета за студенческие волнения; затем выслан из Казани» [1].

Всем нам, конечно, хочется знать больше о симбирских страницах биографии Ильича. Именно поэтому на самой заре Советской власти американский писатель-коммунист Джон Рид, автор горячо одобренной В. И. Лениным книги «Десять дней, которые потрясли мир», предпринял поездку в Симбирск. «Я поехал туда,— рассказывал он своим друзьям,— чтобы увидеть места, где Ленин провел годы детства и юности. Быть может, это не очень по-марксистски, но, глядя на широкие просторы Волги, я думал, что именно на берегу такой могучей реки и должен был родиться Ленин» [2].

С тех пор прошло около семи десятилетий. Поистине неиссякаем стал людской поток на родину вождя. Только в Доме-музее В. И. Ленина уже побывало более одиннадцати миллионов посетителей со всех континентов планеты. Их интересует все: общественно-педагогическая деятельность Ильи Николаевича, воспитание детей в семье Ульяновых; дома, где они жили; гимназии, в которых Анна, Ольга, Александр и Владимир удостоились медалей за выдающиеся успехи в учебе; круг друзей и знакомых

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 21.

[2] *Драбкина Е.* Повесть о ненаписанной книге.— Новый мир, 1961, № 7, с. 203.

и многое другое. Но особенно большой интерес вызывает вопрос об истоках раннего формирования революционных взглядов Владимира Ильича, его братьев и сестер.

К сожалению, не на все вопросы можно ответить с исчерпывающей полнотой. Прежде всего потому, что многие документы симбирской поры жизни Ульяновых не сохранились. Например, все письма Владимира Ильича и его родных, посланные в 1883—1887 годах старшему брату в Петербург, были уничтожены жандармами после казни Александра Ильича. До сих пор не удалось обнаружить гимназических сочинений Владимира Ильича. За долгие годы скитаний Ульяновых по России постепенно рассеялась их симбирская семейная библиотека. Исчезли даже книги, за исключением одной, которые Владимир Ильич обычно получал в конце учебного года вместе с похвальными листами в награду за отличные успехи в учебе.

К сожалению, никто из членов семьи Ульяновых не оставил своего подробного жизнеописания. Они воздержались от этого потому, что были очень скромными людьми, убежденными в общественной значимости только тех мемуаров о далеком прошлом, которые имеют отношение к биографии братьев Александра и Владимира. Но до революции они и этого не сделали, ибо, как поясняла Анна Ильинична, «нельзя было записывать искренне свои воспоминания о брате (Александре.— *Ж. Т.*), ибо противно было подумать, что в них станут копаться люди купленные, сыщики всех рангов...». А последующие десятилетия, насыщенные огромной массой впечатлений, констатировала она, к сожалению, «унесли так много из памяти...».

И все же, когда в годы первой русской революции появилась возможность опубликовать краткую биографию Александра Ильича, Анна Ильинична занесла на бумагу все конкретные черточки, уцелевшие в памяти, которые могли «восстановить сколько-нибудь умственный и нравственный облик брата» [1]. После победы Великого Октября Анна Ильинична, всегда сознававшая, что на ней, выросшей с братом Александром, проведшей вместе с ним студенческие годы, привлеченной по одному с ним делу (1 марта 1887 года.— *Ж. Т.*), лежит обязанность записать все, что она знает и что не может быть восстановлено никем другим, написала о нем книгу. Она изучала жандармские и судебные дела, сохранившиеся в архивах, собирала

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.— Л., 1930 (в дальнейшем — *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания...), с. 30.

воспоминания у оставшихся в живых знакомых брата и после напряженной работы опубликовала блестяще литературно написанные воспоминания об Александре Ильиче, которые вошли в подготовленный ею же большой сборник воспоминаний и документов [1]. В том же 1927 году с предисловием Анны Ильиничны вышел стенографический отчет по процессу вторых «первомартовцев» [2], рассматривавшемуся в особом присутствии правительствующего сената [3]. В 1925 году вышла в свет ставшая классической книжечка Анны Ильиничны для учеников младших классов «Детские и школьные годы Ильича». Драгоценный вклад в освещение поволжского периода жизни Владимира Ильича внесли Мария Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы. Но становление его характера, формирование мировоззрения во время учения в Симбирской классической гимназии раскрываются в воспоминаниях, статьях и очерках членов семьи Ульяновых с меньшими подробностями, чем даже раннее детство.

М. С. Шагинян справедливо заметила: «Старшая сестра Ильича, главный биограф его детства, рассказала о маленьком Володе очень подробно, а гимназиста Володю она в своих воспоминаниях *почти не дала* (подчеркнуто мной.— *Ж. Т.*): потому что в решающие годы его развития она, учительницей, а потом курсисткой, жила большей частью вне дома, и внимание ее в эти годы было направлено скорее на старшего брата, нежели на среднего.

Что до самых младших членов семьи, то они начали помнить и понимать среднего брата, когда основной юношеский перелом в нем уже свершился, и рассказы их относятся главным образом к периоду казанского студенчества, первой ссылке и юридической практике Ильича в Самаре. Та, кто могла бы полнее и ярче всех знать о нем, близкая ему по возрасту сестра Ольга, умерла молодой девушкой» [4].

Немногое почерпнула Мариэтта Сергеевна и во время пребывания в Ульяновске в 30-х годах от М. Ф. Кузнецова, являвшегося, как она выразилась, «главным спутни-

---

[1] См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.— Л., 1927 (в дальнейшем — Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.).

[2] Первые «первомартовцы» — участники покушения на царя Александра II в 1881 году.

[3] См.: Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др. М.— Л., 1927 (в дальнейшем — Первое марта 1887 г.).

[4] *Шагинян М. С.* Лениниана. М., 1977, с. 440.

ком школьных лет Ильича»: хотя он и учился с первого по восьмой класс вместе с Владимиром Ульяновым, но не мог «похвастаться интимностью с Ильичем». М. Шагинян делает вывод: «...по-видимому, переломные годы Ильича, когда из мальчика формировался будущий человек, прошли во многом незамеченными ни для товарищей, ни для школьной среды. Не было таких друзей, которым Ильич с душой нараспашку рассказывал бы о своих переживаниях» [1].

С учетом этих обстоятельств особо важное значение имеют статьи Н. К. Крупской «Как и что рассказывать школьникам о Ленине», «Детство и ранняя юность Ильича» и ряд других, написанных главным образом на основании того, «что слышала от него самого» о его детстве. «Правда, поглощенный революционной деятельностью,— поясняла Надежда Константиновна,— он мало как-то пускался в воспоминания — так, при случае что-нибудь расскажет, но мы были с ним люди одного поколения... росли приблизительно в одной и той же среде, в среде так называемой «разночинной интеллигенции». Поэтому его воспоминания, хотя и отрывочные, мне говорили об очень многом» [2].

Автобиографические высказывания Владимира Ильича, его труды по истории пореформенной России, а также воспоминания, статьи, очерки и письма членов семьи Ульяновых составляют краеугольный камень источниковой базы документального повествования. Задача современного исследователя сводится к возможно более полному и точному воссозданию всех слагаемых сложнейшего процесса формирования личности, гражданских идеалов и общественно-политических взглядов гимназиста Владимира Ульянова. В предлагаемой читателю книге автор, с учетом трудов своих предшественников и результатов собственных разысканий в архивах, музеях и библиотеках Поволжья, Москвы и Ленинграда, рассматривает основные истоки этого процесса: влияние семейного воспитания, пример родителей, старшего брата, воздействие революционно-демократической литературы и соприкосновение с жизнью народа.

В рассказе о семье Ульяновых особое внимание уделялось подвижнической деятельности Ильи Николаевича на ниве народного просвещения, воспитанию им совместно с

[1] *Шагинян М. С.* Лениниана, с. 441.

[2] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1979, с. 25.

Марией Александровной добролюбовскими методами своих детей, а также тому сильному влиянию, которое оказал Александр всей своей короткой, но яркой жизнью и героической гибелью на брата Владимира.

В книге приводятся сведения о домашней библиотеке Ульяновых, о той литературе, которая раздвигала горизонт Владимира, его братьев и сестер, возбуждала ненависть к пережиткам крепостничества, высмеивала «все недостойное, дикое, злое».

Учитывая рекомендации, в свое время данные Н. К. Крупской, в книге большое место отведено всестороннему показу эпохи 70—80-х годов, когда в России «отживал крепостнический строй и нарождался новый, капиталистический... На идеологическом фронте шла борьба, усиленно работала революционная мысль, окружающая действительность подвергалась беспощадному анализу, и наряду с этим шло либеральное славословие крестьянской реформы» [1].

Не все удалось раскрыть в том объеме и с такими подробностями, как этого бы хотелось, поэтому в тексте встречаются слова: «не исключено», «возможно», «наверное». Но каждое предположение высказывается лишь в том случае, когда есть основания для уверенности в его закономерности; оно не возведено в ранг факта только из-за неполноты дошедших до нас источников.

Хочется надеяться, что настоящая книга поможет читателю глубже понять, что не случайно все дети Ильи Николаевича и Марии Александровны стали пламенными революционерами.

---

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 352.

НЕ МЕСТО КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА

25 октября 1869 года «Симбирские губернские ведомости» известили своих читателей: «Приказом г. управляющего министерством народного просвещения, от 6 сентября сего года за № 19-м, учитель Нижегородской гимназии коллежский советник Ульянов утвержден инспектором народных училищ Симбирской губернии».

Что побудило Илью Николаевича Ульянова, одного из лучших преподавателей физики и математики средних учебных заведений Казанского учебного округа, оставить знакомую работу и поехать из Нижнего Новгорода в Симбирск, занять новую, только что введенную в России должность? Для того чтобы представить мотивы этого переезда, припомним, хотя бы в общих чертах, социально-экономическую обстановку в первое пореформенное десятилетие.

Отмена крепостного права в 1861 году проводилась помещиками «сверху», и они сделали все, чтобы сохранить имения и даже приумножить их за счет «отрезков» от той земли, которой крестьяне пользовались до своего «освобождения». Причем помещики и землю-то отрезали себе более плодородную, а бывшим «холопам» выделили неудобные или вовсе негодные участки, часто чересполосицей с барскими полями, чтобы легче было «кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены» [1]. За свои наделы крестьяне должны были вносить выкупные платежи, которые вдвое-втрое превышали рыночные цены на землю. Тягостным пережитком крепостничества являлись и «временнообязанные отношения», согласно которым крестьяне в течение еще девяти лет после провозглашения реформы должны были отбывать барщину и выплачивать оброк своему помещику. Наконец, «крестьяне остались и после

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало»[1].

Понятно, что грабительский характер реформы вызвал всеобщее недовольство крестьян и послужил толчком к усилению революционно-демократического движения в стране. Однако правительству с помощью войск удалось подавить крестьянские волнения и после ареста Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, Д. И. Писарева, закрытия «Современника», «Русского слова» и воскресных школ, разгрома общества «Земля и воля», подавления польского восстания 1863 года «рассеять скопившуюся над русской землей революционную тучу...», как выразился шеф жандармов империи. Но в том же 1863 году появляется написанный Н. Г. Чернышевским в Петропавловской крепости роман «Что делать?», ставший «учебником жизни» для новой когорты революционных разночинцев. Они создают производственные ассоциации-коммуны, распространяют в народе революционные брошюры.

Один из видных членов ишутинской[2] подпольной организации народнического направления — Дмитрий Каракозов, по собственной инициативе, 4 апреля 1866 года совершил покушение на жизнь Александра II, считая его главным виновником того, что народ не получил ни земли, ни настоящей воли. Правительство использовало этот террористический акт как предлог для массовых репрессий против «нигилистов, атеистов и социалистов». Оно травило и запугивало либералов, преследовало передовую печать и провело реакционную перестройку гимназического образования. В это трудное время, вошедшее в историю как эпоха «белого террора», классовая борьба и общественное движение повсеместно ослабевают. Но ненадолго.

Уже в 1868 году значительно оживляется студенческое движение в Москве и Петербурге. Под влиянием голода 1867—1868 годов чаще возникают волнения крестьян и рабочих. Налаживаются устойчивые связи революционной эмиграции с подпольем на родине. В 1868 году Н. А. Некрасову и М. Е. Салтыкову-Щедрину удалось сплотить вокруг «Отечественных записок» лучших литераторов-демок-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 140.

[2] По имени Н. А. Ишутина, организатора и руководителя тайного революционного общества в Москве в 1863—1866 годах, примыкавшего к «Земле и воле».

ратов. Именно в этом журнале появился трактат Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?», в котором он призвал «критически мыслящих личностей» возглавить борьбу за равноправные отношения между людьми. Огромную популярность получили «Исторические письма» П. Миртова (П. Л. Лаврова), появившиеся в 1868—1869 годах в «Неделе». Это произведение, по словам Г. В. Плеханова, имело почти такой же успех, как самые значительные сочинения Н. Г. Чернышевского [1].

Обращаясь к передовой интеллигенции, считая ее, подобно Н. Михайловскому, двигателем общественного прогресса, П. Лавров напоминал, что она нравственно обязана за него бороться. Ведь образование меньшинства приобретено за счет порабощения огромного большинства. Эта лавровская идея долга интеллигенции перед народом сыграла немаловажную роль в судьбе будущих участников «хождения в народ». К этому призывало и вышедшее в журнале «Дело» исследование В. В. Берви (под псевдонимом Н. Флеровский) «Положение рабочего класса в России».

«Властители дум», выступавшие в легальной литературе, сами не имели четкой программы радикального переустройства общества. Они призывали бороться против произвола местных властей и «мироедства» кулаков, оказывать содействие крестьянам в организации потребительских лавок, касс взаимопомощи, артелей, показательных ферм, сельских больниц и фельдшерских пунктов, юридических и агрономических консультаций.

Но особенно большое место среди различных проектов «уплаты долга народу» занимала идея о необходимости просветить его, вывести из темноты и бесправия — с помощью широкой сети начальных школ. В полемике о путях их развития и методах преподавания приняли участие Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, Н. В. Шелгунов, Н. А. Корф и другие видные писатели и педагоги.

Крестьяне все отчетливее понимали, что «ученье — свет, а неученье — тьма», отцы семейств охотнее стали помещать своих детей в школы. Усиление тяги народа к образованию, возросший интерес земства к начальной школе, попытки народников вести пропаганду на селе настоҏожили правящие круги и заставили их по-своему заняться делом народного образования, с тем чтобы укрепить заветную триаду: «самодержавие, православие и народ-

[1] См.: *Плеханов Г. В.* Соч. М.— Л., 1925, т. 9, с. 6.

ность». С этой целью и был учрежден летом 1869 года институт инспекторов народных училищ губерний. «В видах оттеснения земства от действительного заведования народным образованием» [1],— как скажет потом об этом В. И. Ленин.

Передовая общественность прекрасно понимала предназначение инспекторских должностей. Как, впрочем, и то, что не место красит человека, а человек место. Справедливость этой пословицы наглядно показал М. Е. Салтыков-Щедрин в 1865—1868 годах, занимая должность председателя казенной палаты в Пензе, Туле и Рязани: на этом традиционно «доходном месте» великий писатель-сатирик день за днем вел беспощадную борьбу с бюрократами, взяточниками и казнокрадами. Примерно так же поступил Илья Николаевич Ульянов. Отчетливо представляя себе, что не только помещики и другие власть имущие, но и правительство не заинтересовано в широком распространении настоящего просвещения, он решил все-таки занять место инспектора народных училищ, чтобы вопреки официальному курсу содействовать органам самоуправления — земствам, сельским и городским «обществам» — в становлении начальной школы, поставить ее в духе идей К. Д. Ушинского и с ее помощью сеять «разумное, доброе, вечное» среди народных тружеников.

И это решение закономерно. Ему кровно была близка идея долга интеллигенции перед народом, ибо истоки его свободолюбия и преданности интересам трудящихся коренились в далеком прошлом. Сын крепостного, «отлучившегося» в 1791 году из родного села Андросова Сергачской округи Нижегородской губернии в низовья Волги, он сызмальства жил в бедности, среди тех людей, которые от зари до зари трудились за медные гроши, не имея элементарных прав.

Мальчик очень рано лишился отца, мастера портняжного цеха, однако при поддержке старшего брата Василия Илья Николаевич в 1850 году блестяще, с серебряной медалью, окончил Астраханскую гимназию. Это был выдающийся успех — до него за 44 года существования гимназии никто еще не удостаивался такой награды. Как принадлежавшему к «низшему», мещанскому сословию, педагогический совет выдал Илье Николаевичу не аттестат зрелости, а лишь свидетельство, в котором подчеркивалось, что «Ульянову, происходящему из податного

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 38.

состояния, не предоставляется тем никаких прав для поступления в гражданскую службу»[1].

Правда, Илья Николаевич мог устроиться канцеляристом в какое-нибудь присутственное место или стать учителем низшей школы, но он очень хотел продолжить свое образование. Директор Астраханской гимназии, принимавший, по его словам, «участие в судьбе Ульянова» и желавший помочь «совершенно бедному», но «даровитому мальчику», дважды обращался к попечителю Казанского учебного округа с ходатайствами о принятии его студентом Казанского университета на «казенный кошт». Тщетными оказались эти усилия. Попечитель, ссылаясь на существовавшие узаконения, уведомил директора, что стипендии в университете существуют только для детей дворян и чиновников, а следовательно, для зачисления мещанина Ильи Ульянова в разряд стипендиатов «нет достаточного основания»[2]. Он мог стать только «своекоштным» студентом — учиться на свои средства.

Вступительные экзамены на математическое отделение физико-математического факультета Илья Ульянов сдал лучше многих других абитуриентов. Но еще полгода значился в числе принятых условно, пока староста астраханского мещанского общества не прислал в университет установленное законом для выходцев из «низших» сословий «увольнительное свидетельство». Происхождение как клеймо будет сопровождать Илью Николаевича и в дальнейшем. Хотя после окончания университетского курса астраханская казенная палата и исключит его из «мещанского сословия», тем не менее и в дипломе кандидата математических наук будет отмечено, что он происходит «из мещан».

Незаурядные способности, редкостное трудолюбие и благоговейное отношение к науке не могли не импонировать передовым профессорам, и они охотно привлекали студента-математика Илью Ульянова к ведению астрономических и метеорологических наблюдений в университетских обсерваториях. Но его интересовали не только точные науки. Крымская война, показавшая всю гнилость и бессилие крепостничества, крестьянские волнения, статьи Белинского и Герцена, потаенная рукописная литература, злободневные вопросы общественной жизни — все это вол-

[1] *Горохов В. М. и Рождественский Б. И.* Илья Николаевич Ульянов и его педагогическая деятельность. Казань, 1942, с. 11.

[2] *Ульянова М. И.* Отец Владимира Ильича Ленина Илья Николаевич Ульянов. 1831—1886. М.— Л., 1931, с. 10.

новало молодого кандидата наук. В тесном кругу друзей пел он народные и запрещенные песни. Любимым поэтом Ильи Николаевича навсегда стал Некрасов, и, по свидетельству Анны Ильиничны, он переписывал из журналов некоторые стихотворения его.

При активном содействии гениального математика и геометра Н. И. Лобачевского, занимавшего пост помощника попечителя Казанского учебного округа, И. Н. Ульянов в конце мая 1855 года был назначен старшим учителем физики и математики в высших классах Пензенского дворянского института. В этом закрытом среднем учебном заведении он с успехом преподавал любимые предметы, заведовал по совместительству метеостанцией, физическим кабинетом и библиотекой, боролся за внедрение в жизнь педагогических идей К. Д. Ушинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского.

Вместе со своим другом, словесником В. И. Захаровым, Илья Николаевич преподавал в воскресной школе для детей ремесленников до тех пор, пока такие школы не были закрыты правительством в июне 1862 года, ибо в них, по словам министра внутренних дел, пропагандировались «вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие». Н. Г. Чернышевский считал, что те, кто работал в воскресных школах,— это «честные люди, любящие народ, делающие для него все, что могут» [1]. Эта характеристика в полной мере относится и к И. Н. Ульянову.

В ноябре 1861 года произошла встреча, определившая личную жизнь Ильи Николаевича. По только что установившемуся санному пути приехала из Кокушкина, что в 40 верстах от Казани, к своей сестре Анне Александровне Веретенниковой Мария Александровна Бланк. И. Д. Веретенников, как инспектор института, имел квартиру в учебном корпусе. Илья Николаевич приходил сюда обсудить свежие номера «Современника» и «Искры», поговорить о животрепещущих вопросах — падении крепостного права, эмансипации женщин, народном образовании, поиграть в шахматы, принять участие в самодеятельном концерте.

Мария Александровна произвела на Илью Николаевича большое впечатление: умные, выразительные глаза, приветливое, спокойное выражение лица. Во всем ее

---

[1] *Чернышевский Н. Г.* Избранные педагогические высказывания. М., 1940, с. 164.

облике чувствовалась большая нравственная сила, выдержка, цельность. Несмотря на то что юность ее прошла в захолустье, где не имелось даже начальной школы, Мария Александровна была образованной девушкой. Под руководством отца, врача по специальности, и тетки, заменившей умершую мать, она изучила литературу, историю, математику; овладела немецким, французским и английским языками. Играла на рояле, знала основы садоводства и огородничества; научилась оказывать первую медицинскую помощь, мастерству кройки, шитья и вязания. Была отличной хозяйкой.

Трудолюбивая, не привыкшая сидеть без дела, она помогала детям сестры готовить уроки, учила их языкам, пению и игре на рояле, много читала. Узнав, что Илья Николаевич испытывает некоторые затруднения при переводе трудов французских физиков, Мария Александровна с удовольствием пришла на помощь. Занималась она с ним и английским языком. Илья Николаевич, большой знаток математики, консультировал Марию Александровну, готовившуюся к сдаче экстерном экзаменов на звание учительницы. 15 июля 1863 года она успешно сдала эти экзамены в Самарской мужской гимназии и получила желанное свидетельство, дававшее право на первоначальное обучение детей русскому, немецкому и французскому языкам, а также арифметике. В следующем месяце невдалеке от Кокушкина, где жил отец Марии Александровны, состоялось их бракосочетание. Вскоре после этого радостного события молодая чета поселилась в Нижнем Новгороде. Здесь Илья Николаевич помимо гимназии ведет занятия на землемерно-таксаторских курсах и в женском училище, вновь завоевывая «себе известность отличного педагога».

В часы досуга Илья Николаевич и Мария Александровна встречались со старыми знакомыми по Пензе: супругами Захаровыми, В. А. Ауновским и его матерью Натальей Ивановной, а также с учителями Б. И. Сциборским — другом Н. А. Добролюбова, Г. Г. Шапошниковым — учеником Н. Г. Чернышевского по Саратовской гимназии, Н. В. Копиченко и М. Н. Попковым — членами «Земли и воли», А. Ф. Мартыновым и другими сторонниками идей, развиваемых редакцией «Современника». Вместе с другими передовыми педагогами Илья Николаевич выступал против засилья древних языков в гимназии, отстаивал необходимость углубленного изучения естественных наук.

В связи с покушением Дмитрия Каракозова на царя несколько знакомых Ильи Николаевича, в том числе и самый близкий друг В. И. Захаров (у которого он в Пензе, как и Д. Каракозов, одно время квартировал), подверглись арестам и ссылкам. Фамилия Ильи Николаевича, как учителя и знакомого нескольких подсудимых, шесть раз встречается в делах по каракозовскому процессу. Но, к счастью, репрессии не коснулись его.

Он не был участником революционного движения. Но к нему в полной мере относится характеристика просветителей-«шестидесятников», данная Владимиром Ильичем в статье «От какого наследства мы отказываемся?». Илья Николаевич тоже был «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям...». Ему органически присуща была и такая черта, как «горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России». Наконец, он самоотверженно отстаивал интересы народных масс, главным образом крестьян, искренне веря «в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние», и очень желал «содействовать этому» [1].

Эти просветительные устремления и предопределили летом 1869 года решимость Ильи Николаевича оставить преподавание физики и математики в средних учебных заведениях. Ему, выходцу из «податного сословия», хотелось, по словам Анны Ильиничны, «поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов» [2]. Так же полагал и Дмитрий Ильич. Отца мучило то, «что он не служит непосредственно народу, что он считал своей главной обязанностью, своим долгом. Поэтому-то он и рвался из Нижнего и воспользовался первой возможностью, чтобы подойти вплотную к крестьянам, хотя бы в виде правительственного чиновника — инспектора народных училищ» [3].

Илья Николаевич решает занять эту должность. В эти дни в семье Ульяновых произошло огромное несчастье: 18 июля скончалась их годовалая дочь Оленька. Но горе

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 519.

[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. 2-е изд. М., 1979, т. 1, с. 15

[3] *Ульянов Д. И.* Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1971, с. 113.

не сломило Марию Александровну. Она поняла благородное стремление мужа и без колебаний согласилась оставить четырехкомнатную казенную квартиру, расстаться с друзьями и знакомыми и уехать из большого и оживленного Нижнего Новгорода в Симбирск, где предстояло жить в частных домах, долгими неделями ждать возвращения мужа из нелегких поездок по селам.

22 сентября 1869 года Ульяновы отплыли от Нижнегородской пристани. А через два дня Илья Николаевич, Мария Александровна, пятилетняя Аня и трехлетний Саша рассматривали незнакомый город, расположенный на высоком правом берегу Волги.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Поле работы действительно оказалось широкое. Симбирская губерния по своим размерам занимала 42-е место из 65 губерний России. И все-таки по площади — 43 491 квадратная верста — она превосходила такие страны, как Греция, Дания или Швейцария. На ее территории были разбросаны 1546 населенных пунктов с населением в 1 миллион 300 тысяч человек. По учетным данным, в губернии значилось 460 начальных народных училищ, из коих 430 — на селе. Одно училище, в среднем с 21 учащимся, приходилось на 3,6 населенных пункта.

Серьезную тревогу внушал состав учителей. Из 526, состоявших на службе, 294 являлись в то же время священниками местных приходов, а трое — муллами. Получалось, что лишь в одной из двух школ уроки вел светский преподаватель. Но и он в большинстве случаев не имел даже среднего образования. И это не случайно. Правительство почти не отпускало средств на народные училища, а образованное «общество» тоже скупилось. Главным источником существования большинства училищ губернии служил сбор с крестьян — от 10 до 20 копеек с души в год. На эти скудные средства поддерживались учебные здания, выплачивалось жалованье педагогам. Только десятеро из них получали годовое жалованье в 90—150 рублей, а у многих, как выяснил Илья Николаевич, оно «доходило до невероятного размера — 25 руб., а в женских (училищах.— *Ж. Т.*) — до 15 руб.» [1].

[1] Журнал министерства народного просвещения, 1880, май, с. 90—92.

Немудрено, что за такое вознаграждение обучать даже молитвам соглашались не все «батюшки и матушки», а чтению, письму и счету учили, как правило, полуграмотные отставные солдаты, сельские писари, изгнанные со службы дьячки или канцеляристы.

С чего начать? Немало думал Илья Николаевич об этом, советовался с женой, с теми немногими общественными деятелями, которые, по словам симбирского писателя и публициста В. Н. Назарьева, были увлечены «искренним желанием добра и блага темному люду».

Нужны были деньги — без них не создашь новых школ, не подготовишь толковых учителей. Надо было всколыхнуть уездные земства и завоевать доверие крестьян, ведь главная работа предстояла на селе.

Начались вошедшие в историю поездки инспектора народных училищ по губернии. А так как занятия в школах начинались глубокой осенью и заканчивались ранней весной (в страду крестьянские ребята помогали родным в поле), то колесить на перекладных приходилось большей частью в самые ненастные времена года. И наш инспектор, «единственный просветитель одной из богатейших приволжских губерний», как писал о нем В. Н. Назарьев, был в одно и то же время «строителем училищ, архитектором; вечным просителем, назойливо, но в большинстве случаев тщетно вымаливавшим у земства лишний грош на школы; руководителем... курсов; добрым гением учителей и учительниц, не раз спасавшим их от крайней нужды и безвыходного положения... и в то же время был только что не почтальоном, так как на долю его выпадала обязанность вечно скакать на перекладных по нашим проселкам, замерзать во время зимних морозов и метелей, утопать в весенних зажорах, голодать и угорать на так называемых съезжих и т. д.» [1].

Почти в каждом селе Илья Николаевич встречался с крестьянами и убеждал их в необходимости своими силами построить новый училищный дом или отремонтировать старый, увеличить жалованье учителю. Иногда приходилось не раз приезжать в село и беседовать с членами общины о пользе, которую приносят детям земские школы. Крестьяне все чаще и охотнее соглашались с его предложениями. И каким радостным стал тот долгожданный день, когда Илья Николаевич получил по почте первый «приговор» сельского схода с выражением искренней призна-

---

[1] Вестник Европы, 1876, кн. 3, с. 294.

тельности за «труды об устройстве образцовых школ». Крестьянская благодарность была для него высшей наградой.

Как первые, так и последующие успехи народной школы губернии во многом связаны с появлением учителей нового типа. Их подготовку с 1869 года Илья Николаевич вел на педагогических курсах при Симбирском уездном училище. Наряду с лучшими методистами из преподавателей города он сам проводил показательные уроки по физике и математике, обучению детей чтению и письму, разъяснял основные положения педагогики и дидактики К. Д. Ушинского, знакомил курсантов с программами, учебниками и пособиями. «Живость и ясность изложения,— вспоминал один из его слушателей В. А. Калашников,— наглядность преподавания настолько были удачными, что его уроки нами легко усваивались тут же в классе. Он умел заинтересовать и увлечь нас своими уроками. Мы ждали их как праздники» [1]. Как на уроке, так и на разборе он старался создать непринужденную обстановку, терпеливо слушал, как будущие учителя обмениваются замечаниями об уроке товарища. Если же произносил свое авторитетное суждение, то без резких слов или повышения тона.

Большую помощь молодым педагогам оказывал инспектор народных училищ губернии на проводившихся им с 1870 года учительских съездах, где учителя знакомились с новейшими методами обучения и воспитания, выставками наглядных пособий и педагогической литературой, участвовали в обсуждении всех трудностей и проблем народной школы. Учитель-ульяновец А. С. Кабанов, вспоминая, с какими чувствами и мыслями разъезжались он и его молодые коллеги после окончания курсов и съездов по «медвежьим углам» сеять «разумное, доброе, вечное», писал в «Автобиографии»: «Нам наговорили столько безобразного о волостных писарях и старостах, о дьячках, что иначе и не воображали себе, как чудовищами, с которыми придется воевать. Наслушавшись различных ужасов, я так горячо к сердцу принял школьное дело, что весь отдался ему... Большинство из нас поехало воевать с попами, писарями и другими воротилами сел и деревень» [2].

---

[1] Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925 гг.). Пенза, 1925, с. 42 (в дальнейшем — Юбилейный сборник...).

[2] Ученые записки Ульяновского пединститута им. И. Н. Ульянова. Ульяновск, 1963, т. 18, вып. 3, с. 185.

Как праздника ждали народные учителя и посещения Ильей Николаевичем их школ. В ходе непринужденных бесед он старался, по словам современника, на «конкретных примерах объяснить задачу и цель обучения, в подробностях разработать и установить объем и курс обучения, избрать учебники, показать учителю, как пользоваться ими, показать на практике тот или иной метод и прием и этим создавать самих учителей...» [1].

С самого начала своей деятельности в Симбирске Илья Николаевич непрестанно заботился о распространении грамотности среди мордвы, чувашей и татар, составлявших почти треть населения губернии. Решать эту задачу было намного труднее, чем бороться с темнотой русских крестьян. К обычным трудностям прибавлялись сопротивление великодержавных шовинистов — врагов обучения нерусских детей на родном языке, а также влияние националистов, особенно мулл, настраивавших верующих против светских школ вообще и против изучения русского языка в частности. В борьбе с этими крайне вредными и устойчивыми взглядами Илья Николаевич выработал гибкую тактику. Всячески предотвращая применение насильственных мер, он поощрял совместное обучение ребят различных национальностей и вероисповеданий, а там, где это было невозможно или нецелесообразно, открывал национальные школы, направляя в них лучших учителей.

Велик вклад Ильи Николаевича в развитие Симбирской чувашской школы. Основал ее, на свой страх и риск, в 1868 году двадцатилетний гимназист-чуваш Иван Яковлевич Яковлев. Но вряд ли она превратилась бы в известную кузницу национальных педагогических кадров, если бы не щедрая, дружеская и квалифицированная помощь И. Н. Ульянова, которую он оказывал И. Я. Яковлеву и чувашской школе с первых дней работы в Симбирске. «Не прояви Илья Николаевич активного интереса к чувашской школе,— вспоминал сын И. Я. Яковлева,— не будь он готов отразить всякую враждебную атаку на нее в «губернии» доказательствами, им почерпнутыми из непосредственного знакомства с чувашской школой... как сплетня или клевета могли отравить и даже убить начинавшую жить молодую школу, первенец чувашской культуры... Илья Николаевич был советчиком, защитником, порой руководителем в трудные дни чувашской школы, а недостатка в этих трудных днях никогда, конечно, не было» [2].

---

[1] Симбирские губернские ведомости, 1886, 25 января.

[2] *Яковлев А. И.* Иван Яковлевич Яковлев (1848—1930). Чебоксары, 1958, с. 44.

Последовательно проводил идеи некрасовского «Современника» Илья Николаевич и в другой, тоже важной, но очень отсталой области народного просвещения — в области женского образования. Он охотно определял на должности учительниц выпускниц женских гимназий или девушек, сдавших экстерном экзамены на право преподавания. Благодаря его настойчивым усилиям в 1871 году в Симбирске, а затем и в уездных городах были открыты первые женские приходские училища. Медленно, но неуклонно росло число девочек в смешанных сельских школах, в младших классах которых допускалось совместное обучение детей обоего пола.

Как руководитель народного образования, Илья Николаевич, по словам современника, «не упускал из виду ни одного средства, которое помогло бы ему дать более сильное движение и оживление этому делу». Он мечтал о создании комиссионных складов книг и учебных пособий при земских управах, библиотек при училищах, проведении литературных вечеров и воскресных чтений для народа. «И уж не вина,— вспоминал один из педагогов,— что его стремления не всегда увенчивались должным успехом» [1]. Слишком уж отсталой была основа, с которой приходилось начинать.

В своем отчете «О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1869 год» Илья Николаевич, изобличая официальную статистику во лжи, с горечью отметил, что из числящихся в губернии 460 школ только 89 «были более или менее хорошо организованы, все же прочие значились только на бумаге, или если существовали, то в самом жалком виде». Это заявление подкреплялось конкретными примерами, а заключительные строки отчета звучали как призыв: «Чтобы начальные народные училища приносили существенную пользу, много еще нужно сделать для улучшения их в материальном и в особенности в нравственном отношении» [2].

И в тот весенний день, пятницу 22 (10) апреля 1870 года, когда в семье Ульяновых родился второй сын — Владимир, Илья Николаевич работал над отчетом. Заботами о нуждах народной школы и ее развитии были наполнены и последующие дни после этого радостного события. Илья Николаевич пишет попечителю Казанского учебного округа о своем желании побывать в Петербурге на Всероссийской политехнической выставке, чтобы поз-

[1] Симбирские губернские ведомости, 1886, 29 января.
[2] Там же, 1870, 21 апреля.

накомиться «с усовершенствованными учебными пособиями... с целью применить их к начальным народным училищам».

На следующий день он направляет новое письмо в Казань, в котором просит передать под его контроль одну из сызранских школ, где имеется возможность дать крестьянским детям повышенное образование — в объеме двух классов гимназии. Наконец, почти весь апрель Илья Николаевич представлял в Симбирской палате уголовного и гражданского суда интересы крестьян села Покровского Ардатовского уезда, отстаивая капитал, завещанный их земляком генералом Д. Н. Дуровым на постройку народной школы, от посягательств алчных родственников покойного мецената.

Открытие каждой новой школы требовало от Ильи Николаевича огромной энергии и настойчивости. Это ярко видно, например, из архивного дела по созданию им первой в губернии чувашской школы в селе Ходары Курмышского уезда. В нем подшито 89 бумаг за 1870—1873 годы: ходатайства в министерство и различные ведомства об ассигновании средств на наем помещения и первоначальное обзаведение, отопление, освещение, жалованье учителю, планы и сметы на постройку нового училищного дома.

А вот краткая хроника первых лет инспекторства И. Н. Ульянова, свидетельствующая о многообразии его дел и забот на ниве народного просвещения. 11 октября 1871 года он открыл школу в деревне Кошки — на родине И. Я. Яковлева, в конце года — чувашскую школу и первое приходское женское училище в Симбирске. В июле 1872 года Илья Николаевич Ульянов во главе группы народных учителей губернии побывал в Москве на политехнической выставке. Со 2 по 16 сентября провел в уездном городке Курмыше очередной съезд учителей, на котором сообщил о новом в методике обучения и воспитания, что было почерпнуто в Москве. 19 ноября того же года по инициативе Ильи Николаевича в селе Порецком Алатырского уезда состоялось открытие Порецкой учительской семинарии. Директором по его рекомендации был назначен инспектор Симбирской классической гимназии, старый друг и единомышленник Владимир Александрович Ауновский. «Торжество открытия семинарии,— заявил Ауновский в речи перед собравшимися,— есть вместе с тем торжество народной школы, народного образования...» Семинария должна, продолжал он, готовить таких учителей,

чтобы народная школа давала труженикам села «положительные знания, научила их пользоваться дарами окружающей природы и развила бы в крестьянах *обязанности человека и гражданина»* [1] (подчеркнуто мной.— *Ж. Т.*)

Радостные дни в жизни народной школы длились недолго. Ее апогеем, по словам В. Н. Назарьева, была «чудная зима» 1872/73 года, когда дело просвещения «двинулось так быстро, как не двигалось ни прежде, ни после этого» [2]. А дальше начался спад.

Летом 1873 года жандармам удалось выявить несколько случаев пропаганды революционных идей народниками в Поволжье, в том числе и в Симбирской губернии. Опасаясь, что учителя могут распространять среди грамотных крестьян «вредные идеи», правительство решило привлечь к слежке за ними сельские власти. Так, министр внутренних дел А. Е. Тимашев во время пребывания в Симбирске 3 июня 1873 года принял волостных старшин губернии и предложил «как можно строже относиться к выбору учителей в школы, наблюдая, чтобы эти лица отличались самой безукоризненной нравственностью». Передовому читателю «Симбирских губернских ведомостей», где появилась эта речь министра, было ясно, что под «нравственностью» подразумевалась политическая благонадежность.

И народному просвещению наносится еще один неизмеримо опасный удар. 25 декабря 1873 года Александр II, опасаясь, что народная школа при недостатке охранительного наблюдения может быть обращаема «в орудие нравственного растления народа, к чему уже и обнаружены некоторые попытки», призвал дворянство «стать на страже народной школы».

По этому «высочайшему повелению» губернские и уездные предводители дворянства возглавили училищные советы. Заведование учебной частью в школах вверялось директору народных училищ и его помощникам — двум участковым инспекторам. Летом 1874 года, по свидетельству В. Назарьева, «последовало невыразимо грустное для наших учителей распоряжение об упразднении учительских съездов в том виде, как существовали они до сего времени...» [3].

---

[1] Симбирские губернские ведомости, 1872, 9 декабря.
[2] Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 3536, оп. 1, д. 2, л. 91.
[3] Вестник Европы, 1876, кн. 3., с. 226.

Илье Николаевичу, ставшему в июле этого года директором народных училищ губернии, работать стало труднее, ибо дворянские предводители — новые председатели училищных советов — смотрели на школьное дело как на пустяки, которыми можно заниматься между прочим.

В симбирском обществе, по словам В. Н. Назарьева, ополчились и поднялись «Ноздревы, Собакевичи и Коробочки; встрепенулись все до единого фарисеи и книжники, осыпая тупыми насмешками и незаслуженными нареканиями еще вчера только что не священные имена Ушинского, барона Корфа и др., дружно накинулись на новую школу, с явным намерением разнести ее по частям, даже под шумок вовсе покончить с просветительными затеями или, по крайности, круто повернуть к дешевым школам, помещающимся в черных избах, караулках и руководимым солдатами, дворниками, причетчиками и прохожими» [1].

В тяжелом положении оказались И. Н. Ульянов и его немногие помощники. Однако Илья Николаевич остался верным последователем К. Д. Ушинского, сторонником звукового метода обучения грамоте, принципа наглядности в обучении, развивающего характера этого обучения, поборником всесторонней педагогической подготовки народного учителя. Эта преданность лучшим традициям просветителей поражала В. Назарьева, который считал «чудом» появление в симбирских «палестинах» такого человека. «Единственным двигателем, единственным просветителем одной из богатейших приволжских губерний является инспектор народных училищ. Это был один из неизвестных тружеников, никогда не идущих далее скромного места и ничтожного, едва хватающего на пропитание, жалованья» [2]. Эту характеристику Илье Николаевичу В. Назарьев дал на страницах «Вестника Европы». В частном же письме к редактору этого журнала М. М. Стасюлевичу он называл И. Н. Ульянова «идеальным инспектором», представляющим «редкое, исключительное явление между инспекторами. Это старый студент,— продолжал писатель-симбирянин,— сохранившийся таким, каким сидел на студенческой скамье, до настоящего времени, это одна из личностей, которых когда-то так мастерски изображал Тургенев, это студент в лучшем понимании этого слова» [3].

В. Назарьев знал о столкновениях Ильи Николаевича с «плутами-подрядчиками», «разжиревшими волостными

[1] Вестник Европы, 1876, кн. 3. с. 287.
[2] Там же, с. 294.
[3] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Пб., 1912, т. 3, с. 697.

старшинами», крепостниками-помещиками, реакционным духовенством и чиновничеством. Но он знал и нечто большее и важное, о чем доверительно сообщил в том же письме от 10 марта 1876 года М. Стасюлевичу. Он писал, что «ввиду весьма печальных соображений» он не решился сказать на страницах «Вестника Европы», что И. Н. Ульянов «далеко не пользуется вниманием министерства и далеко не благоденствует».

Трудно сказать, как сложилось бы служебное положение Ильи Николаевича, если бы не появление в «Вестнике Европы» назарьевских очерков. Ведь теперь симбирским и столичным собакевичам неудобно было бы расправиться с единственным просветителем, поставившим дело народного образования в губернии едва ли не лучше, чем во многих других местностях империи. Определенное значение для всех просветителей имело и обострение обстановки на Балканах. Летом 1876 года, когда Сербия и Черногория выступили против Турции, в стране началось мощное движение за оказание братской помощи славянам, переросшее в освободительную русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Армии нужен был грамотный солдат, а развивающейся промышленности — более или менее подготовленный рабочий. Обострение нужды народных масс во время войны, сильные неурожаи, казнокрадство военных интендантов на фронте — все это создало обстановку всеобщего возбуждения, перераставшую в революционную ситуацию.

В сложившихся условиях Илья Николаевич удержался на своем многотрудном посту. Более того, в канун 1878 года ему был присвоен чин действительного статского советника — чин штатского генерала, дававший права потомственного дворянства. Но это не изменило его взглядов — он по-прежнему оставался демократом. Мария Ильинична писала в связи с этим: «Илья Николаевич был чиновником министерства народного просвещения, получал за свою службу чины и ордена, но остался чужд чиновничьего духа того времени с его прислужничеством и карьеризмом. Для него были важны не чины и ордена, а идейная работа, процветание его любимого дела, наилучшая постановка народного образования, во имя которого он работал не за страх, а за совесть, не щадя своих сил» [1].

---

[1] *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. М., 1978, с. 263 (в дальнейшем — *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых).

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ

Илье Николаевичу по должности казенной квартиры не полагалось. Первые годы Ульяновы жили у трех хозяев на Стрелецкой улице[1], протянувшейся у самой бровки крутого и высокого волжского косогора. Через пять лет сменили и район города: жили в двух домах на Московской (ныне — Ленина), затем на Покровской (ныне — Л. Толстого) — улицах, параллельно спускавшихся от центра к реке Свияге. Скитание в течение девяти лет по шести чужим домам, понятно, сопровождалось немалыми неудобствами и огорчениями. А семья росла: после Володи появились Оля, Митя и Маняша. С 1870 года у Ульяновых постоянно жила и няня Варвара Григорьевна Сарбатова.

Мария Александровна и Илья Николаевич мечтали о собственном жилье. Но только 2 августа 1878 года они смогли купить дом на хорошо знакомой Московской улице. Он был деревянный, в один этаж с фасада и с антресолями под крышей со стороны двора, с большим двором и садом. Внизу разместились гостиная, кабинет Ильи Николаевича, столовая, комнатки Марии Александровны и няни. В антресолях получили по маленькой комнате Саша, Аня и Володя и детскую — трое младших. Обе половины антресолей имели внутренние лестницы, соединявшие верх с низом через две прихожие.

«Обстановка была самая простая, какая вообще часто встречалась у разночинцев средней руки, многое покупалось по случаю, вообще определенного характера не было. Портретов и картин на стенах не было, вообще обстановка носила пуританский характер»[2],— вспоминала Анна Ильинична. Но в доме был неплохой рояль, необходимая научная и художественная литература, учебные пособия, настенные географические карты.

Под стать скромной обстановке дома, столь же демократичными, естественными для передовых разночинцев были принципы и методы, которыми руководствовались Илья Николаевич и Мария Александровна в создании всего уклада жизни, традиций, духовного микроклимата, организации учения, труда и отдыха в большой семье.

---

[1] Ныне эти дома являются составной частью Ленинского мемориала.

[2] *Иванский А.* Молодой Ленин. М., 1964, с. 35.

Ушинский считал, что первой учительницей своих детей по возможности должна быть их мать. Мария Александровна была хорошо подготовлена к этой роли. По глубоко верному и меткому определению старшей дочери Анны, она, как и Илья Николаевич, была «педагогом в душе».

Всегда ровная, спокойная, веселая, очень чуткая и приветливая, терпеливая и изобретательная на различного рода игры и забавы, Мария Александровна делала детство своих детей радостным и счастливым. Она участвовала во всех играх ребят, водила их на прогулки, приобщала к сокровищницам русской сказки и поэзии, разучивала с ними песни, аккомпанируя на рояле. И за что бы она ни бралась, все делала с таким вдохновением и фантазией, что даже, казалось бы, такая немудреная комнатная игра на стульях, изображающая тройку с санями, превращалась ею в яркое и незабываемое путешествие. В памяти Анны Ильиничны навсегда запечатлелась такая картина: «Брат (Саша.— *Ж. Т.*) сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком, я с мамой сзади, и она оживленно рисовала нам краткими понятными словами зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи.

Мы оба наслаждались. Ясно вставали перед глазами описываемые ею сцены. Мое детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней. Могу с уверенностью сказать, что никакой артист в моей последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых, поэтических минут, как эта бесхитростная игра с нами матери» [1].

Умело, и опять-таки со смекалкой, Мария Александровна приучала детей к труду. «Помню, сколько интереса доставляло мне,— вспоминала Мария Ильинична,— когда я была еще совсем маленькой, обучение вязанию и шитью. Мать подарила мне большой клубок красной шерсти и крючок для вязания. Я принялась за дело и скоро увидела с удивлением, что из-под шерсти торчат какие-то твердые предметы. Постепенно, по мере того как я вязала, из клубка появлялись маленькие игрушки, конфеты и т. п. И я вязала с увлечением, стараясь поскорее разгадать все тайны, заключавшиеся в этом чудесном клубке» [2].

Так, без принуждения, с интересом под руководством матери дети мастерили елочные игрушки и украшения, готовили друг другу самодельные подарки к праздникам и

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 36—37.
[2] *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 281.

именинам. Постепенно Мария Александровна добивалась того, чтобы дети сами себя обслуживали, старшие заботились о младших; словом, понимали, что у каждого есть определенные обязанности, как обязателен для каждого и посильный труд. Особые и многословные назидания не требовались — дети видели, что мать сама всегда занята делом.

К большой радости ребят, Илья Николаевич играл с ними в жмурки, рассказывал смешные истории, распевал песенки, танцевал, участвовал в «сидячих» играх — составлении ребусов, шарад, учил выпиливанию, вырезыванию, игре в шахматы. Очень любили дети его кабинет, где всегда было немало различных приборов, моделей, выставок, коллекций, гербариев. Отец рассказывал им о смене дня и ночи, времен года, атмосферных явлениях, знакомил с мерами веса и объема, календарями, картинами «трех царств природы», единицами измерения времени и пространства, географическими картами, глобусом, показывал «туманные картины через «волшебный фонарь», обращал внимание ребят на наиболее интересные материалы в детских журналах.

Илья Николаевич и Мария Александровна воспитывали в детях любовь к природе. Прогулки за город, купание в Свияге, уход за садом, поездки по Волге — все это очень полюбили дети. Радостными были те летние недели, которые Ульяновы проводили в Кокушкине, с его речушкой Ушней и живописными окрестностями. Здесь было где побегать вволю, пособирать цветы, грибы и лесные ягоды, покупаться и позагорать. Особенно интересными становились прогулки, когда в них принимали участие Мария Александровна и приезжавший на несколько дней Илья Николаевич. Мать лучше всех знала каждую тропку и полянку, безошибочно выводила детей к наиболее урожайным грибным и ягодным местам, помогала распознавать растения и деревья, разъясняла происхождение названий рощиц, водоемов и угодий, рассказывала о былях и легендах края. Илья Николаевич давно слыл любимцем всего кокушкинского общества, но особые симпатии питали к нему дети.

Детей рано приобщали к грамоте. По усовершенствованному Ильей Николаевичем звуковому методу Мария Александровна, словно играя, учила читать пятилетнюю Аню по азбуке, вырезанной из картона. Саша выучился возле сестры самостоятельно и уже четырехлетним раскладывал на полу газету и читал, лежа на ней. Когда наступил черед второй пары детей, мать начала заниматься

с ними. «Читать Володя выучился у матери лет пяти,— рассказывала Анна Ильинична.— И он, и сестра Оля очень полюбили чтение и охотно читали детские книги и журналы, которые в изобилии получал наш отец. Стали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивали наизусть стихи» [1].

Раннее чтение умело направлялось родителями, которые прежде всего заботились о том, чтобы их дети имели ясные представления о добре и зле, любили свой народ и стремились быть полезными Родине. Оля уже в пятилетнем возрасте читала наизусть большую стихотворную «Сказку про воробья, который делал все, что мог» С. Бурениной.

Содержание сказки незамысловато. Воробушек не раз видел, как люди восторгаются звонкой песней жаворонка, любуются грациозной трясогузкой, восхищаются веселым щебетанием ласточек. Грустный, возвращается он к родному гнезду и жалуется матери, что никто не восторгается его чириканьем, не называет красивым, не похвалит. Мать отвечает:

Красота, величье, слава
Не для всех в удел даны,
Но быть добрыми и с пользой
Жить на свете все должны!

И воробьиха рассказала, как она однажды помогла своим чириканьем забыть невзгоды молодой швее, которая горько плакала у окна ветхого дома. Воробушек понял добрый намек матери, бросил грустить и стал трудиться, делать всем добро: отдавал зернышко больным птицам, бедных песней утешал. А когда нелепый случай оборвал его жизнь, прощальную песню ему пропел сам жаворонок, а все птицы хором повторили: «Он был добр, он был полезен, делал в жизни все, что мог!»

Высокую мораль, по свидетельству Анны Ильиничны, дети извлекали из «любимой всеми» младшими в семье «Колыбельной песни», которую напевала им Мария Александровна. Перечисляя наиболее чтимые в обществе профессии — полководца, поэта, ученого, философа, мать в «Песне» не исключает возможности, что ее дитя ждет жребий скромного, неизвестного труженика. Такая судьба ее не огорчает, и она хочет только, чтобы сын стал работником честным и избегал неправоты. Если же, наконец,

---

[1] *Ульянова А. И.* Детские и школьные годы Ильича. М., 1981, с. 5.

ему уготованы «печали и нужды», то пусть хорошенько набирается сил «для борьбы и для труда»[1].

Володе в семи-восьмилетнем возрасте очень нравилась «Песня бобыля» И. С. Никитина. В его устах звучали презрение к бездельнику-скопидому и явная симпатия к труженику-крестьянину, весь пожиток которого состоял из зипуна, когда он с большим задором декламировал перед родными:

Богачу-дур-раку
И с казной не спится,—
Бедняк гол, как сокол,
Поет, веселится[2].

Симпатии к простым труженикам черпались не только из книжек. Дети видели, как их родители дружески беседовали с крестянами во время пребывания в Кокушкине, а мать оказывала первую помощь больным, снабжала их лекарствами.

Демократизм родителей, их доброе отношение к «инородцам» способствовали раннему проявлению у детей сочувствия к народам, боровшимся за свою свободу, независимость, ликвидацию рабства. Тогда в печати довольно ярко отображалась борьба итальянских патриотов под руководством легендарного Джузеппе Гарибальди против австрийских захватчиков, русско-турецкая война 1877—1878 годов за освобождение братьев-славян от многовекового османского ига, гражданская война в американских Соединенных Штатах, окончившаяся поражением армий плантаторов рабовладельческого юга.

Даже в повседневных играх, как подчеркивал Дмитрий Ильич, проявлялись вполне осознанные влечения ребят. Это видно хотя бы на примере игры «в солдатики», которой увлекались братья и сестры Ульяновы. Готовясь к сражениям, каждый сам вырезал из плотной бумаги солдат и коней с подставками так, чтобы они держались вертикально. Когда все было готово, в столовой, где расстояния давно были промерены, ребята выставляли на полу по 10—15 своих фигурок в ряд и по очереди, как в детские кегли, сбивали их маленьким резиновым мячом. «Армия» Саши изображала гарибальдийцев, Ани и Оли — испанских стрелков, отстаивавших родину от нашествия наполеоновских войск, а Володина — бойцов за уничтожение рабства негров в Америке.

---

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ), ф. 13, оп. 1, д. 64, л. 14.

[2] См.: *Ульянова А. И.* Детские и школьные годы Ильича, с. 7.

И этот выбор во многом предопределялся талантливой повестью Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» — «настольной книгой» Володи и Оли, книгой, проникнутой глубоким сочувствием к труженикам-неграм и ненавистью к их белым поработителям-плантаторам. А во время игры в «казацкую вольницу» Володя выбрал себе имя гоголевского героя-богатыря Тараса Бульбы, покорившего его храбростью и любовью к Родине, всецело отдавшего себя служению своему народу в борьбе с иноземными поработителями.

Героический образ Тараса пленял еще и тем, что он обладал беспредельной силой духа, которая помогла ему достойно пройти через жесточайшие испытания. Илья Николаевич, как и Н. А. Добролюбов, придававший большое значение воспитанию сильного характера и крепкой воли у детей, потому-то, наверное, и рекомендовал им эту глубоко патриотическую повесть.

Примером чрезвычайной твердости и мужественного характера для братьев и сестер был старший брат Саша. Тяжела была ему гимназическая лямка, но он настойчиво, вполне самостоятельно и вместе с тем глубоко овладевал учебной программой. Умел Саша выкраивать время и для внеклассного чтения. В часы досуга он был организатором всех игр, в которых обычно участвовали и Володя с Олей. Его увлеченность и изобретательность, справедливость и доброта, постоянная готовность прийти на помощь младшему в случае каких-либо затруднений и поделиться своими познаниями, удивительная скромность и внешнее обаяние — все это сделало его любимцем и дома, и в гимназии, среди товарищей.

Неудивительно, что, когда Володе было лет пять-шесть, старший брат и для него стал высшим авторитетом, предметом горячей любви и подражания. Анна Ильинична вспоминала в связи с этим: «О чем бы в те годы ни спросили Володю, он отвечал неизменно одно: «как Саша». Помню, как мы трунили над ним, как ставили его иногда в намеренно неловкое положение — ничто не помогало. И если с годами подражание брату утратило такой смешной характер, то во всем основном по мере сил Володя, как и все мы, старался «равняться по Саше». Его пример и влияние в семье не может быть переоценено» [1].

Это подражание помогало Володе преодолевать вспыльчивость, вырабатывать трудоспособность, любознатель-

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 44.

ность, общительность, умение видеть сильные и хорошие стороны своих близких и знакомых и вместе с тем критически относиться к окружающему. «Вообще Володя был большой дразнилка и насмешник, подмечая слабую струну каждого. А у кого их не было? — вспоминала Анна Ильинична.— Разве только у Саши: к которому, кроме того, как уже сказала, отношение Володи было особое, перед которым он прямо преклонялся» [1].

В свою очередь Саша по-братски заботился о Володе. Одним из примечательных примеров является его живейшее участие в обсуждении на семейном совете вопроса об учении Володи в гимназии. Испытав на собственном опыте все «прелести» царивших в ней полуказарменных порядков с зубрежкой и муштрой, грубыми проделками старшеклассников над малышами и нередко несправедливым отношением учителей к воспитанникам, двенадцатилетний Саша решительно заявил, что «не следует отдавать Володю в приготовительный класс, а надо подготовить его к первому» [2]. Илья Николаевич и Мария Александровна прислушались к голосу старшего сына, и Володя начал овладевать курсом приготовительного класса сначала дома, с родными, затем, недолго,— под руководством народных учителей В. А. Калашникова, И. Н. Николаева. Завершала его подготовку Вера Павловна Ушакова.

В это время, с осени 1878 года, братья жили на антресолях рядом — Саша проходил в свою комнату через Володину. Теперь от подъема и до отхода ко сну внешкольная жизнь их в течение пяти лет протекала на глазах друг друга. Младший постоянно видел, что старший без всяких напоминаний со стороны родителей усидчиво и тщательно готовит уроки, поддерживает чистоту и порядок в комнате. И только после того, как все полагающееся сделано, уже в часы досуга, читает интересующие его книги или отдается играм. Словом, Саша показывал, как надо учиться и отдыхать. «А так как младшие всегда подражают старшим,— подчеркивала Анна Ильинична,— а Володя, кроме того, горячо любил брата и старался следовать его примеру во всем,— то у него с раннего детства стала вырабатываться привычка серьезно выполнять все заданное, прорабатывать все изучаемое основательно до конца» [3].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, д. 64, л.10.
[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 56.
[3] *Иванский А.* Молодой Ленин, с. 152.

И с какой ответственностью, с каким желанием учиться относился Володя к занятиям, которые проводила с ним В. П. Ушакова — учительница женского училища, находившегося невдалеке от дома Ульяновых, на Панской улице (ныне — Энгельса, № 4). Володя должен был приходить к ней на час-два или до уроков, с 8 до 9 часов, или в свободные для Веры Павловны часы, когда в классе проходили уроки рукоделия, рисования или «закона божьего». Володя понимал, что он не должен опаздывать, и твердо помнил назначенное время. «Проворный и живой,— вспоминала старшая сестра,— Володя бежал обычно бегом на урок. Помню, как мать сказала в одно свежее осеннее утро: «Убежал Володя в ситцевой рубашке! Хотела ему надеть что-нибудь сверху, да не успела обернуться, а его уже нет: я к окну, чтобы позвать его, а он уже за угол заворачивает...»

К концу лета 1879 года будущий первоклассник готов был показать по «закону божьему» знание «общеупотребительных» молитв, главных событий «священной истории Ветхого и Нового завета» и умение читать по-церковнославянски. Не страшил Володю экзамен по русскому языку, включавший в себя «диктовку без искажения слов», умение бегло и со смыслом читать и пересказывать прочитанное по предложенным вопросам, а также различать части речи, склонения существительных, прилагательных и местоимений, спряжения глаголов и, наконец, декламацию стихотворений из «Родного слова. Год 2-й» К. Д. Ушинского. Все ясно было ему и по арифметике, где требовалось показать «основательное знакомство с первыми четырьмя действиями над простыми числами (умножение — на три цифры и деление — только на две цифры)», а также «умственное решение практических задач» по первой части «Сборника арифметических задач» В. А. Евтушевского.

В начале августа Илья Николаевич представил директору гимназии официальное прошение с просьбой допустить сына к вступительным экзаменам, приложив при этом требуемые гимназическим уставом документы: метрическое свидетельство о времени рождения и крещения сына, медицинскую справку о наличии у него прививки против оспы и копию с формулярного о своей службе списка (личного дела) по ведомству министерства народного просвещения. Дети чиновников этого ведомства, прослуживших 10 и более лет, освобождались от ежегодной тридцатирублевой платы за обучение.

Симбирск. Смоленский спуск и река Волга.

Симбирск. Классическая гимназия, где учились дети Ульяновых — Александр, Владимир и Дмитрий.

Симбирск. Памятник историку Карамзину.

Семья Ульяновых. 1879 г.

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ

Аттестат зрелости, полученный В. И. Лениным (Ульяновым) по окончании Симбирской гимназии за отличные успехи.

Золотая медаль, полученная В. И. Лениным по окончании Симбирской гимназии за отличные успехи.

В. И. Ленин — гимназист VIII класса. 1887 г.

СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Изданіе П. В. Анненкова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1855

Сочинения Пушкина.

СОЧИНЕНІЯ

ЛЕРМОНТОВА

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ,

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

Сочинения Лермонтова.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

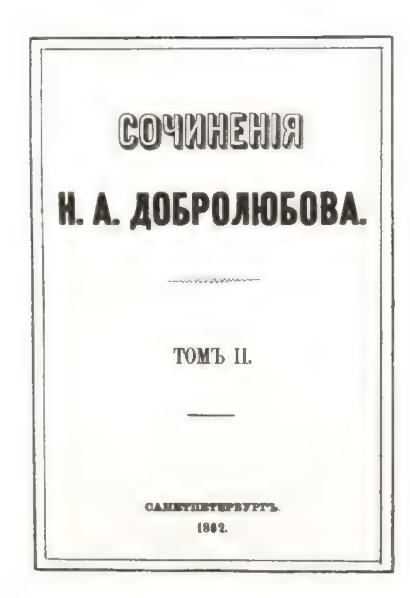
Н. В. ГОГОЛЯ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА.

1867

Сочинения Гоголя.

Сочинения Добролюбова.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА

VII

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

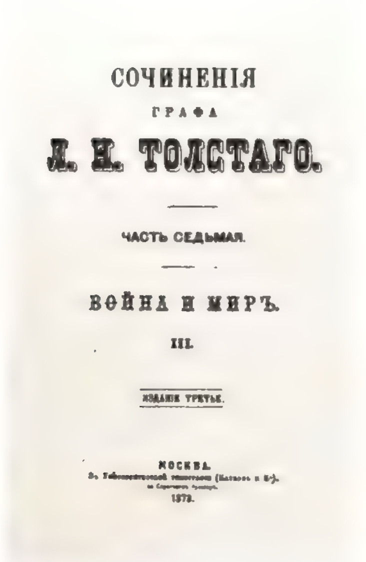
НЕКРАСОВЪ

Тройка. — Забытая деревня.
Поэтъ и гражданинъ. — Морозъ Красный-носъ.
Муза. — Дѣдушка. — Русскія женщины.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1877

Сочинения Некрасова.

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

ВОЙНА И МИРЪ.

III.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

1873.

Сочинения Толстого.

ЗАПИСКИ

ОХОТНИКА.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ТУРГЕНЕВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

«Записки охотника» Тургенева.

ŒUVRES D'ALEXANDRE HERZEN

БИБЛІОТЕКА СОЦІАЛЬНЫХЪ ЗНАНІЙ.
Серія первая, томъ I.

„КОЛОКОЛЪ"

ИЗБРАННЫЯ СТАТЬИ

А. И. ГЕРЦЕНА

(1857-1869).

ЖЕНЕВА
Вольная Русская Типографія
1887

«Колокол» Герцена.

РУССКІЕ ПОЭТЫ

ВЪ БІОГРАФІЯХЪ И ОБРАЗЦАХЪ

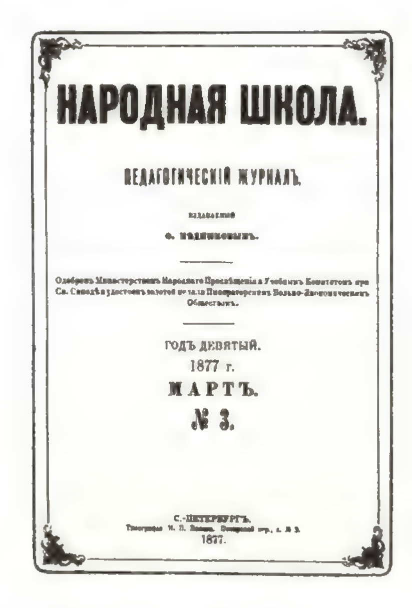
СОСТАВИЛЪ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЬ

изданіе второе исправленное и дополненное

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1880

Русские поэты.
(Составитель Н. В. Гербель).

НАРОДНАЯ ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

Ф. МЕДНИКОВЫМЪ.

Одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ и удостоенъ золотой медали Императорскимъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.
1877 г.
МАРТЪ.
№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія [illegible]
1877.

Журнал «Народная школа».

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА

и

ПОДБОРЪ ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ПОЛУ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

переводъ съ англійскаго подъ редакціею

И. М. Сѣченова.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
2-е, пересмотрѣнное изданіе
книжнаго магазина Черкесова.
1874.

«Происхождение человека»
Ч. Дарвина.

УРОКИ

элементарной физіологіи.

Т. Г. ГЕКСЛИ.

переводъ съ англійскаго

подъ редакціею

И. А. Петрова

съ предисловіемъ Д. И. Писарева.

изданіе редакціи

журнала „ДѢЛО".

Около 100 политипажей.

С. Петербургъ, 1867

«Уроки элементарной физиологии»
Т. Г. Гексли.

HISTOIRE

DE

LA RÉVOLUTION

FRANCAISE,

Par M. A. Thiers

TOME I.

Bruxelles.
SOCIÉTÉ BELGE DE LIBRAIRIE.

История Великой
Французской революции
на французском языке.

THE

DRAMATIC WORKS

OF

W. SHAKSPEARE,

FROM THE TEXT OF JOHNSON, STEEVENS, AND REED

WITH

A BIOGRAPHICAL MEMOIR,
SUMMARY REMARKS ON EACH PLAY, COPIOUS GLOSSARY, AND
VARIORUM NOTES

PARIS:
BAUDRY'S EUROPEAN LIBRARY

1842

Пьесы Шекспира
на английском языке.

В КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ И ДОМА

Вступительные экзамены в Симбирской классической гимназии начались 7-го и закончились 11 августа. 14-го числа Володя Ульянов, получивший по всем предметам высшие баллы, решением педагогического совета был зачислен в первый класс.

Занятия, как обычно, начались 16 августа. Это был четверг — короткой будет учебная неделя.

Хотя на березах и липах появились первые желтые листья и по календарю местных фенологов началось первоосенье, утро 16 августа 1879 года было отменным: в 8 часов ртутный столбик термометра показывал около 20 градусов тепла по Цельсию, а стрелка барометра стояла на «ясно».

После завтрака Володя впервые надел форменную одежду: суконные темно-серые шаровары поверх хромовых полусапожек, однобортный мундирный темно-синий полукафтан с твердым стоячим воротником, наглухо застегивавшийся на девять посеребренных гладких выпуклых пуговиц, темно-синее кепи, над козырьком которого был укреплен жестяной посеребренный знак (кокарда), состоявший из двух лавровых листьев, перекрещивавшихся стеблями, между которыми помещались прописные заглавные буквы названия города и гимназии — СГ.

В ранце установленного образца еще с вечера были аккуратно уложены «Родное слово» К. Д. Ушинского, «Краткая грамматика» Л. И. Поливанова, «Руководство арифметики для младших классов» и «Собрание арифметических задач» А. Ф. Малинина и К. И. Буренина, тетради, дневник, пенал с ручкой, карандашами, ножичком и резинкой.

Когда городские часы на колокольне Вознесенского собора пробили половину девятого, Саша, Аня и Володя вышли через парадное крыльцо на улицу и, тепло напутствуемые родными, зашагали вверх по Московской: пятнадцатилетняя Аня — в выпускной класс, тринадцатилетний Саша — в пятый и Володя — в первый. Но в буквальном смысле сегодня шли в первый двое. Аня тоже... Дело в том, что в Мариинской женской гимназии начальным классом был седьмой, а выпускным — первый.

На углу Большой Саратовской (ныне — Гончарова) Аня свернула направо и пошла в женскую гимназию, а братья — к Карамзинскому садику, посреди которого возвышался

массивный бронзовый памятник Н. М. Карамзину — автору знаменитой «Истории государства Российского».

Направо от него стояло белокаменное двухэтажное здание гимназии, где учился Саша. Приготовительный же класс и оба первых (нормальный и параллельный, или «А» и «Б») из-за нехватки помещений в главном корпусе размещались в то время в нижнем этаже Дома городского общества [1], расположенного на противоположной стороне садика. Сюда и зашагал самый юный гимназист [2].

Сложные и противоречивые чувства испытывали родители, проводив сына в это единственное на всю Симбирскую губернию светское среднее учебное заведение.

Радовало, что Володя успешно выдержал вступительные экзамены. И все же Илья Николаевич и Мария Александровна не могли не волноваться. Сумеет ли мальчик, с таким живым и непосредственным характером, большой любознательностью и обостренным чувством справедливости, сохранить самобытность своей натуры в казенной обстановке гимназии?

Толстовско-деляновскую гимназию 70-х и 80-х годов (по фамилии министров народного просвещения графа Д. А. Толстого и И. Д. Делянова) гневно осудили в литературе В. Г. Короленко, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский и другие прогрессивные писатели. Но наиболее емкую характеристику ей дал А. П. Чехов в рассказе «Человек в футляре» словами: это «не храм науки, а управа благочиния, и кислятиной воняет, как в полицейской будке».

Не могла быть исключением и Симбирская гимназия. Регламентировано было все. Посещение занятий допускалось только в форменной одежде полувоенного образца. Учебники и все необходимое для учения носилось только в ранце на спине. При встрече на улице с губернатором, архиереем и другими сановниками гимназист обязан был снять кепи (с 1881 года — фуражку) и вежливо раскланяться. Обращаясь письменно к гимназическому начальству, надо было, в зависимости от чина, титуловать его «благородием» или «высокоблагородием».

Расстегнутый воротник мундира, шалости на переменах, «неуместные вопросы к преподавателям», «неимение на уроке Евангелия», разговоры во время богослужения — все это и многое другое фиксировалось в «Книге учеников, оставляемых после пятого урока» или «Штрафном журнале», и провинившиеся строго наказывались, вплоть

[1] Теперь в этом здании располагается музыкальное училище.
[2] Все первоклассники были старше Володи на год и более.

до суточного заключения в карцер с содержанием на черном хлебе и воде.

Так, только в «Ведомости о числе более важных взысканий» за первый год учебы Володи Ульянова 39 гимназистов были подвергнуты «одиночному сидению в классе», 115 получили выговоры классных наставников, 343 были оставлены в гимназии после уроков на срок от одного до трех часов, 46 ученикам были назначены особые домашние задания на праздники и воскресные дни, 39 — даны выговоры инспектора «перед классом со внесением в штрафной журнал и оповещением родителей», 21 заслужил «отделение от общества товарищей, без лишения свободы», 14 получили выговоры от директора «перед классом, влекущие за собою понижение отметки за поведение» [1].

Впрочем, родителей и детей тревожили не только строгости. Страшилищем классической гимназии было засилье латинского и греческого языков в курсе обучения, из-за чего многие ребята оставались по нескольку лет в одном классе или бросали учебу.

Начало учебы Володи Ульянова совпало с назначением в Симбирскую классическую гимназию нового директора — Ф. М. Керенского [2], сменившего ханжу и казнокрада И. В. Вишневского.

Вот как отзовется много лет спустя Керенский о новом месте своей службы: «В округе гимназия по малоуспешности учеников была на самом плохом счету. Малоуспешность зависела главным образом от того, что директор В-ский и инспектор Хр-в [3], не имея надлежащей подготовки, преподавали древние языки в старших классах. Преподавание словесности было также в слабых руках... В первый же учебный год по вступлении моем в должность директора уроки древних языков в старших классах были переданы отлично знающим свое дело и энергичным преподавателям, а преподавание словесности и логики взял я на себя. Через три-четыре года Симбирская гимназия снискала лучшую репутацию среди других гимназий округа». Ф. М. Керенский, большой любитель саморекламы, на сей раз более или менее объективно обрисовал те изменения, которые произошли при нем. Но новый директор «подтягивал» Симбирскую гимназию суровыми, подчас безжа-

---

[1] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 101, оп. 1, д. 295, л. 27.

[2] Отец будущего премьер-министра Временного правительства.

[3] И. В. Вишневский и И. Я. Христофоров.

лостными методами. Об этом говорит, в частности, чрезвычайно высокий уровень второгодничества и отсева. Так, из пятого класса, где учился Александр Ульянов, за неуспеваемость по древним языкам не перешли в следующий класс 18 мальчиков. Даже в восьмом классе в том же 1880 году из 23 выпускников не были допущены к устным испытаниям 10 человек.

За первое пятилетие его работы из гимназии отсеялось около 250 воспитанников, то есть больше, чем поступило в нее за это же время.

Строгость требований к знаниям учащихся в Симбирской гимназии, отмечалось в одном из докладов доцента Казанского университета в учебный округ, «наибольшая из всех гимназий. Несмотря на эту строгость оценки ответов преподавателями, директор гимназии ставил в большинстве случаев отметку ниже отметки преподавателя».

Значительное повышение платы за обучение, введенное по инициативе Ф. М. Керенского в 1880 году, прежде всего сказалось на детях из малоимущих семей.

В приготовительном она возросла с 14 до 16 рублей, а в остальных классах — с 30 до 40 рублей в год. Ежегодные взносы за учеников, проживающих в гимназическом пансионе, увеличились со 160 до 220 рублей. Такая плата была обременительна даже для среднего чиновника, не говоря уже о рабочем или народном учителе, жалованье которых обычно не превышало 180 рублей в год.

Словом, безотрадную картину представляла собой Симбирская классическая гимназия и при новом директоре. Учиться здесь, как и в большинстве учебных заведений подобного типа, было трудно и тягостно.

Но у детей Ильи Николаевича и Марии Александровны Ульяновых не было другого выбора. В Симбирской губернии с населением около 1 миллиона 300 тысяч «душ обоего пола» в 1879 году не имелось ни реальной гимназии, ни даже реального училища. Впрочем, Симбирск той поры не являлся в этом отношении отсталым городом по сравнению с другими. В Самаре, Саратове, Пензе и многих других губернских центрах Поволжья и Урала было всего лишь по одной мужской гимназии, и тоже классического типа. Так что учение в Симбирской классической гимназии было, выражаясь словами Ильи Николаевича, «необходимым мостом», без которого «нет доступа в университет...» [1].

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 56.

Занятия начинались с 9 часов утра и продолжались обычно до «2 часов 30 минут пополудни». Пятидесятиминутные уроки отделялись друг от друга 5—10 минутными перерывами. Между третьим и четвертым имелась получасовая перемена, большая часть ее заполнялась гимнастикой. В первую же неделю учения Володя почувствовал, что же такое классическая гимназия: восемь уроков латыни — ровно в два раза больше, чем по родному языку или арифметике.

Контрольные проверки по древним языкам проводились часто и внезапно. Поэтому, если первоклассник хотя бы один день не отработал заданное, он уже рисковал попасть в число «двоечников». А ведь большая часть из них в течение учебного года пропускала занятия из-за простуд и детских заболеваний.

Немало лишнего, а порой и вовсе ненужного надо было заучивать наизусть по другим предметам, и особенно по «закону божьему». Учитель чистописания так строго добивался привития навыков каллиграфии, что положительную оценку у него получить было очень непросто.

В результате порою непосильных требований из 27 первоклассников двое перешли во второй класс только после переэкзаменовки осенью, а пятеро ребят вообще не преодолели этот рубеж. Нелегко было учиться и Володе Ульянову. Но он с первой же четверти взял уверенный старт и в конце учебного года получил первую награду — похвальный лист и дарственную книгу, завоевав репутацию первого ученика.

В чем секрет его успехов? Несомненно, что сказывалось громадное влияние общей деловой обстановки, царившей в семье. Илья Николаевич, в свое время растолковавший старшей дочери «написанную варварским языком» грамматику Говорова и просматривавший в планах или готовом виде «все ее сочинения», помогал и сыновьям. Причем не только по точным наукам и русскому языку. Одним летом он даже сам начал изучать с Сашей основы греческого языка, который в его время не изучался в Астраханской гимназии. Внимательно следил он и за учебой Володи: проверял выполнение домашних заданий, приучал к аккуратности, разъяснял непонятное, рекомендовал дополнительную литературу, книги для внеклассного чтения. Но не только занятиями в узком смысле слова благотворно влиял Илья Николаевич на детей. «И все в нем: его речь, сама его личность, проникнутая верой в силу знания и добро в людях,— действовало, несомненно, развивающим

и гуманизирующим образом и на детские души, и мы,— пишет Анна Ильинична,— рано научились признавать необходимость и важность знания».

Володя внимательно слушал объяснения учителей в классе и, как говорится, по свежим следам дома занимался с учебниками, выполнял задания, а утром сам устраивал себе проверку. Нередко приходилось, как отмечала Н. К. Крупская, «заучивать всякий ненужный хлам, но у него был заведен такой порядок: сначала уроки выучит, потом за чтение возьмется. Держал себя в руках» [1]. И далеко не последнюю роль играла его природная одаренность, стремительно развивавшаяся в благоприятной домашней обстановке, что было заслугой Марии Александровны. Установленный родителями распорядок дня соблюдался неукоснительно. Уроки дети готовили в столовой. Здесь, за обеденным столом, под присмотром матери занимались Саша, Аня, Володя и Оля. В случае надобности каждый мог получить совет, помощь. Матери удобно было наблюдать за всеми одновременно, да и керосин экономила. Обычно Володя раньше справлялся с уроками и начинал шалить. «И бедной матери,— вспоминала Анна Ильинична,— приходилось справляться с невыполнимой задачей: соблюсти одинаковые интересы различных по возрасту, темпераменту и заданиям детей, так как ясно, что меньшим надо было тоже двигаться, шуметь, а по временам и колесом ходить. В наиболее трудные минуты и когда отец оказывался свободным, он приходил на выручку. «Володя, ты что уроки не учишь?» — «Я выучил».— «Ну, покажи, что задано». И отец уводил Володю в кабинет для проверки уроков. Но оказывалось, что он прав, что все задания действительно исполнены» [2]. Тогда Илья Николаевич старался занять его рассматриванием глобуса или какой-нибудь коллекции, игрой в шахматы. Иногда Мария Александровна уводила меньших в гостиную, садилась за рояль и тихо что-нибудь играла.

В субботние вечера дети обычно не готовили уроков, и вся семья собиралась в гостиной. Иногда решали или составляли ребусы, шарады и литературные викторины, слушали игру матери на рояле, подпевали ей, читали вслух, декламировали стихи. Одно время по инициативе Саши по субботам выпускался свой рукописный журнал «Субботник». «Каждый из нас,— вспоминала Анна Ильинична,—

---

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 31.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, д. 64, л. 17 об.

должен был за неделю написать что-нибудь на свободно выбранную тему; все эти листки передавались Саше, который вкладывал их без всяких изменений в приготовленную им обложку и добавлял что-нибудь от себя. И вот номер был готов и читался вечером в присутствии отца и матери, принимавших самое живое участие в нашей затее, к которой они отнеслись чрезвычайно сочувственно.

Помню их оживленные, довольные лица; помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания. Теперь, когда я гляжу назад, мне кажется, что эти вечера были апогеем коллективной близости нас, четверых старших, с родителями. Такое светлое и радостное оставили они воспоминание!» [1]

Эта светлая атмосфера родного дома укрепляла у жизнерадостного и любознательного Володи уверенность в своих силах, помогала ему успешно овладевать гимназическим курсом.

В августовские дни 1880 года он стал ходить во второй класс, который помещался уже в основном здании гимназии, где учился и старший брат. Володя решил, что будет изучать не один, а два новых языка — немецкий и французский, как Саша. Впрочем, такую дополнительную нагрузку взяла на себя почти треть второклассников, однако вскоре оказалось, что не всем это было под силу. Более того, из 35 мальчиков в третий класс перешли лишь 24. Володя же вновь был удостоен похвального листа и книги.

ОН БЫЛ ПРОТИВ ТЕРРОРА

Начало учения Володи Ульянова в гимназии совпало по времени с возникновением в России второй революционной ситуации.

Одной из непосредственных ее причин было обострение нужды и бедствий народных масс во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Тысячи мужчин-работников были призваны в армию и ополчение. Появились новые налоги, резко повысились цены на продукты первой необходимости. Как на беду следовали один за другим неурожаи. Положение крестьянства значительно ухудшилось из-за

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 61.

роста малоземелья и цен на землю. Хроническое недоедание трудового люда сопровождалось вспышками эпидемических заболеваний, снижением рождаемости и увеличением смертности. Достаточно сказать, что в 1878 году в Симбирске родилось 1573, а умерло 2894 человека. «Такое падение роста населения,— отмечал местный публицист,— нельзя не приписать влиянию турецкой войны...»

Ухудшение положения крестьян обострило классовую борьбу. Почти повсеместно они требовали «справедливого» передела земель, протестовали против тех стеснений, которые устанавливались властями для желающих переселиться в восточные районы страны, против жестокого взимания податей и недоимок. Очень широкое распространение получили такие формы протеста крестьян против остатков крепостничества, как самовольные потравы на принадлежавших помещикам полях, порубки в лесах, поджоги их усадеб.

Напряженность обстановки на селе в 1878—1879 годах усиливалась и под влиянием массовых слухов о «черном переделе», которые вызывали у властей большую тревогу, чем те или иные локальные крестьянские волнения [1].

Стремясь прекратить распространение этих толков, министр внутренних дел Л. С. Маков издал от имени царя «Объявление», подтверждающее незыблемость частной собственности на землю. Летом 1879 года это «Объявление» было выставлено в Симбирске на рынках, торговой и базарной площадях.

Представители властей и духовенства, объясняя причины появления «Объявления», напоминали о покушении 31 января 1878 года В. И. Засулич на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, убийстве 4 августа того же года шефа жандармов империи Н. В. Мезенцева (С. М. Степняком-Кравчинским.— *Ж. Т.*), покушении 2 апреля 1879 года А. К. Соловьева на жизнь Александра II. Особо подробно говорилось о «трех личностях, которые явились в Киевскую губернию, назвались там комиссарами от государя императора, где до тысячи человек крестьян разных волостей ввели через обман в заблуждение, которые записались в тайную дружину действовать насильственным образом против правительства» [2]. Все эти напоминания об эпизодах борьбы революционных народников с правительством сопровождались соответствующи-

---

[1] *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964, с. 13.

[2] ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 345, л. 27.

ми злобными комментариями и заканчивались призывами не верить пропагандистам.

Однако даже такие усердные увещевания далеко не всегда оказывали желаемое воздействие. И это закономерно. Ведь слухи о «черном переделе» распространялись в Симбирске и губернии не столько пришлыми «злонамеренными людьми», как это указывалось в маковском циркуляре, сколько теми из крестьян, которые еще не пришли к соглашению со своими бывшими помещиками и надеялись получить землю безденежно. Слухи о переделе земли, как это видно из донесений чинов симбирской полиции, разносились уволенными «из действующей армии в запас и в отставку и преимущественно теми из них, которые находились в действующей армии в пределах Турецкой империи» [1].

Со «злонамеренными пропагандистами», оказывающими «пагубное влияние» своими «вредными учениями» на юношество, активно боролось и министерство просвещения. В июньском номере «Циркуляра Казанского учебного округа» за 1879 год — журнала, который выписывал И. Н. Ульянов,— было помещено предписание, требовавшее от директоров учебных заведений особой осторожности при приеме учителей на службу. Указывалось также на необходимость объяснять «ученикам старших классов гимназий и реальных училищ» несостоятельность «социалистических учений».

В ноябре того же года Илья Николаевич получил циркуляр министра, запрещавший руководителям народного образования назначение кого бы то ни было на учительскую должность до получения от губернатора письменной характеристики его «нравственных качеств и политической благонадежности» [2].

Через два месяца в Симбирск поступило секретное распоряжение министра с уведомлением о том, что «социалисты намереваются прибегнуть к поджогу зданий учебных заведений», и И. Н. Ульянову предлагалось через подчиненных — заведующих училищами принять меры: «1) пересмотреть все паспорты и виды разнородной прислуги, находящейся в учебном заведении, 2) тщательно осмотреть все подвальные этажи и чердаки, чтобы там не находилось удобовоспламеняемых веществ, и 3) ежедневно осматривать подвальные этажи, чердаки, лестницы и т. д.» [3].

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 345, л. 25.
[2] Циркуляр Казанского учебного округа, 1879, № 11, с. 466.
[3] ГАУО, ф. 128, оп. 2, д. 126, л. 9.

Подобные предупреждения о якобы варварских намерениях социалистов исходили по линии министерства внутренних дел. Штатные и добровольные «охранители порядка» в Симбирске и губернии повсюду и рьяно искали «крамолу», особенно в жизни народной школы. Одним из объектов нападок реакционеров стала Порецкая учительская семинария — детище И. Н. Ульянова.

Воспользовавшись случаями проявления политической неблагонадежности преподавателей и воспитанников, они стали публично чернить как семинарию, так и земскую школу вообще. Влиятельный протоиерей А. Баратынский в «Записке», появившейся 6 августа 1879 года в «Симбирской земской газете», с возмущением отметил снижение уровня религиозности в начальных училищах и шаткость «религиозно-нравственного направления» учителей-поречан.

Достойную отповедь этому священнику дал через две недели в той же симбирской газете преподаватель Порецкой семинарии А. И. Анастасиев, заявив, что его выпад против семинарии при «нынешнем возбужденном умонастроении» имеет «в общественном мнении значение доноса», подрывает «доверие к целому учреждению со стороны правительства и местного земства».

К сожалению, воинствующий протоиерей был не одинок. Алатырский предводитель дворянства А. Д. Пазухин в письме к попечителю Казанского учебного округа выразил твердое убеждение, что из Порецкой семинарии выходят «нигилисты, атеисты и вообще неблагонадежные в политическом отношении», что он как председатель училищного совета и на порог не допустит учителей, вышедших из этой семинарии.

Обозреватель симбирской газеты «Волжский вестник» полагал, что вообще народные учителя в высшей степени отзывчивы на «всякое либеральное заявление». Это, по его мнению, очень опасно. И для того, чтобы революционерам не удалось использовать учителей для пропаганды среди крестьян, публицист требовал возвратить священникам былую главенствующую роль в школе. И вообще школу «приурочить к храму» [1].

Анонимный автор «Симбирской земской газеты», не называя И. Н. Ульянова, но явно имея в виду его и других сторонников К. Д. Ушинского, считал серьезным изъяном народных училищ Симбирской губернии то, что в них «раз-

[1] Волжский вестник, 1879, 14 марта.

вивают ум разъяснением разных предметов чтения, относящихся к естествоведению, географии, истории, общественной жизни», но ничего не говорят о «великих реформах» Александра II и других «деяниях царя». Аноним упрекал деятелей народного образования и в том, что они по-настоящему еще не ведут борьбы «с появившимся злом» и «лжеучителями», то есть с пропагандистами.

Взгляды революционеров в фальсифицированном виде излагались на страницах печати. Но горожане знали о них и по подлинным документам — прокламациям. Много толков возникло, например, в связи с обнаружением властями в апреле 1880 года невдалеке от классической гимназии «возмутительного листка», приклеенного на фонарном столбе. Больше всего будоражило заявление его авторов о том, что на «развалине нынешней цивилизации тунеядцев пролетариат построит новый мир — мир труда» [1].

Илья Николаевич получал от попечителя Казанского учебного округа секретные циркуляры по делу тех или иных революционных кружков, списки неблагонадежных в политическом отношении учащихся, студентов и учителей, которых запрещалось допускать к преподаванию в народных училищах. Довелось ему читать и подлинные народовольческие издания, причем в домашней обстановке. В частности, в январе 1880 года он получил от штатного смотрителя сызранских училищ Добролюбского прокламацию, которая тому была прислана по почте.

Это было большое, страстно написанное воззвание Исполнительного комитета партии «Народная воля» о нашумевшей на всю страну попытке ее членов взорвать царский поезд 19 ноября 1879 года на линии Московско-Курской дороги. Особо впечатляющей была та часть прокламации, где народовольцы, обращаясь «ко всем честным русским гражданам, кому дорога свобода, кому святы народная воля и народные интересы», обосновывали необходимость казни царя:

«Царствование Александра II с начала до конца — ложь, где пресловутое освобождение крестьян кончается маковским циркуляром, а разные правды, милости и свободы — военной диктатурой и виселицами... Нет деревушки, которая не насчитывала бы несколько мучеников, сосланных в Сибирь за отстаивание мирских интересов, протест против администрации и кулачества. В интеллигенции — десятки тысяч человек нескончаемой вереницей

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1395, л. 21.

тянутся в ссылку, в Сибирь, на каторгу, исключительно за служение народу, за дух свободы, за более высокий уровень гражданского развития. Этот гибельный процесс истребления всех независимых гражданских элементов упрощается, наконец, до виселицы. Александр II — главный представитель узурпации самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств; 14 казней тяготеют на его совести, сотни замученных и тысячи страдальцев вопиют об отмщении; он заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные. Он заслуживает смертной казни. Но не с ним одним мы имеем дело. Наша цель — народная воля, народное благо. Наша задача — освободить народ и сделать его верховным распорядителем своих судеб». Будучи убежденным, что в ликвидации самодержавия и в передаче власти всенародному учредительному собранию заинтересованы все русские граждане, Исполнительный комитет заявлял в конце прокламации: «Для того, чтобы сломить деспотизм и возвратить народу его права и власть, нам нужна общая поддержка. Мы требуем и ждем ее от России».

Как только жандармский генерал Брадке узнал, что эта прокламация попала к И. Н. Ульянову, он дал нагоняй своему сызранскому помощнику: «Вы имели полное право потребовать, чтобы он (Добролюбский.— *Ж. Т.*) вам представил прокламацию... Подобные возмутительные воззвания не должны быть известны никому, кроме как жандармскому ведомству».

О том, что прокламация «Народной воли» оказалась у директора народных училищ И. Н. Ульянова, Брадке тут же доложил своему шефу в Петербург. «Имея в виду, что прокламация будет в руках директора народных училищ,— писал он,— я нашел нужным попросить г. директора народных училищ Симбирской губернии дать мне прокламацию для снятия копии и представления таковой вашему превосходительству». И как видно из дальнейшей переписки по этому делу, Брадке просил директора в дальнейшем не подшивать в свой архив подобные подлинники, а сразу же по поступлении передавать ему. Илья Николаевич прекрасно понимал причины беспокойства генерала. Но это были, как говорится, напрасные хлопоты: о программных целях революционных народников и методах борьбы за их осуществление он давно и в достаточной степени уже знал, как и другие люди его круга.

Борьба народовольцев в обстановке всеобщего возбуждения способствовала усилению кризиса «верхов». Нача-

лись изменения в составе правительства. И наконец-то в феврале 1880 года Александр II был вынужден снять с поста министра народного просвещения — ненавистного обществу Д. А. Толстого. Но крепостники упрямо стремились усилить свой контроль над народным образованием. Не упоминая И. Н. Ульянова и его сторонников, симбирские консерваторы со страниц местных газет по-прежнему сетовали, что если раньше обучение в начальных школах «шло рука об руку с религией», то ныне «благодаря людям, посвятившим себя народному образованию», этот союз ослабел, создавая тем самым опасность для судеб отечества.

Вот в такой сложной обстановке 11 ноября 1880 года Илья Николаевич встретил 25-летие своей службы. Народные учителя в честь юбилея вручили любимому наставнику теплый приветственный адрес и подарок — мраморный письменный прибор. В этот же день, согласно правилам, Илья Николаевич отправил попечителю Казанского учебного округа прошение с просьбой об оставлении его на службе еще на пять лет.

Попечитель округа П. Д. Шестаков сразу же наложил на прошении благоприятную для Ильи Николаевича резолюцию: «Представить во внимание к его весьма полезной и усердной службе».

Иначе поступил новоназначенный министр А. А. Сабуров. Продержав у себя почти три недели представление из Казани и «Формулярный список о службе Ульянова», он уведомил попечителя, причем без всякого объяснения мотивов решения, что «согласен на оставление директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Ульянова на службе на один год, со дня выслуги им 25-летнего срока, с 11 ноября 1880 года, о чем и будет внесено в приказ».

Много лет спустя Анна Ильинична так прокомментировала это неожиданное и жестокое решение министра: «Деятельность Ильи Николаевича стала подпадать под подозрение... Это косвенное неодобрение его деятельности было очень тягостно для Ильи Николаевича. Предстояло быть оторванным от дела всей жизни, тревожила, кроме того, перспектива остаться с большой семьей без заработка» [1].

Одиннадцать лет Илья Николаевич трудился в Симбирске с полной отдачей всех сил и способностей. А в наг-

---

[1] Юбилейный сборник..., с. 9.

раду — открытое, понятное всем окружающим выражение неодобрения его службы самим министром. И вот приходится в 50 лет уходить в отставку, когда старшей из шестерых детей — Ане недавно исполнилось только 16, а Маняше нет еще и трех лет... А на сторублевую пенсию даже такой экономной хозяйке, как Мария Александровна, при постоянно растущей дороговизне на все съестные припасы и увеличении платы за учение в гимназии вряд ли удастся свести концы с концами.

Предупреждение министра о скорой отставке было напечатано в «Циркуляре Казанского учебного округа», а этот официоз выписывали не только Ульяновы — он поступал во многие училища, подведомственные Илье Николаевичу. И о несправедливом решении в отношении своего директора знали все подчиненные.

Как ни тягостно было у Ильи Николаевича на душе, надо было продолжать работать. В январские дни 1881 года он составляет годовой отчет. Затем отправляется в очередную поездку по осмотру народных школ, а по возвращении готовит для «Симбирских губернских ведомостей» данные о состоянии народного образования.

Вскоре, 1 марта 1881 года, в воскресный день, в Петербурге произошло событие, затмившее все другие толки: от ран, полученных при взрыве бомбы, скончался Александр II. Правительственное сообщение об убийстве царя поступило в Симбирск по телеграфу через несколько часов после этого, небывалого для России, события. Горожане узнали о нем из печатных объявлений, расклеенных в людных местах и продававшихся в киосках.

В письме В. Н. Назарьева известному литератору П. В. Анненкову в Германию сообщалось, что эта весть пришла «в Симбирск во время ярмарки, при огромном стечении народа... Мужики всячески старались добыть первое роковое объявление, платили бог знает какие деньги и увозили домой».

«На гостином дворе, во многих местах базарной площади и на некоторых частных домах,— сообщали «Симбирские губернские ведомости»,— развевались печальные флаги из белой и черной материи на древках, увенчанных крестом».

О том, как отнесся Илья Николаевич к покушению на императора, Анна Ильинична писала так: «Помню его в высшей степени взволнованным по возвращении из собора (4 марта.— *Ж. Т.*), где было объявлено об убийстве Александра II и служилась панихида. Для него, проведшего

лучшие молодые годы при Николае I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, он был против террора».

Анна Ильинична хотела завязать разговор на эту важную тему с Сашей, но он предпочел отмолчаться. О причинах несостоявшегося откровенного обмена мнениями она пишет: «...либо Саша определенно не согласился с отцом, либо он о своем, может быть, не вполне сложившемся мнении (ему не минуло еще в то время 15 лет) умолчал. И тогда либо он молчал со мной по той же причине, что и с отцом, либо, не согласившись с отцом, он молчал об этом по указанию отца, что говорить о своем несогласии ни дома, ни в гимназии не следует. Мог он, конечно, молчать и по собственной инициативе, как вообще его характеру было свойственно» [1].

Правительство, зная о нетерпеливом ожидании новостей, почти каждый день рассылало сообщения о ходе расследования обстоятельств покушения. Так, 4 марта «для сведений жителей города Симбирска» были вывешены «Объявления» о том, что уже арестован «главный распорядитель злодейского преступления 1 марта» (А. И. Желябов.— *Ж. Т.*), что первый снаряд в царя бросил мещанин Н. И. Рысаков, а второй — неизвестный человек, смертельно раненый на месте взрыва» (И. И. Гриневицкий.— *Ж. Т.*). Через день стало известно об аресте в Петербурге активного участника подготовки покушения Т. И. Михайлова.

Не ограничившись «Объявлениями», правительство обязало руководителей всех ведомств организовать устные разъяснения своим подчиненным. Поэтому попечитель Казанского учебного округа в предписании от 4 марта директору классической гимназии, где учились Александр и Владимир Ульяновы, установил порядок проведения панихид по покойному монарху: «В девятый, двадцатый, сороковой, полугодичный и годичный дни со дня кончины». О чем говорили духовные наставники, дает представление «Слово», произнесенное законоучителем женской гимназии, где училась Анна, и опубликованное в «Симбирских губернских ведомостях». Предав проклятию революционеров, убивших царя, проповедник нарисовал картину «печальных» явлений за последние десятилетия, к которым отнес развитие «религиозного неверия в некоторых членах общества, во многих холодность к вере... и, напротив,

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 68.

излишнее пристрастие к разнообразным светским развлечениям и удовольствиям». У многих, по словам священника, наблюдается апатия к чтению «книг религиозно-нравственного содержания» и вместе с тем увлечение чтением «романов, светских журналов и книг», интерес «к изучению и усвоению всевозможных, попадающихся в этих книгах, модных теорий».

По-разному реагировали дети на разговоры взрослых о покушении на Александра II. Вспоминая о детских забавах, в которых участвовал и Володя Ульянов, сын инспектора народных училищ М. Ф. Фармаковский привел такой пример. Как-то играя с товарищами, он, показывая на свой рисунок, воскликнул: «А вот убивают царя, вот летит рука, нога!..» Старушка няня остановила его словами: «Что ты, что ты, батюшка! Теперь и стены слышат!..»

2 апреля Андрей Желябов, Софья Перовская и их ближайшие соратники были казнены. Генерал Брадке, информируя о реакции симбирян на это известие, отметил, что общество все еще не пришло в «нормальное состояние спокойствия, оно ждет новых открытий, так как предполагает, что многие из участников преступления 1 марта еще не разысканы...». В майском отчете он вновь заявил, что общество «еще не успокоилось», что его, в частности, волнуют сведения об аресте в Петербурге офицеров и найденных там минах и подкопах. «Все газетные сообщения,— продолжал Брадке,— не могут не повлиять на все слои общества, которые видят, что социально-революционная партия, как ни преследует ее правительство, все-таки еще сильна и пользуется всякими удобными случаями, чтобы принести вред правительству».

Большинство крестьян губернии считало, что царя убили помещики и якобы за то, что он хотел дать мужикам «настоящую» волю. Однако в одном из сел, близ Симбирска, крестьяне верно поняли дело 1 марта и отказались явиться на панихиду, а смельчаки заявили: «Зачем мы будем молиться за того, кто не дал и не хочет дать нам настоящей воли... Мы уж лучше будем молиться о студентах, которые хотят для нас настоящей воли» [1].

Под влиянием мартовских событий заволновались и жители слобод Симбирска. Они самовольно рубили леса, отказывались платить подати, избивали сторожей. Представители думы в сопровождении полицейских пытались

[1] Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг. М.— Пг., 1923, с. 349—350.

навести «порядок», но слобожане заставили убраться их восвояси и отсрочить взимание налогов.

Немало разноречивых слухов носилось по Симбирску и губернии относительно внутренней политики, которую изберет новый царь. И Александр III в манифесте от 29 апреля внес ясность, заявив, что будет твердо охранять самодержавную власть «для блага народного от всяких на нее поползновений». Затем ушел в отставку министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, сочетавший репрессии против революционеров с уступками либералам. Вслед за ним покинули свои посты другие министры, в том числе А. А. Сабуров. Новым министром народного просвещения стал А. П. Николаи.

Учитывая эту смену начальства, 1 ноября Илья Николаевич отправил попечителю округа новое прошение с просьбой об оставлении на службе на пять лет.

Полтора месяца не было ответа на прошение. 19 декабря он просит попечителя округа о выдаче удостоверения в том, что, состоя на службе, не лишен права на получение пенсии, полагающейся за 25-летнюю выслугу, то есть еще с прошлого года. И только 30 декабря П. Д. Шестаков сообщил Ульянову, что приказом министра он оставлен на службе на четыре года.

Так нежданно-негаданно относительно благополучно завершился для Ульяновых этот тревожный 1881 год. Но он оставил неизгладимый след в их сознании. «Ильичу было тогда только одиннадцать лет,— писала Н. К. Крупская,— но такие события, как убийство Александра II, о котором все кругом говорили, которое все обсуждали, не могло не волновать и подростков. Ильич, по его словам, стал после этого внимательно вслушиваться во все политические разговоры» [1].

В ЭПОХУ РЕАКЦИИ

Разговоры на политические темы происходили и в гимназии. Не было ни одного крупного события на рубеже 70—80-х годов, по поводу которого бы директор или законоучитель на ежедневной общегимназической молитве не произнес соответствующего

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 32.

«слова», с тем чтобы укрепить у своих воспитанников веру во всемогущество «промысла божьего» и незыблемость самодержавия.

Вместе с тем под давлением общественного мнения и с разрешения министерства народного просвещения начальство Симбирской классической гимназии вынуждено было пойти на некоторое облегчение положения своих воспитанников. Педагогический совет, обсудив меры «к устранению обременения учеников занятиями», предложил преподавателям младших классов разъяснять на уроке задания на дом, а иногда даже и разучивать их в классе. Количество новых слов по иностранным языкам не должно быть более десяти. Письменные работы на дом было предложено назначать «посильные для учеников менее даровитых и малоуспевающих» [1].

На заседании 17 июля 1881 года был обсужден вопрос об устранении неудобств в форменной одежде гимназистов. Члены педагогического совета для устранения «вредного влияния на здоровье детей твердого воротника и наглухо застегнутого, стягивающего грудь однобортного полукафтана» решили заменить его «обыкновенным двубортным сюртуком с отложным мягким воротником». Решено было также «заменить синее сукно черным, имея в виду сравнительную дешевизну последнего, а также то, что наиболее бедные родители могут пользоваться их собственным платьем для одежды сыновей» [2]. В интересах неимущих совет еще раз рекомендовал преподавателям, «по крайней мере, в течение двух лет» держаться уже принятых учебников. Но все эти благие пожелания так и остались только на бумаге. Уже зимой 1881 года, когда Володя Ульянов учился в третьем классе, для всех стало очевидно, что все в гимназии остается по-старому.

Особую трудность, почти непреодолимую для среднего ученика, представлял собой язык древней Эллады. Изучение его шло подневольно и тяжело. «До сих пор,— признался Ф. М. Керенский в отчете за 1881 год,— я не находил ученика, который занимался бы греческим языком с любовью» [3]. Неудивительно, что из 36 учеников двое получили переэкзаменовку на осень, а 15 — остались на второй год в третьем классе. Владимир Ульянов — один из класса — вновь получил в награду похвальный лист и книгу.

---

[1] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 289, л. 32—33.
[2] Там же, д. 282, л. 55.
[3] Там же, д. 341, л. 8.

Из 26 мальчиков, которые в 1879 году учились с ним вместе в первом классе, с программой третьего справились только 15. Не лучше обстояло дело и в других классах, в том числе и там, где занимался Александр Ульянов.

Илья Николаевич и Мария Александровна знали об этой мрачной картине, с болью в сердце переживали за гимназистов и вместе с тем радовались, что Володя, как и Саша, успешно преодолевает трудности учения. Анна Ильинична вспоминала: «Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обменивается отец с матерью, следя глазами за коренастой фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись, иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна: получалась обычно одна отметка — 5»[1].

Родители были очень довольны успехами и других своих детей. Анна в 1880 году окончила Мариинскую гимназию с большой серебряной медалью, а с осени 1881 года с увлечением преподавала в начальной народной школе. Александр по-прежнему шел из класса в класс первым учеником, имел все шансы закончить гимназию с самой высокой наградой. Ольгу, как и Анну, не отдавали в младшие классы гимназии — ведь за обучение надо было платить по 45 рублей в год. Она с помощью старшей сестры готовилась к поступлению в 5-е отделение приходского училища. Словом, все ладилось в большой и дружной семье.

Но все чаще и чаще в дом Ульяновых приходили тягостные вести о переменах к худшему во внутренней жизни страны. В первые месяцы царствования Александра III общество еще надеялось на возможность либерализации существующего в России строя. И «верхи», опасавшиеся оставшихся на свободе народовольцев, до коронования царя не спешили напрочь развеять эту иллюзию.

---

[1] *Ульянова А. И.* Детские и школьные годы Ильича, с. 16.

«Правительство Александра III, даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия [1],— напишет впоследствии Владимир Ильич,— не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурачить «общество» [2].

Только этим объясняется тот факт, что целый год в центральной печати довольно оживленно говорилось о многих злободневных социально-экономических проблемах, в том числе о таких кардинальных, как созыв Земского собора, и даже о конституции. Что касается «Симбирских губернских ведомостей» и «Симбирской земской газеты», то наиболее острая полемика на их страницах велась по крестьянскому вопросу, о развитии капитализма и судьбах общины, о местном самоуправлении вообще и земских учреждениях в частности. Не сходил с повестки дня и вопрос о Порецкой учительской семинарии и народной школе.

Всех волновало тяжелое положение деревни, сильно пострадавшей вследствие неурожаев хлебов в 1880, 1881 и 1882 годах.

Об этих наболевших проблемах Ульяновы знали не только из газет — ведь Илья Николаевич по нескольку месяцев в году бывал на селе и после возвращения домой с горечью делился с родными и друзьями своими впечатлениями. В своих годовых отчетах, выходивших ежегодно в виде книжек, он неизменно обращал внимание общественности на неразрывную связь между возможностями улучшения народного образования и материальным положением трудящихся. И выражал глубокое удовлетворение тем, что крестьяне уже настолько ценят земскую школу, что даже в неурожайные годы поддерживают ее. Вопрос о народной школе весной 1882 года приобрел особую остроту. Придворная клика поняла, что главные силы «Народной воли» разгромлены, либеральная оппозиция деморализована, а основная масса все еще верит в «батюшку царя». Началась замена ключевых постов в правительстве. В марте И. Д. Делянов, преданный сторонник одного из главных идеологов реакции — М. Н. Каткова, был назначен министром народного просвещения. Через два месяца министр внутренних дел Н. П. Игнатьев, потакавший на словах либералам и недостаточно твердо боровшийся за укрепление самодержавия, уступил свой

---

[1] Имеется в виду царский манифест от 29 апреля 1881 года.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 46.

пост верному ученику и последователю Каткова графу Д. А. Толстому. Когда Е. М. Салтыков-Щедрин узнал о новом взлете этого ультрареакционера, он пришел в неистовство. «Как,— кричал Салтыков,— этого тюремщика, который дурацким классицизмом отправил десятки юношей на тот свет?! Да он теперь всю Россию в кандалы закует! Только как бы им не проиграться!»

В области народного образования своеобразным руководством к действию для реакционеров стали «Заметки о сельских школах» С. А. Рачинского. В этой брошюре некогда прогрессивный профессор Московского университета подверг резкой критике чиновников дирекций народных училищ, утверждая, что они не понимают «истинных потребностей народа». По его мнению, крестьяне прежде и больше всего желают, чтобы их дети знали церковнославянский язык, умели читать часослов, псалтырь и другие богослужебные книги, читать по покойникам и петь в церковном хоре. В единении православной церкви и сельской школы он видел единственное средство для выхода из «тысячи противоречий», в которых погрязла Россия. Главным учителем, причем почти всех предметов, в школе должен стать священник — такова главная мысль автора «Заметок».

Симбирское духовенство и крепостники с полным сочувствием отнеслись к идеям Рачинского. В местных газетах участились упреки в адрес И. Н. Ульянова и его помощников за пристрастие к «отвлеченным педагогическим приемам», насаждение на уроках «слишком формального, школьного» характера изучения «закона божьего». Протоиерей А. Баратынский обратил внимание властей и на то, что происходивший в 1881 году под руководством Ульянова инспекторский съезд значительно сократил число учебных часов по «закону божьему».

К сожалению, Баратынский был далеко не единственным поклонником Рачинского в Симбирской губернии. В связи с этим инспектор народных училищ К. М. Аммосов писал 17 марта 1882 года своему бывшему коллеге по Симбирску В. И. Фармаковскому в Оренбург: «Начальное народное образование чуть ли не возвращается опять к тем временам, когда оно состояло больше на бумаге, чем в действительности. Грустно». Трудно было всем ревнителям народного просвещения, но, понятно, что наибольшие неприятности выпадали на долю И. Н. Ульянова: ведь ему, как руководителю, приходилось отбивать самые наглые выпады реакционеров. В борьбе за дело своей

жизни он был и бойцом, и дипломатом, но иногда и у него не выдерживали нервы. «Об Илье Николаевиче, не знаю, что и сказать,— признался К. М. Аммосов в письме 8 апреля того же года В. И. Фармаковскому.— Циркуляр Сабуровский совершенно презирается им, что выходит иногда дико».

Да, было чему удивляться Аммосову: его директор игнорировал министерское требование о недопущении никого к учительству «без предварительного отношения» с местными губернаторами о политической благонадежности будущих педагогов. Но все-таки чаще проводил Илья Николаевич задуманное, опираясь на правительственные документы, умело используя противоречия или недомолвки в них. Это хорошо видно на примере истории исчезновения церковноприходских школ в Симбирской губернии.

В 1881 году епископ в ответ на запрос обер-прокурора святейшего синода К. П. Победоносцева о наличии церковноприходских школ в губернии ответил, что еще в 1879 году все они «дирекцией народных школ, без сношения с епархиальным начальством, перечислены в ведение земства или сельских обществ». Победоносцева такой ответ не удовлетворил, и он потребовал объяснений.

Симбирская духовная консистория обратилась с запросом к И. Н. Ульянову, а тот не без иронии ответил: «...церковноприходскими школами называются такие школы, которые учреждены духовным ведомством и содержатся на его счет или на счет церквей, и таковых школ в Симбирской губернии нет. Если и есть в губернии школы, учрежденные по инициативе священников, то из этого еще не следует, чтоб такие школы были церковноприходскими». Что же касается перевода последних в ведение дирекции народных училищ, пояснил он, то это сделано на основании циркуляра попечителя учебного округа, предписавшего в 1870 году «отбросить деление начальных училищ по ведомствам». Формально И. Н. Ульянов был прав. Понимая, что допустил серьезную оплошность, симбирский епископ принимает энергичные меры по возрождению церковноприходских школ.

Летом 1882 года М. Н. Катков опубликовал в своей газете «Московские ведомости» серию статей, в которых доказывал необходимость расширения сети церковноприходских школ и потребовал коренной перестройки подготовки учительских кадров, со злой иронией отметив, что сейчас в земских школах «задают тон полуграмотные

верхогляды, просидевшие после сохи три года в так называемых учительских семинариях и трактующие свысока священника».

Почувствовав, откуда дует ветер, симбирские крепостники и церковники вновь усиленно заговорили о сомнительной политической благонадежности выпускников Порецкой учительской семинарии.

Прохладнее стала относиться к инициативам директора народных училищ губернии и городская дума. Когда в июне 1882 года И. Н. Ульянов обратился к ней с просьбой выделить 150—200 рублей на поездку учителей в Москву — познакомиться с учебным отделом Всероссийской промышленно-художественной выставки, то гласные отклонили его ходатайство.

Это был досадный отказ, но его все-таки можно было ожидать. Вскоре Илья Николаевич получил другой... от Ани и Саши: на предложение поехать вместе с ним на Всероссийскую выставку.

Невольным «виновником» этого решения, как это видно из воспоминаний Анны Ильиничны, оказался Д. И. Писарев, чьи произведения они с Сашей прочли «от доски до доски». А точнее — его мысль о том, что каждый молодой человек или девушка должны стремиться скорее встать на ноги и не висеть на шее у родителей. Вот почему Анна, очень любившая путешествовать с отцом и Сашей, отказалась от поездки на выставку, от такого «из ряда вон выходящего удовольствия», заявив твердо: «Нет, нам обоим через год придется в Петербург ехать учиться, сколько это будет стоить; не надо теперь на поездку в Москву тратить» [1]. Саша, серьезно занимавшийся в своей домашней лаборатории естественнонаучными опытами, многое мог бы получить от поездки на выставку. Но он, хотя и с оттенком сожаления, поддержал решение Ани.

Сожалел, конечно, и Илья Николаевич. В то же время он в душе восхищался твердостью характера старших детей, дальновидностью их, взявших верх над естественным желанием отправиться путешествовать по Волге и железной дороге, своими глазами посмотреть на новейшие достижения отечественной науки, техники и искусства на выставке, познакомиться с достопримечательностями первопрестольной столицы, в которой они никогда не были. Ко всем этим разговорам внимательно прислушивался и двенадцатилетний Володя. Отказ Ани и Саши для него

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 71.

стал незабываемым примером проявления силы воли и способности жертвовать личным ради общих интересов.

Илья Николаевич побывал в Москве и около трех недель внимательнейшим образом осматривал все павильоны. Экспонаты, представленные заводчиками, фабрикантами и торговыми фирмами, говорили о прогрессе в важных отраслях народного хозяйства: железнодорожном деле, металлургической, горнодобывающей, нефтехимической промышленности, производстве военной техники, строительстве. Илье Николаевичу было приятно видеть, как толпятся посетители у изготовленных воспитанниками Симбирского ремесленного училища графа В. В. Орлова-Давыдова металлострогательной машины и универсального сверлильного станка. За эти экспонаты училище, в создании которого он тоже принимал участие, было удостоено диплома II разряда, приравниваемого к серебряной медали. Этим можно было гордиться, тем более что Нижегородское Кулибинское ремесленное училище было отмечено дипломом III разряда, а все другие поволжские города вовсе не получили их.

Вместе с тем Илья Николаевич был поражен тем равнодушием, с которым отнеслось министерство просвещения к улучшению школьного дела. В отличие от выставки 1872 года, на которой ему тоже удалось побывать, здесь не проводилось совещаний учителей и руководителей народного образования губерний. Не было даже учебного отдела как такового — его заменил отдел «Учебные устройства и пособия», который пестрил игрушками, куклами, «фокусами» вроде изготовления «неломких стаканов» и другими предметами, не имевшими ничего общего с насущными нуждами начальных училищ,— царизм наглядно демонстрировал свое пренебрежение к ним.

В Симбирске влияние реакционеров усилилось. Заботясь не столько о просвещении, сколько о затемнении народных масс, местные мракобесы вслед за столичными во весь голос и настойчиво твердили, что крестьянин желает только того, чтобы его дети были сильны в знании «слова божия и пения духовного», а затем — умели бы читать и считать на счетах. «Вот все,— говорилось в докладе губернской земской управы в 1882 году,— что требует от школы наш крестьянин. Семинаристы же учителя главным образом сильны в преподавании по так называемым усовершенствованным учебникам».

Однако в земстве имелись и защитники новой школы. Гласный из крестьян И. Сборщиков, например, выступая

в декабре того же года на сессии губернского собрания, разоблачил попытки фальсифицировать взгляды народа и твердо заявил, что его избиратели хотят, чтобы их дети получали в школе знания, необходимые для продолжения образования в средних и высших учебных заведениях.

В поддержку земской школы и Порецкой учительской семинарии выступили А. Ф. Белокрысенко, Н. А. Анненков, Ф. А. Знаменский и некоторые другие сторонники директора народных училищ. Эта поддержка помогла Илье Николаевичу в отчете за 1882 год сделать принципиально важные выводы. Первый из них гласил о том, что, «несмотря на не вполне благоприятные экономические условия, в которых находились многие сельские общества в последние 3—4 года», число училищ и учащихся в них продолжало расти. И второй: «...учебное дело в губернии стоит на достаточно твердой почве и больше и больше начинает пользоваться сочувствием местного населения»[1].

Наперекор катковцам, рискуя остаться без должности, он непреклонно продолжал бороться за дело своей жизни. Мужество отца, его верность демократическим идеалам были запоминающимися уроками для детей.

ОТКРОВЕННЫЕ БЕСЕДЫ

Илья Николаевич никогда не был революционером, но он еще со студенческой скамьи увлекался свободолюбивыми идеями и сохранил эту приверженность на всю жизнь. Служебное положение вынуждало его сдерживаться от проявления симпатий к либеральным веяниям в публичных местах, а в тревожную эпоху 70—80-х годов — и в домашней обстановке.

Но во время семейных прогулок, особенно по полям в Кокушкине, он по-прежнему с воодушевлением напевал положенное на музыку казанскими студентами запрещенное тогда стихотворение А. Н. Плещеева:

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.
. . . .
. . . .

[1] *Ульянов И.* Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1882 год. Симбирск, 1883, с. 44—45.

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба.
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

«Мы невольно чувствовали,— вспоминала Анна Ильинична,— что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде «святая святых», и очень любили, когда он пел ее, и просили петь, подпевая ему. Помню, раз по возвращении в Симбирск на нашем дворике я напевала ее — мне было тогда лет 13—14 — и мать подозвала меня и сказала, что я не должна здесь, в городе, петь эту песню, так как могу повредить отцу: враги у всех есть; скажут: «Вот какие запрещенные песни распеваются на дворе директора народных училищ» [1].

У старшего брата чуть ли не с девятилетнего возраста возникали вопросы по проблемам общественной жизни, и Илья Николаевич охотно «направлял в смысле общественных идеалов Сашу»,— вспоминала Анна Ильинична. В подтверждение она привела пример: «Помню, что одиннадцатилетним мальчиком, в третьем классе гимназии, Саша обратил мое внимание в этой книжке (томике стихотворений Н. А. Некрасова, издания 1863 года, принадлежавшем Илье Николаевичу.— *Ж. Т.*) на «Песню Еремушке» и «Размышления у парадного подъезда». «Мне их папа показал,— сказал он,— и мне они очень понравились». И не охотник до декламации вообще, Саша эти любимые свои стихотворения читал с большой силой выражения» [2].

Александр и Анна в старших классах познакомились с творчеством В. Г. Белинского, а потом захотели прочесть всего Д. И. Писарева. Достать его в Карамзинской общественной библиотеке было уже невозможно, но выход, не без помощи отца, нашелся. «Брали мы Писарева, запрещенного в библиотеках,— вспоминала Анна Ильинична,— у одного знакомого врача (доктора И. С. Покровского.— *Ж. Т.*), имевшего полное собрание его сочинений. Это было первое из запрещенных сочинений, прочитанное нами. Мы так увлеклись, что испытывали глубокое чувство грусти, когда последний том был дочитан и мы должны были сказать «прости» нашему любимцу» [3].

Чтение для них было не просто «источником удоволь-

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 65—66.
[2] Там же, с. 64—65.
[3] Там же, с. 72.

ствия», а, говоря словами самого Александра, «самовоспитательной критической работой». Под воздействием писаревских статей Анна отказалась заниматься музыкой: ведь любимый критик-демократ «подсмеивался над тем, что каждую барышню учат обязательно игре на фортепиано, хотя бы у ней было больше способности шить башмаки». Переживала она, что не всегда успевает выполнить установленный Писаревым минимум для тех, кто хочет стать начитанным человеком,— 50 страниц в день. Стремилась и к тому, чтобы поскорее «встать на ноги и не висеть на шее у родителей». Подражая своему «любимцу», Анна с увлечением читала и даже переводила Генриха Гейне.

Поэзия Н. А. Некрасова, публицистика Д. И. Писарева, сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, борьба отца за просвещение народных масс — все это способствовало тому, что у Александра, остро воспринимавшего социальные несправедливости и притеснения, по собственному его признанию, еще в ранней молодости возникло «смутное чувство недовольства общим строем» [1], существовавшим в стране. Однако Александр старался открыто не показывать этого. Судя по воспоминаниям Анны Ильиничны, откровенные беседы по общественным вопросам брат имел только с отцом. Даже ей, ближайшей подруге детства, не удалось завязать с Сашей разговора по поводу убийства народовольцами царя 1 марта 1881 года [2].

И лишь однажды, сразу же по окончании чтения последнего тома сочинений Д. И. Писарева, Александр, сочувствовавший трагической судьбе любимого критика-демократа, с гневом сказал сестре: «Говорят, что жандарм, следивший за Писаревым, видел, что он тонет (во время купания летом 1868 года на Рижском взморье.— *Ж. Т.*), но намеренно оставил его тонуть, не позвав на помощь» [3].

Разумеется, следуя указаниям отца, в гимназии Александр воздерживался от порицания существовавших там порядков, тем более — от критики общественного и государственного строя. Но не для красного словца он говорил Анне, что ложь и трусость — самые худшие пороки человека; не раздумывая, приходил на помощь, и недаром одноклассники полагались на Ульянова, по образному выражению Анны Ильиничны, «как на скалу, во всех коллективных протестах». Когда в шестом классе с особой силой

[1] Первое марта 1887 г., с. 289.
[2] См.: *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 67.
[3] Там же, с. 72.

разгорелась борьба учеников против латиниста А. П. Пятницкого — карьериста и грубияна, Александр принимал в ней самое активное участие, пока летом 1881 года гореучитель не был переведен в Саратов. Один из преподавателей симбирской гимназии, тоже возмущавшийся неблаговидными поступками Пятницкого, в одном частном разговоре выразил удивление и неодобрение того, что сын уважаемого директора народных училищ, лично не заинтересованный в этой борьбе, решил поставить на карту «свою карьеру первого ученика» [1].

Своеобразным испытанием для Александра стало домашнее сочинение на тему «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству?», которое ему пришлось писать в седьмом классе. Ведь директор Ф. М. Керенский, он же преподаватель словесности, почти каждый день, как на уроках, так и во время общегимназических молебствий, твердил учащимся, что главное для каждого из них — это верность «православию, самодержавию и народности». «Главнейшее внимание было обращено на то,— писал Керенский, подытоживая свои усилия в этой области воспитания в одном из донесений в Казань,— чтобы развить в учениках религиозное чувство, отдалить их от дурных сообществ (то есть от демократической общественности Симбирска.— *Ж. Т.*), развить чувство повиновения начальству, почтительность к старшим, благопристойность, скромность и уважение к чужой собственности» [2].

Казалось бы, директором гимназии совершенно ясно указывалось, какими качествами должен обладать «верноподданный». Однако Александр Ульянов к оценке достоинств гражданина подошел с иной меркой. В своем сочинении он смело заявил, что для полезной деятельности человеку нужны такие качества, как: «1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум и 5) знание» [3].

Насколько моральный кодекс Александра резко отличался от того, который проповедовался в гимназии, настолько он был близок к воззрениям Д. И. Писарева. В самом деле, «властитель дум» разночинной интеллигенции и учащейся молодежи неустанно напоминал своим читателям, что для «новых людей» типа тургеневского Базарова, Веры Павловны и Рахметова из «Что делать?» Н. Г. Чернышевского прежде всего характерны: неподкуп-

---

[1] См.: *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 79.
[2] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 501, л. 34.
[3] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 126.

ная честность, взгляд на труд как на «смысл и цель своей жизни», а на ум и знание — как на силу, против которой «не устоят самые окаменелые заблуждения» и «инерция окружающей природы» [1].

Заметил ли Ф. М. Керенский «крамольные» мысли в сочинении ученика? Не исключено. Во всяком случае, несмотря на безупречную грамотность и логическую последовательность, которыми отличалась и эта работа Александра Ульянова, он оценил ее только «четверкой».

Более серьезное расхождение во взглядах ученика и учителя можно обнаружить в домашнем сочинении Александра «Письма из-за границы Фонвизина и Карамзина», написанном в декабре 1882 года. Задавая эту тему, Ф. М. Керенский надеялся, что восьмиклассники, анализируя карамзинские «Письма русского путешественника», особенно те места из них, где говорится о Великой французской революции XVIII века, сделают вывод о предпочтительности эволюционного развития общества перед революционным. Что касается оценки фонвизинских «Писем из-за границы», то подразумевалось, что учащиеся позаимствуют ее из известной монографии «Фонвизин» князя П. А. Вяземского.

Александр лаконично, емко и достаточно критически сформулировал взгляды Н. М. Карамзина на самый животрепещущий вопрос политической жизни: «К революции же Карамзин относится крайне враждебно; он смотрит на нее только как на бунт невежественного народа, приписывает ее незначительной части французского общества и не только не видит от нее никакой пользы для французской нации, но даже прямой вред» [2].

В заключительной части сочинения Александр вновь упрекнул Н. М. Карамзина за то, что он «сквозь пальцы» смотрел «на темные стороны заграничной жизни», «мало останавливался на рассмотрении общественной жизни Западной Европы». Сравнивая же отношение «двух выдающихся деятелей русской литературы» к Отчизне, Александр с большой симпатией отозвался о Д. И. Фонвизине за то, что он «всегда горячо любил свою Родину» и «верил в ее большое будущее».

Ф. М. Керенский не мог не заметить большой и вдумчивой работы лучшего ученика класса и рядом с отметкой «4+» счел нужным сделать приписку: «Видно хорошее знакомство с письмами Кар[амзина] и Фон[визина],

[1] *Писарев Д. И.* Соч. М., 1956, т. 4, с. 15.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 3, д. 5, л. 8.

оценка их верна». Возможно, директор сделал вид, что не заметил неодобрительного отношения Ульянова к «крайне враждебным» взглядам Н. М. Карамзина на Великую французскую революцию.

Илья Николаевич, по существу, придерживался таких же взглядов на «бичей страны родной», как и Александр, и страстно желал ей светлого будущего. Но он был противником не только террора, но и других открытых противоправительственных выступлений героев-одиночек или небольших тайных организаций. Он, как и Светлов — главный персонаж пользовавшегося успехом в семье Ульяновых романа И. В. Омулевского «Шаг за шагом», предпочитал честно и стойко «идти до времени шаг за шагом» в трудном и необходимом деле народного просвещения.

Илье Николаевичу удалось убедить старшего сына в необходимости не совершать опрометчивых шагов и получить прежде всего высшее образование, найти применение своим способностям в науке. Суть высказываний отца во время бесед с сыном была близка мыслям того же Светлова, считавшего своим долгом «работать всеми силами ума и души, хотя бы назло безнадежности, хотя бы для того только, чтобы враг не видел тебя с опущенными руками даже и в ту минуту, когда ты задыхаться будешь по его милости...» [1].

Увлечение Александра наукой в старших классах было очень серьезным. Он тщательно штудирует «Основы химии» Д. И. Менделеева, «Круговорот жизни» и «Физиологические эскизы» Я. Молешотта, создает домашнюю лабораторию, позволявшую заниматься гальванопластикой, плавлением металлов, препарированием лягушек и червей, другими сложными опытами. Цельность и жар, с которыми он отдавался экспериментированию, увлекли приятелей по гимназии — В. Умова, А. Страхова, В. Стрелкова; Михаил Щербаков, как один из ближайших помощников, зимой 1882/83 года даже жил в комнате Александра на правах пансионера Ульяновых [2].

В школьные годы Александр прочел «Историю цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, «Историю умственного развития Европы» Д. В. Дрепера (этот двухтомник он подарил сестре Анне в день ее именин) и другие фундаментальные историко-социологические исследования. Об увле-

---

[1] *Омулевский И. В.* Шаг за шагом. М., 1957, с. 120.

[2] См.: *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 80. М. Ф. Щербаков умер в 1948 году в Симферополе, будучи профессором сельскохозяйственного института.

чении этим предметом говорит и то, что лет с четырнадцати он выписывал журнал «Исторический вестник». И конечно, Александр регулярно читал «Отечественные записки», «Вестник Европы» и «Русские ведомости», а также и другие прогрессивные издания, которые отец получал на дом.

Для понимания уровня умственного и нравственного развития восьмиклассника Александра представляют интерес воспоминания П. Кудрявцева, юношей приезжавшего из Казани в Симбирск — подработать здесь частными уроками и сдать экзамены на аттестат зрелости. Вот как он передает суть своего первого разговора с Александром Ульяновым: «Хотя без науки социализм и нельзя построить, но что все же без коренного переворота в переустройстве основ жизни, без низвержения помещичьего и царского строя наука бессильна освободить нашу страну от нищеты и гнета господствующих классов помещиков и капиталистов, что все завоевания науки эти классы используют для угнетения трудящихся, что только после ниспровержения существующего строя того времени будет возможность построения социализма и только тогда можно вернуть все завоевания науки на пользу угнетенных крестьян и рабочих. Дискуссии по этим вопросам продолжались неоднократно, но к единству взглядов мы не пришли.

Александр Ильич заявил, что по существу признает правильность изложенных мною взглядов, но что взлелеял мечту о научной работе, что от науки не может отойти, оставаясь при полном уважении изложенных взглядов. На этом взаимном уважении мы закончили дискуссии, и наше дальнейшее знакомство продолжалось до весны 1883 г. (первых пароходов) на почве подготовки к аттестату зрелости» [1].

В ходе дискуссий, как видим, немало говорилось о социализме. Эта проблема занимала уже многих. О социализме и его основателе К. Марксе писали даже на страницах «Симбирской земской газеты». Жизнь снова и снова подтверждала справедливость заявления Исполнительного комитета «Народной воли» в письме к Марксу от 25 октября 1880 года, что его имя неразрывно связано «с внутренней борьбой в России; вызывая глубокое уважение и живую симпатию одних, оно подверглось гонению со стороны других» [2].

---

[1] Казанский медицинский журнал, 1930, № 5—6, с. 513—514.

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 427.

Естественно, когда стало известно о смерти основоположника научного социализма, все известия об этом печальном событии прочитывались с напряженным вниманием. «Симбирские губернские ведомости» 9 марта ограничились перепечаткой сообщения Северного телеграфного агентства: «Париж. В Аржантейле скончался известный писатель-социалист К. Маркс». Такая архикраткая информация не могла удовлетворить любознательных читателей. Но и из «Русских ведомостей» от 5 марта[1] Ульяновы узнали лишь о том, что возле Парижа скончался 4 марта «известный автор «Капитала» Карл Маркс».

В самом конце весны этого года Александр успешно сдал экзамены на испытание зрелости и был очень этому рад. Как-то просветлел весь, освободившись от изучения схоластических древностей и получив желанную возможность заниматься тем, к чему влекло призвание. Золотая медаль, которой он был награжден при выпуске, открывала дорогу в любой университет.

Володя в это время закончил четвертый класс — очень ответственный, ибо на устных экзаменах проверялись знания по всем предметам и за предыдущие годы учения. Насколько это было сложно, можно судить хотя бы по тому, что он отчитывался помимо родного языка, математики, древней истории, географии и «закона божьего» по пяти языкам: латыни, греческому, французскому, немецкому и церковнославянскому. А экзамены были строгими: из 48 четвероклассников в пятый класс перешло 24 мальчика — половина! И только Володя, окончивший курс первым учеником, удостоился первой награды — похвального листа и второго тома «Жизни европейских народов» Е. Н. Водовозовой.

Еще одну награду в мае принесла домой Оля — за успешное окончание женского приходского училища. Митя готовился к поступлению в классическую гимназию. Анна завершила свой второй трудовой год в народном училище и с грустью думала о предстоящей разлуке со своими воспитанниками.

Александр выбрал естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Илья Николаевич и Мария Александровна согласились. Им «было грустно отпускать так далеко его, такого еще юного, хотя они предпочли бы, если бы он выбрал более

---

[1] Симбирские подписчики получали эту московскую газету обычно на пятый день.

близкую Казань, где и родственники были»[1]. Но у Александра был тоже веский аргумент: ведь Аня страстно хотела поступить на Бестужевские курсы, а без него она в столице была бы вообще одинокой.

В оставшиеся до отъезда месяцы Александр решил взять частный урок в деревне, чтобы покрыть своим трудом часть предстоящих издержек. Родители, всегда выступавшие «единым фронтом», решительно воспротивились, убеждая сына в необходимости отдохнуть. Илья Николаевич заявил, что он пока в состоянии высылать ему и Анне по 40 рублей в месяц. Александр уступил настояниям родителей, но заверил, что ему будет достаточно и 30 рублей (в первые же каникулы он привез домой «лишние» десятки). Вот таким — волевым, кристально честным, готовым к напряженному труду, влюбленным в науку и питавшим глубокий интерес к общественным вопросам — Александр в августе 1883 года отправился в Петербург. А в сентябре приехала и Анна и поступила на филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов. С их отъездом старшим из детей в доме стал Владимир.

ПИСЬМА ИЗ ПЕТЕРБУРГА

С приездом в столицу Александр, используя оставшееся до начала занятий в университете время, ежедневно ходил в Императорскую публичную библиотеку[2], где читал «Происхождение видов» Ч. Дарвина и другие капитальные труды по естествознанию. Пользовался он и фундаментальной университетской библиотекой, а также книгами из частных собраний.

Анна тоже немало занималась самообразованием, но и ее изумляла та трудоспособность и страстная любовь к науке, которые проявлял брат. «Помню, как поразило и смутило меня,— вспоминала она впоследствии,— когда он к весне этого первого года своей студенческой жизни заявил мне тоном глубокого сожаления:

— Больше 16 часов в сутки я работать не могу!

16 часов напряженной, самостоятельной умственной работы в те годы, когда юноши еще формируются, когда все они более или менее разбрасываются, еще ищут себя!

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 81.

[2] Ныне — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Александру Ильичу этого не надо было: он еще мальчиком нашел себя, нашел свой путь, и он уже шел по нему неуклонно и твердо, озабоченный лишь тем, что находится все еще на иждивении отца, у которого и без него большая семья. И он искал уроков» [1].

Воскресные и праздничные дни Александр и Анна посвящали осмотру достопримечательностей громадного города. Побывали в Эрмитаже. Большое впечатление на них произвела выставка картин В. В. Верещагина. Знаменитый художник, показав героизм русских солдат в борьбе за освобождение славянских братьев от османского ига, выразил свой протест против войн и их виновников.

Сильнее всего врезалось в память посещение Петропавловской крепости, вид мрачных тюремных стен, за которыми, как писала потом Анна Ильинична, «сидел четыре года наш недавний кумир Писарев, которые замыкались с тех пор беспощадно над столькими борцами за свободу. Нас неотступно провожал до ворот часовой... Мы почувствовали себя как бы стиснутыми в одном из бастионов самодержавия, всецело и безнадежно в его власти» [2].

Гнетущие чувства вызвала картина похорон привезенного из-за границы тела И. С. Тургенева. Анна Ильинична отмечала: «Вся погребальная процессия была сжата тесным кольцом казаков. На всем лежал отпечаток угрюмости и подавленности. Ведь опускался в землю прах неодобряемого правительством, «неблагонадежного» писателя. На его трупе это показывалось самодержавием очень ясно. Помню недоуменно тягостное впечатление нас, двух юнцов. На кладбище пропускали немногих, и мы не попали в их число. Потом попавшие рассказывали, какое тяжелое настроение царило там, как наводнено было кладбище полицейскими, перед которыми должны были говорить немногие выступавшие...» [3]

В письмах же домой Александр и Анна, опасаясь проверки почтовой корреспонденции, не говорили столь откровенно о своем возмущении действиями правительства, враждебными обществу, но родные умели читать между строк. И если Александр сообщал 27 сентября 1883 года отцу и матери, что они с Анной видели похороны И. С. Тургенева, но на Волково кладбище «пройти было нельзя», то родные понимали: этому мешали казаки и городовые. «Бывшие на кладбище говорили, что были

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 100—101.
[2] Там же, с. 93—94.
[3] Там же, с. 91—92.

произнесены там 4 речи: Бекетовым (нашим ректором), Плещеевым, Григоровичем и Муромцевым от Московского университета. Кроме них никому не позволено было говорить» [1],— продолжал Александр. Было ясно: правительство всячески препятствовало общественности в выражении глубоких симпатий к писателю-гражданину.

Было над чем задуматься Владимиру при чтении письма брата. Ведь какие-нибудь три недели назад либеральная московская газета «Русские ведомости», которую Илья Николаевич выписывал на дом, в своем отклике на смерть И. С. Тургенева характеризовала его как «дорогой для нас светоч», называла «вожаком, гордостью и славою» всей «русской интеллигенции» [2]. А в воскресенье, 4 сентября, по приглашению комитета Карамзинской общественной библиотеки, членом которого был и И. Н. Ульянов, собрались на панихиду многие почитатели таланта покойного писателя, где пел и хор мальчиков из классической гимназии. «Симбирские губернские ведомости» подчеркивали, что более подходящего места для чествования памяти И. С. Тургенева в Симбирске, чем «Карамзинская библиотека, нельзя было и придумать — в этом хранилище литературных произведений ума человеческого едва ли не каждый день читались и будут читаться бессмертные произведения нашего знаменитого почившего литератора, автора многих повестей и романов, в которых с поразительною верностью художественным пером изображались современная жизнь и выяснялись причины современного движения» [3]. Налицо было явное расхождение в действиях правительства и передовой общественности.

Поводы для размышлений содержались и в других письмах Александра из Петербурга. 6 октября 1884 года он писал отцу: «Ты, вероятно, беспокоишься, читая о беспорядках в Киевском и Московском университетах. У нас пока все спокойно; никаких признаков возбуждения не заметно. Перемен тоже никаких нет. Только М. Семевский, приват-доцент русской истории и очень хороший профессор, не будет, говорят, больше читать; это, впрочем, приписывают не столько новому уставу, сколько приезду Бестужева-Рюмина, с которым он почему-то не в ладах» [4].

---

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900). М., 1981, с. 8—9.

[2] Русские ведомости, 1883, 25 августа.

[3] Симбирские губернские ведомости, 1883, 7 сентября.

[4] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900), с. 15.

Илья Николаевич и все взрослые члены семьи могли понять, на что намекалось в письме. О «неладах» между этими профессорами, представлявшими демократическое и реакционное течения в русской исторической науке, говорила правая и либеральная пресса. Реакционные «Московские ведомости» и «Гражданин» печатали на своих страницах непрерывные доносы на В. И. Семевского за его лекции по крестьянскому вопросу, обвиняя его в том, что он возбуждает «в молодых умах чувства негодования к прошлому», то есть к крепостническим порядкам. Бестужев-Рюмин не раз заявлял, что, пока жив, ни за что не допустит, чтоб его кафедру русской истории занял «этот развратитель молодежи» [1].

О реакционности университетского устава 1884 года в этом письме Александр сказал как бы мимоходом, но уже в следующем — от 23 октября — он резко и недвусмысленно дал ему негативную оценку: «Новый университетский устав начинает сказываться своей единственной хорошей стороной — расширением приват-доцентуры» [2].

В письме от 18 января 1885 года он вновь возвращается к этой злободневной теме и сообщает, что попечитель учебного округа Ф. М. Дмитриев, хороший знакомый отца, «уволен согласно прошению», как сказано в указе. Говорят, он подал в отставку по несогласию с новым университетским уставом... его жалеют как профессора, так и его бывшие подчиненные» [3]. Явно симпатизировал смещенному попечителю и сам Александр. Зато в следующем письме он с нескрываемой иронией отозвался о преемнике Дмитриева: «Это — старый, совершенно уже седой генерал. Поклонившись студентам, он сказал приблизительно следующее: «Если вы будете заниматься своим делом, то я надеюсь, что мы будем жить с вами мирно» [4].

Потом, в другом письме, Александр с сожалением сообщал домой, что по распоряжению градоначальника закрыта кухмистерская, устроенная «через складчину между студентами», в которой он столовался. Можно было понять, что закрытие властями кухмистерской — лишь одно из проявлений реакционности нового устава, поставившего вне закона любые студенческие организации, даже земляческие библиотеки и кассы взаимопомощи.

С тех пор как Александр и Анна поселились в Петербурге, они постоянно присылали домой учебные пособия,

[1] *Вересаев В. В.* Собр. соч. В 5-ти т. М., 1961, т. 5, с. 253.
[2] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900), с. 17.
[3] Там же, с. 19.
[4] Там же, с. 20.

подписные издания, ноты. Бывал Александр у букинистов и с реестриками Владимира.

«Посылаю папе брошюрку «Математические софизмы», которую он желал иметь,— сообщал он 29 сентября 1884 года.— Володе, я думаю, она может быть очень полезна, если он станет самостоятельно разбирать эти софизмы. Получил ли он те немецкие переводы, которые я ему послал?» [1] «Книги, о которых просит Володя,— говорится в другом письме,— а также ноты Оле... я поищу на днях» [2]. «Посылаю тебе, Володя,— писал Александр 6 октября 1884 года,— 3-ю книгу Memorabilia. Ты напрасно ожидал так рано получить ее — к 6 октября. Я получил твое письмо только 2 октября, 3 октября купил и только 4 мог послать. Почта приходит теперь на 6-й день, так что раньше 10-го ты никак не мог получить» [3].

«Передай Володе,— просит Александр мать в письме от 20 сентября 1885 года,— что я не успел еще поискать той книги, которую он просил меня прислать, кажется, что ее нет, как будет время, то поищу» [4].

В письмах Александра встречаются обещания выслать Володе свои «логарифмические таблицы», обменять изученные сборники «переводов» на понадобившиеся. Словом, он с исключительной аккуратностью относился ко всем просьбам младшего брата, заботился о круге его чтения.

По просьбе отца Александр выписывал на симбирский адрес популярный еженедельник «Нива», биографию славянских первоучителей Кирилла и Мефодия для раздачи ученикам народных училищ.

Связь между собой Ульяновы поддерживали и с «оказией», через знакомых. Из письма Александра от 25 февраля 1885 года видно, что он заранее был предупрежден об отъезде из Симбирска в Петербург друга отца Арсения Федоровича Белокрысенко. Когда встреча с ним состоялась, он тотчас сообщил об этом домой.

Каждое письмо — радость для родных. Но настоящим праздником были дни каникул, когда все семья собиралась в доме на Московской улице. Можно представить, сколько новостей Александр и Анна привозили из Петербурга и какой глубокий след оставляли их рассказы в

---

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900), с. 14.

[2] Там же, с. 27.

[3] Там же, с. 15. Речь идет о книге Ксенофонта «Воспоминания о Сократе».

[4] Там же, с. 26.

сознании Володи и Оли. Студенты же вникали в дела и заботы родных, интересовались жизнью города.

Горячо обсуждались животрепещущие проблемы, волновавшие всех в связи с усилением реакции в стране: закрытие в апреле 1884 года «Отечественных записок», руководимых любимым М. Е. Салтыковым-Щедриным, циркуляр министра внутренних дел об изъятии из библиотек книг 125 прогрессивных авторов, негодование студентов против нового университетского устава, намерения правительства закрыть Бестужевские курсы и вообще преградить женщинам доступ к высшему образованию, попытки дворянства вернуть себе главенствующую роль в местных органах власти.

Во время пребывания в Симбирске Александр и Анна воочию убедились, насколько острый характер приобрела здесь борьба вокруг начального образования после обнародования 13 июня 1884 года столь желанных для крепостников «Правил о церковноприходских школах».

Внешне это узаконение выглядело почти безобидно: в тех местностях империи, где не имелось министерских и земских школ, духовенству настоятельно рекомендовалось открывать свои элементарные учебные заведения. В действительности же «Правила» были в то же время призывом к тому, чтобы все местные органы власти обеспечили ведущую роль священников в светской системе народного образования. Князь-мракобес Мещерский в своем журнальчике «Гражданин» с ликованием сравнил это событие с реформой об «освобождении» крестьян в 1861 году. Только тогда, по его словам, народ получил «свободу и хлеб», а теперь — удовлетворение своих «духовных нужд». Мещерский преувеличивал историческое значение этих «Правил», но в словах князя была и немалая доля правды. «Правила» действительно призваны были сыграть большую роль, но не прогрессивную, а реакционную. Как справедливо подчеркнул писатель-революционер С. М. Степняк-Кравчинский, насаждение церковноприходских школ — это путь «для осуществления золотой мечты деспотизма — всеобщей неграмотности» [1].

С тревогой и негодованием отнеслись к «Правилам» последователи К. Д. Ушинского. Н. Ф. Бунаков расценил их как меру, придуманную «охранителями» для «задержания успехов народного образования на Руси, якобы уж слишком быстро развернувшегося и угрожающего какими-

[1] *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей. М., 1964, с. 293.

то опасностями благоденствию Российского государства». Подкрепляя свою мысль, видный педагог далее указывал: «...стали открывать разные гасильные «братства» и «церковноприходские» якобы «школы». Началась ярая пропаганда идеи о полной передаче духовенству всего народного образования — это нашему-то, невежественному и корыстному духовенству, конечно, не без исключений, весьма немногочисленных, всегда бывшему угодником — только не перед богом, а перед всякими земными властями и вообще перед сильными мира сего» [1].

Не избежала вспышки «ярой пропаганды» и Симбирская губерния. Наступили самые трудные дни работы И. Н. Ульянова на ниве народного просвещения, ведь он был убежденным противником церковноприходских школ. Весной 1884 года в городе вновь заговорили о скором его удалении со службы...

О трудностях работы дирекции народных училищ Симбирской губернии говорится в письме инспектора А. А. Красева, помощника Ильи Николаевича, 12 июля 1884 года тому же В. И. Фармаковскому в Оренбург: «По нашим школьным делам в Симбирске не все спокойно. Местное духовенство, особенно известный его деятель П. П. Никольский (член губернского училищного совета), обнаруживает необыкновенное раздражение в отношении к правам и деятельности местных инспекторов народных училищ, уличает нас в весьма неумелом и неискреннем отношении к вопросам школьного законоучительства и вообще набрасывает на нас такие тени, от которых может не поздоровиться всем нам в настоящее время».

Анна и Александр, находившиеся в эти дни дома на каникулах, были в курсе этих событий. И несомненно, что они и Владимир, которому шел уже пятнадцатый год, тяжело переживали нападки на отца и его дело. Понятно, что это могло усилить у них недовольство реакционной политикой правительства.

Ко времени летних каникул 1885 года обстановка в стране еще более изменилась к худшему: реакционное дворянство от общих фраз о необходимости пересмотра основных буржуазных реформ 60-х годов перешло к атаке на земство, суд присяжных, городское самоуправление, университетскую автономию и к практическому насаждению «религиозно-нравственного элемента» в начальной школе.

---

[1] *Бунаков Н. Ф.* Избр. педагогич. соч. М., 1953, с. 144.

В Симбирской губернии по почину «здешних баринов», которые, как выразился помощник И. Н. Ульянова инспектор К. М. Аммосов, «задрали головы и носы», за год число церковноприходских школ возросло с 22 до 59. Крупный помещик Д. И. Воейков публично заявил, что в земской школе «под флагом просвещения провозится неприятельский груз». Из дальнейших рассуждений Воейкова следовало, что в народных училищах «не так все благополучно, как рисуют нам в отчетах» [1]. Это виделось ему хотя бы из того, что «церковному пению в этом отчете не нашлось места, а о церковнославянском чтении упоминается лишь для того, чтобы сказать, что обучение ему решено отложить на год, то есть начинать на втором году обучения». Народная школа, по мнению Воейкова, сообщает крестьянским мальчикам массу знаний и тем самым дает им «ложное понятие» о необходимости стремиться к дальнейшему образованию. А так как для этого большинство не имеет материальных средств, то они могут дать «обильный приток свежих сил в... вредную среду». Из политических процессов видно, по наблюдениям помещика, что «все обвиняемые крестьяне прошли сельскую школу и окончательно были испорчены дальнейшим образованием». Спасение от возможного «неисчислимого вреда» — только в развитии церковноприходских школ и в таком переустройстве земских, чтобы их выпускники не мечтали вырваться «из прежней среды» и были довольны своей судьбой.

Нетрудно представить, с каким негодованием читали воейковские рассуждения Александр и Анна в «Симбирской земской газете». Отец познакомил их с содержанием своего годового отчета, в котором излагалось действительное положение в народной школе губернии и давалась отповедь нападкам воейковых.

А жизнь в доме шла своим чередом: много читали, ходили купаться на Свиягу, играли в шахматы. Саша, как и в прошлом году, увлеченно занимался естественными науками. «Колеся, как будто для удовольствия, в душегубке [2] по Свияге один, с меньшим братом или с кем-нибудь из товарищей,— вспоминала Анна Ильинична,— он подбирал себе материал для исследования, с которым возился потом в своей комнатке наверху» [3]. Вместе с тем,

[1] Воейков имеет в виду отчеты дирекции народных училищ, руководимой И. Н. Ульяновым.

[2] Душегубка — узкая, неустойчивая лодка.

[3] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 102.

заметила Анна Ильинична, в этот приезд Александр привез себе книги «исключительно по общественным наукам,— по истории, истории политической экономии и социализма на русском, французском, немецком и английском языках. Видное место среди них занял «Капитал» Маркса» [1].

Но летом 1885 года Александр еще не состоял ни в какой революционной организации. Самое большее, что он мог рассказывать отцу,— это о своем намерении более активно участвовать в работе студенческих землячеств и сборе пожертвований в пользу политического «Красного креста». О необходимости же отпора наступлению «охранителей» писала либеральная печать. Илья Николаевич и Александр не могли не задумываться, скажем, над такими словами обозревателя «Вестника Европы»: «Никогда еще реакционная печать не шла в бой с такою бесцеремонною уверенностью, никогда еще не редели так заметно ряды противоположной группы, не разрастался так быстро средний лагерь — лагерь равнодушных, «праздно болтающих», систематиков индифферентизма» [2].

Беседы отца со старшим сыном были серьезными. Дмитрий, которому тогда было одиннадцать лет, запомнил день, когда все «семейные куда-то уехали» и дома остались только Илья Николаевич, Александр и он. «Отец с братом гуляли по средней аллее сада,— вспоминал он много лет спустя.— Гуляли очень долго и говорили о чем-то тихо и чрезвычайно сосредоточенно. Лица их были как-то особенно серьезны... Иногда говорили горячо, но больше тихо, чуть внятно... В настоящее время я совершенно убежден, что описанный разговор был на политические темы... Мои предположения вполне подтверждаются словами отца, сказанными Анне Ильиничне, уезжавшей в Питер: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас» [3].

О чем конкретно говорили между собой Илья Николаевич и Александр, можно только предполагать. Но одна из волновавших их обоих тем определяется довольно точно. 18 августа, когда сын-студент был еще дома, в «Симбирской земской газете» стал печататься «Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1884 год». Тот самый, в котором Илья Николаевич мужественно ответил

---

[1] Галерея шлиссельбургских узников. Спб, 1907, ч. I, с. 207.

[2] Вестник Европы, 1885, кн. 1, с. 363.

[3] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи. М., 1974, с. 31 (в дальнейшем — *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет).

на все выпады воейковых и выразил непоколебимое убеждение в правильности пути, намеченного еще К. Д. Ушинским. Понятно, что, прежде чем сдать его в редакцию, он советовался с родными, выступить ли с этим документом в газете или нет. Ведь обнародование «Отчета» в печати вызовет ярость противников «новейшей педагогии», а следовательно, опасность его досрочного увольнения в отставку.

Александр был настолько возмущен вылазками реакционеров, причем не только симбирских, что как-то особенно резко заявил о своей решимости бороться с силами, враждебными общекультурным стремлениям общества. В этих беседах наверняка вспоминались заветы любимого ими Добролюбова, его призыв бороться с темным царством. Во всяком случае, уже в это лето у Александра оформились те мысли, которые он в ноябре выразит в революционной прокламации: «Только невежество порождало темное царство, оно составляло его силу, давало ему возможность подчинить своему гнету лучшие элементы русского народа. И это темное царство гнетет нас и теперь, но мы уже не сомневаемся, что дни его сочтены: распространение просвещения должно быть той путеводной звездой, которая выведет русский народ на его истинную дорогу» [1].

Илью Николаевича тревожила резкость суждений Александра, но он верил, что сын успешно закончит университет, останется на кафедре для подготовки к профессорскому званию и станет ученым. Надеялся, что Анна там, в Петербурге, удержит Сашу от опрометчивых поступков.

Словом, несмотря на тревожные симптомы, родители могли считать, что Александр и Анна оправдывают их надежды.

Равняясь на старших брата и сестру, набирала силы и средняя пара — Владимир и Ольга,— тоже крепко дружившая между собой и тоже радовавшая отца и мать блестящими успехами в гимназической учебе, высокой нравственностью, добрым отношением к Мите и Маняше, няне Варваре Григорьевне. Вместе с тем Ольга и Владимир своей энергией и постоянной жизнерадостностью поднимали духовную атмосферу в доме, вольно или невольно отвлекали родителей в моменты невзгод от грустных мыслей.

---

[1] Первое марта 1887 г., с. 379.

Было время, когда Илью Николаевича беспокоило, что Володе многое удавалось делать как-то легче, чем даже Саше. Его коллекция похвальных листов и наградных книг была самой обширной. Латынь одолел без особых мук, да и с греческим справлялся успешнее, чем старший брат. По новым языкам — немецкому и французскому — явно преуспевал, а по словесности Владимиру наверняка не было равных за все годы директорства Ф. М. Керенского в Симбирской гимназии.

В отроческие годы характер у Владимира стал заметно уравновешеннее. Теперь при первой возможности он стремился уединиться с книгой и поразмышлять над прочитанным. Прошло увлечение латынью, а ребячьим играм предпочитал сражения за шахматной доской.

Илье Николаевичу приятно было, что сын проявляет живейший интерес к народному образованию и радуется вместе с ним каждой вновь открытой сельской школе. С удовлетворением наблюдал он и за тем, как вдумчиво Владимир просматривает свежие номера газет и журналов, пытается осмыслить злободневные вопросы. Вместе с тем беспокоило наметившееся у сына критическое отношение к гимназическим порядкам и некоторым преподавателям, а затем и к религии.

В эти августовские дни 1885 года, дни глубоких раздумий и тревог Ильи Николаевича за будущее старших детей, чуть ли не весь Симбирск был взбудоражен обысками и арестами по делу тайного гимназического кружка и созданных им подпольных библиотек. Как его руководитель В. Аверьянов, так и некоторые другие кружковцы были соучениками Александра по гимназии, бывали и в доме Ульяновых. Знал их и Владимир.

КРУГ ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ

В сложной, полной драматизма борьбе за народную школу на долю небогатого здоровьем Ильи Николаевича выпало столько невзгод и враждебных выпадов, что невольно напрашивается вопрос: откуда только брались у него силы, чтобы сохранить энтузиазм и веру в правильность избранного пути?

Конечно, ободряюще действовало то обстоятельство, что М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. В. Шелгунов, В. И. Водовозов, Н. Ф. Бунаков, В. Я. Стоюнин, другие прогрессив-

ные публицисты и последователи К. Д. Ушинского в эпоху реакции продолжали публично ратовать за столь необходимое родной стране реальное образование.

Но немаловажное значение для судьбы народной школы имела посильная поддержка, которую оказывали директору народных училищ Симбирской губернии его штатные помощники и учителя, а также лучшая часть местного общества, выступавшая за земскую школу, против посягательств оголтелых крепостников и духовенства, искренне желавшая добра и блага темному люду. Только с такими людьми Илья Николаевич поддерживал дружеские отношения, и в этом, как справедливо подчеркивала Мария Ильинична в очерке об отце, тоже проявлялась его идейность. Радушно принимала таких людей у себя дома и Мария Александровна.

В кругу людей, духовно ему близких, Илья Николаевич из молчаливого и замкнутого, каким бывал в большом обществе, превращался в веселого, остроумного собеседника. Разговоры чаще всего шли о школьной жизни. И если новости были отрадными или появлялись надежды что-то улучшить, карие глаза Ильи Николаевича загорались и блестели, как и в молодости; он не мог усидеть на месте, вскакивал и продолжал говорить с жаром, «быстро прохаживаясь по комнате, поглаживая рукой темя головы с прядью черных волос»[1]. В тревожные моменты жизни народной школы лицо его становилось сосредоточенно-мрачным: плотно сжатые губы, сдвинутые брови и непередаваемое выражение страдания в глубоких глазах. Но в целом Илья Николаевич был жизнерадостным человеком, оптимистично смотревшим в будущее.

Желанными гостями Ульяновых с первых дней пребывания в Симбирске были их старые друзья по Пензе и Нижнему Новгороду — Наталья Ивановна и ее сын Владимир Александрович Ауновские. Наталья Ивановна 16 апреля 1870 года присутствовала в Никольской церкви в качестве воспреемницы при выписке Ульяновым метрического свидетельства о рождении сына Владимира. А инспектор классической гимназии Владимир Александрович Ауновский[2] в ноябре 1871 года стал крестным отцом Ольги.

---

[1] *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 266—267.

[2] В. А. Ауновский окончил Петербургский главный педагогический институт вместе с Н. А. Добролюбовым.

Илью Николаевича давно и прочно связывала с Владимиром Александровичем общественная работа и деятельность на благо народной школы. Ауновский, как говорилось выше, оставил даже работу инспектора классической гимназии в Симбирске и уехал в далекое село Порецкое, чтобы возглавить там открывшуюся учительскую семинарию. К сожалению, в 1875 году — рано, когда ему не было и сорока лет,— оборвалась жизнь этого незаурядного педагога-естественника, историка, этнографа и прогрессивного общественного деятеля.

На протяжении 16 лет, обычно в конце каждой рабочей недели, к Ульяновым приходил Арсений Федорович Белокрысенко, управляющий губернской удельной конторой. Высокого роста, с суровым выражением лица, он был добрым и гуманным человеком. Все, кто близко знали Арсения Федоровича, ценили его кристальную честность, блестящий ум, отличную память, по-юношески страстную любознательность, всестороннюю образованность.

Арсений Федорович увлекался историей Поволжья, сбором фольклора и летописей. В 50-х годах он неоднократно встречался со своим земляком по рождению (в Екатеринославской губернии) и нижегородским коллегой по удельному ведомству, автором «Толкового словаря живого великорусского языка» — В. И. Далем. В квартире этого писателя, лексикографа и этнографа 8 марта 1858 года А. Ф. Белокрысенко познакомился с возвращавшимся из ссылки Т. Г. Шевченко, получил от него в подарок фотокопию автопортрета великого кобзаря. В свою очередь Тарас Григорьевич получил от Арсения Федоровича его фотопортрет и сохранил в своем архиве. Надо полагать, что Ульяновы видели дар Шевченко у Белокрысенко и слышали его рассказы о поэте-борце.

В годы революционной ситуации 1859—1861 годов Белокрысенко, по данным симбирской жандармерии, «держал сторону крестьянского сословия». О многом говорит и его многолетнее членство в Литературном фонде России — обществе, деятельными участниками которого были Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, И. С. Тургенев. Лояльно относился Белокрысенко к пострадавшим за политическую деятельность или столкновения с властями. Так, в начале 80-х годов он принял на службу Н. А. Гернета, отбывавшего вологодскую ссылку с идеологом революционного народничества П. Л. Лавровым.

А. Ф. Белокрысенко многие годы был членом губернского училищного совета и постоянно помогал Илье Николаевичу в развитии народной школы. Это благодаря ему удельное ведомство безвозмездно предоставило для Порецкой учительской семинарии и для первого в Симбирске приходского женского училища свои здания. Являясь членом комитета Карамзинской общественной библиотеки, он вместе с Ильей Николаевичем способствовал пополнению ее фондов прогрессивной литературой.

А. Ф. Белокрысенко умер 24 ноября 1885 года в возрасте 67 лет. Мария Ильинична, его крестница, запомнила, как Илья Николаевич однажды сказал с грустью: «Вот и суббота, а поиграть в шахматы не с кем». Сыграть-то было с кем — ведь уже хорошо играл в шахматы Володя Ульянов. Арсений Федорович был дорог Илье Николаевичу как человек, с которым связывала общность духовных интересов.

Деятельным помощником Ильи Николаевича, близким знакомым его семьи был Валериан Никанорович Назарьев, юрист по образованию. После окончания Казанского университета (он учился на одном факультете с Л. Н. Толстым) Назарьев в 1849 году попал на военную службу. Под влиянием демократической литературы у него сложилось критическое отношение к армейскому быту, и он удачно передал его в повести «Бакенбарды». Н. А. Некрасов опубликовал ее в «Современнике» и пригласил автора-поручика в столицу. «Осенью 1858 г. я был уже в Петербурге и таким образом прямо из застоя и однообразия военного быта очутился в редакции «Современника», то есть в обществе Некрасова, Панаева, Добролюбова и других» — так Назарьев потом написал в автобиографии.

Назарьев имел все возможности для творческой деятельности в столице, но семейные обстоятельства вынудили его вернуться в родовое имение Ново-Никулино Симбирского уезда. Здесь он почти сорок лет писал о жизни родного края, и не без успеха. Цикл назарьевских очерков «Современная глушь», печатавшихся с 1872 года в «Вестнике Европы», заслужил похвалу И. С. Тургенева, который написал: «Вот бы побольше таких!»[1] Знаменитый романист одобрил и пьесу «Золотые сердца». В конце 60-х годов Назарьев открыл в Ново-Никулино училище для крестьянских детей. После же знакомства с И. Н. Ульяновым он понял, что «без хорошей, правильно поставленной

---

[1] *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 213.

школы» невозможно серьезное улучшение быта и условий труда, вообще жизни крестьянства. Ради овладения новейшей педагогикой Валериан Никанорович ездил в Петербург, где, по его словам, «то и дело бегал в учительскую семинарию», слушал выступления известного писателя Н. А. Корфа, приобретал учебники и пособия [1]. Возвращаясь в Симбирск, он делился с И. Н. Ульяновым впечатлениями и под его руководством, в качестве члена уездного училищного совета, вводил новшества в сельских школах.

Илья Николаевич ценил бескорыстное и горячее увлечение Назарьева проблемами народного образования и в своих отчетах тепло отзывался о его полезной деятельности. Поддерживали дружеские отношения и их семьи. Летом 1875 года Ульяновы, в том числе и пятилетний Володя, провели шесть недель в ново-никулинской усадьбе Назарьевых. Зимой 1875/76 года Ульяновы и Назарьевы вместе квартировали в Симбирске, на Московской улице, в доме Костеркина.

Характер у Валериана Никаноровича был неуравновешенный — при неудачах он приходил в отчаяние, падал духом. Но в целом он все-таки до конца жизни сохранил верность просветительским увлечениям. Историческая заслуга В. Н. Назарьева в том, что он является первым биографом И. Н. Ульянова. Благодаря его «Современной глуши», другим очеркам и статьям имя Ильи Николаевича уже в 70—80-х годах прошлого столетия стало известно всей передовой России. В семье Ульяновых ценили живо и правдиво написанные очерки и навсегда сохранили подаренные автором переплетенные оттиски из «Вестника Европы» с семью главами «Современной глуши» [2], в которых шла речь об Илье Николаевиче и руководимой им народной школе, с надписью: «Многоуважаемому И. Н. Ульянову в память общих трудов, забот, горестей и радостей по устройству сельских школ Симбирского уезда. В. Назарьев. 1876, октябрь, 24, с. Ново-Никулино».

В автобиографической исповеди Назарьев оценивает 1873 и 1874 годы как едва ли не лучшие в его жизни. Что касается симбирских знакомств в это время, то автор заявляет, что они «ограничились домом Ульянова и Языкова» [3]. Здесь имелся в виду Николай Александрович Язы-

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 353, оп. 1, д. 1, л. 86.

[2] Сейчас эта самодельная книжечка хранится в Кремлевской библиотеке В. И. Ленина.

[3] ЦГАЛИ, ф. 353, оп. 1, д. 2, л. 92.

ков — племянник знаменитого поэта Н. М. Языкова, друга А. С. Пушкина.

В числе сторонников народного образования, с которыми Илья Николаевич общался долгие годы, был Лев Васильевич Персиянинов. Он был женат на А. Н. Пущиной — симбирской дворянке, родственнице известного декабриста, друга Пушкина, И. И. Пущина.

Персиянинов с конца 60-х годов жил в селе Чилим Буинского уезда. Как врач по профессии, он десятки лет безвозмездно лечил крестьян, принимая у себя на дому до четырех тысяч больных ежегодно.

С 1874 года, когда у Ильи Николаевича появились штатные помощники-инспектора народных училищ, самым близким из них к дому Ульяновых стал Владимир Михайлович Стржалковский. С Ильей Николаевичем его связывала старая, еще со студенческой поры, дружба. «Назначение Владимира Михайловича на должность инспектора,— писал современник,— состоялось после предварительного приглашения и ходатайства об этом только что определенного тогда директором И. Н. Ульянова». Последний нашел в лице В. М. Стржалковского «истинного и полезнейшего себе помощника, на которого не только с полною уверенностью можно положиться во всяком деле, но и всегда встретить разумный, просвещенный, честный и умудренный опытом совет. Будучи горячо предан интересам народного образования, чуждый внешней, так сказать, напускной представительности, он трудился до самопожертвования, почти все учебное время проводя в школах, вне семьи и вникая решительно во всякую мелочь» [1]. Ульяновы и Стржалковские дружили семьями, и добрые отношения между ними сохранились на долгие годы.

С 1877 года штат инспекторов народных училищ Симбирской губернии увеличился до пяти человек. На широко известной фотографии 1881 года помимо Ильи Николаевича и В. И. Стржалковского запечатлены Александр Александрович Красев, Владимир Игнатьевич Фармаковский, Константин Михайлович Аммосов, Иван Владимирович Ишерский.

Все они имели высшее образование и опыт педагогической работы, любили народную школу, преклонялись перед Ильей Николаевичем как человеком и общественным деятелем, питали глубокое уважение к Марии Александровне. С такими людьми было о чем поговорить и посо-

[1] Циркуляр по Казанскому учебному округу. Казань, 1886, № 3, с. 183—184.

ветоваться. Вот почему директор народных училищ стремился использовать каждую возможность, чтобы созвать, как он писал, «небольшой педагогический совет, состоявший из лиц, ближайшим образом знакомых с народными школами и с направлением в них учебно-воспитательного дела». В трудные для народной школы дни инспектора, как могли, помогали своему директору. Только И. В. Ишерский впоследствии стал послушным исполнителем воли дворянства и духовенства.

Часто бывал в доме Ульяновых Иван Яковлевич Яковлев. Известный чувашский просветитель прошел суровую школу жизни. Крестьянский мальчик-сирота, он благодаря огромному упорству сумел получить начальное образование, а затем, работая земельным мерщиком, подготовиться к поступлению в пятый класс Симбирской классической гимназии. Еще гимназистом он пригласил несколько юных односельчан в губернский город и организовал их обучение в училище. Илья Николаевич принял живейшее участие в судьбе чувашских мальчиков, а после отъезда Ивана Яковлевича в 1870 году на учебу в Казанский университет пять лет руководил становлением будущей кузницы чувашских педагогических кадров. В 1875 году И. Я. Яковлев возвратился в Симбирск в роли инспектора чувашских школ Казанского учебного округа и одновременно руководителя местной, родной для него школы. Дружеские отношения Ульяновых с Иваном Яковлевичем и его семьей продолжались долгие годы.

Хорошо знали дорогу в дом своего директора народные учителя как городских, так и сельских училищ. Они откровенно делились своими горестями и радостями, сокровенными планами на будущее, просили совета и помощи. Вспоминая об атмосфере, в которой происходили эти встречи, народная учительница Вера Васильевна Кашкадамова писала: «Я так привыкла видеть в школе директора, постоянно советоваться с ним, что, если, случалось, он не приходил несколько дней, я шла к нему за разрешением тех или иных недоразумений — побеседовать о прочитанных мною книгах, о встречающихся в них порой противоречиях. Илья Николаевич сердечно выслушивал меня, давал ответы, иной раз, и теперь скажу, мои вопросы и недоразумения были не важны, мелочные, и будь на его месте другой директор, сделал бы мне выговор, что я по пустякам беспокою начальство, но он терпеливо выслушивал меня без малейшего намека на неделикатность такого злоупотребления его временем, и я, широко пользуясь его

снисходительностью, как-то незаметно познакомилась и с семейством Ильи Николаевича — его супругой Марией Александровной и детьми, у которых я встретила радушный прием». Благодаря общению с Ильей Николаевичем В. В. Кашкадамова стала подвижницей народного образования, а в советские годы — Героем Труда.

Верным другом Ильи Николаевича продолжал оставаться Владимир Иванович Захаров, проживающий (после учительства в Пензе и Нижнем Новгороде) в селе Каменке Курмышского уезда на положении политического ссыльного.

Илья Николаевич не раз бывал в 70—80-х годах в Каменке, осматривал народную школу, размещавшуюся в доме хозяйки имения, и в своих годовых «Отчетах» отмечал весьма полезную деятельность Захарова и Левашовой на ниве народного просвещения, хотя и знал об их революционной деятельности. Последняя встреча Ильи Николаевича со старым другом произошла в Каменке 15 июля 1885 года. Илья Николаевич подарил Захарову на прощание свою фотографию с теплой надписью: «Дорогому Владимиру Ивановичу от преданного ему И. Ульянова». Эта надпись, очевидно, удостоверяла личную преданность не только В. И. Захарову, как человеку и другу, но и тем высоким идеалам, которые воодушевляли их еще в годы учительства в Пензе и которым Илья Николаевич и бывший «образователь каракозовцев», как окрестили его жандармы, остались верны и 30 лет спустя.

Почти 17 лет домашним врачом Ульяновых был Иван Сидорович Покровский. Вот некоторые факты из его биографии, которые, несомненно, были известны Ульяновым. Матерью Ивана Сидоровича была крепостная крестьянка, а отцом — декабрист Александр Дмитриевич Улыбышев. В исследованиях музыковедов, литературоведов, историков, философов и социологов часто встречается имя этого энциклопедически образованного человека, который считается видным представителем не только русской, но и европейской культуры XIX века.

И. С. Покровский, как незаконнорожденный, не получил никакого наследства после смерти отца, и ему пришлось самому добывать средства во время учебы в Казанском университете. Еще студентом он стал горячим поклонником Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и навсегда остался убежденным демократом.

Работая с 1869 года врачом в Симбирске, Иван Сидорович всегда готов был безвозмездно лечить нуждающихся,

оказывал всяческую поддержку народному образованию. Из уст в уста передавались в городе едкие эпиграммы доктора на местную знать, купечество и духовенство.

Трудной и сложной была жизнь этого человека. Ему было что рассказать своим юным друзьям — детям Ильи Николаевича, когда они приходили к нему за очередным томом запрещенного Писарева.

Среди знакомых Ильи Николаевича и Марии Александровны, причастных к освободительному движению, особое место принадлежит и другому доктору, которого они с начала 80-х годов тоже часто приглашали в дом,— Александру Александровичу Кадьяну. «Обычно лечащим врачом в нашей семье,— вспоминала Мария Ильинична,— в эти годы был А. А. Кадьян... Это был очень знающий и опытный врач, идейный работник, мягкий и деликатный человек. В Симбирске он пользовался большой популярностью... Отец и мать относились к нему очень хорошо; «весьма сочувственно», по свидетельству Н. С. Таганцева, относился и Кадьян к Илье Николаевичу и Марии Александровне. Во время последней болезни (отца.— *Ж. Т.*) Кадьян был в отлучке, и помню, как мать жалела об этом. Она высказала это и Кадьяну, когда он уже после смерти Ильи Николаевича посетил нас» [1].

Еще на студенческой скамье сын профессора фортификации Петербургской инженерной академии генерал-майора А. З. Кадьяна принимал активное участие в «беспорядках учащейся молодежи» столицы. Впервые ему пришлось побывать в тюрьме в 1870 году. В 1872 году в Женеве он внимательно изучал работу секций I Интернационала. На следующий год А. Кадьян блестяще заканчивает Петербургскую медико-хирургическую академию и, отказавшись от приглашения готовиться к профессорскому званию, едет земским врачом в Николаевский уезд Самарской губернии. За революционную пропаганду во время массового «хождения в народ» его арестовали, продержали более трех с половиной лет в доме предварительного заключения, а затем в качестве одного из главных обвиняемых судили по «процессу 193-х». Интернационалист по убеждению, романтик и боец по натуре, он после выхода на волю едет на Балканы, где участвует в освободительной войне славян против османского ига. В 1879 году, уже в Петербурге, Кадьян снова попадает в тюрьму — за связь с революционным подпольем и хранение «книг

---

[1] *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. с. 273—274.

социалистического содержания». Летом того же года в сопровождении жандармов его отправили в Симбирск, под гласный надзор полиции.

С трудом устроившись в губернскую земскую больницу, Кадьян создает в ней образцовое хирургическое отделение. Здесь он первым в России сделал операцию по удалению почки. В 1884 году ученый совет Петербургской медико-хирургической академии присвоил ему степень доктора медицины. Талантливый доктор принимал активное участие в общественной жизни Симбирска: в работе медицинского общества, комитета Карамзинской библиотеки (вместе с И. Н. Ульяновым). В середине 80-х годов он провел обследование условий жизни трудящихся, по материалам которого представил доклад в комиссию, возглавляемую знаменитым С. П. Боткиным. Там с болью констатировалось: «Население пьет ужасную воду, деревни тонут в грязи... Народ грязен, нечистоплотен, живет скученно, в скверных избах, ест отвратительно, он невежественен, заражен массой предрассудков, а главное, очень беден».

Сам врач-революционер делал все, что мог, для облегчения участи обездоленных. «Ежедневно десятки больных,— отмечалось в докладе городской управы,— посещали Кадьяна, и он никому не отказывал в помощи». Любя свой народ и понимая истинные причины его нищеты и страданий, А. Кадьян и его супруга Анна Юльевна поддерживали связи с борцами против самодержавия, помогали им всячески. Симбирский губернатор считал, что А. А. Кадьян — «весьма ловкий и осторожный пропагандист». Такого же мнения придерживался генерал Брадке, который в марте 1887 года донес в Петербург: «Сколько я мог изучить Кадьяна и его жену в продолжение их пребывания в Симбирске, то пришел к убеждению, что они не сочувствуют правительству, но, как люди умные, образованные, скрытные, сдержанные, никогда не выскажут своего мнения». Не было «ни одного лица,— продолжал генерал,— которое высылалось в Симбирск под надзор полиции за политические преступления, которых бы он и жена его не знали и в которых бы они не принимали участия, а таких лиц немало перебывало в Симбирске, но все это он и его жена делали тайно» [1].

Рассказ о симбирских друзьях и знакомых Ульяновых можно было бы продолжить. Но для нас несомненно од-

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 102, 3 д-во, 1887, д. 212, л. 6.

но: благодаря Илье Николаевичу и Марии Александровне старшие дети общались с прогрессивно настроенными людьми, просветителями — хранителями «наследства 60-х годов».

На закономерно возникающий вопрос о революционизирующем влиянии, которое мог оказать А. А. Кадьян на братьев Ульяновых, Анна Ильинична ответила отрицательно. Затем она добавила: «...просто *в то время вся жизнь была этим заражена, а в семье этому ничто не мешало, чувствовалось даже сочувствие отца*»[1] (подчеркнуто мной.— *Ж. Т.*). Справедливость такой оценки эпохи 80-х годов подтверждает картина брожения, происходившего среди учащейся молодежи Симбирска.

ВТАЙНЕ ОТ ВЛАСТЕЙ

В годы революционной ситуации в Симбирске, как и в других губернских центрах, появилось небывалое доселе число участников освободительного движения, состоявших под гласным или негласным надзором полиции: братья Е. Е. и Д. Е. Коведяевы, их сестра Л. Е. Воронцова, Л. И. Прохорова, Н. Е. Петропавловский (Каронин), А. А. Кадьян, П. И. Горбунов, М. А. Гисси, Л. И. Сердюкова и другие.

Большинство политических поднадзорных, судя по официальному делопроизводству, не вели активной антиправительственной пропаганды, но уже само их пребывание в городе и рассказы о причинах своей ссылки оказывали определенное воздействие на людей, с которыми они близко соприкасались. При случае поднадзорные снабжали местную интеллигенцию и учащуюся молодежь нелегальной литературой, передавали им опыт конспиративной деятельности, свои связи с революционным подпольем столичных и университетских городов и способствовали, таким образом, преемственности традиций освободительной борьбы.

Влияние революционеров старшего поколения, с присущим им высоконравственным обликом и непоколебимой верностью заветам некрасовского «Современника» времен Н. Г. Чернышевского, сказалось и на усилении брожения

[1] Партархив Ульяновской области, ф. 441, оп. 1, д. 3, л. 81.

в классической гимназии. В создании благоприятной почвы для этого видную роль сыграл талантливый выпускник Казанского университета В. И. Муратов, имевший уже опыт руководства нелегальными кружками среди воспитанников Порецкой учительской семинарии. Его бывший ученик по гимназии И. Н. Чеботарев, впоследствии близкий товарищ Александра Ульянова, вспоминал: «Кружки эти были насаждены в Симбирске среди учащихся и взрослых в 1877 и 1878 годах главным образом бывшим преподавателем русской словесности в гимназии Муратовым, энергичным, смелым чернопередельцем [1]... Года через полтора он был удален из гимназии и из Симбирска, но социалистические кружки оставались, и многие гимназисты принимали в них участие» [2].

Благотворное влияние на передовую молодежь оказывал преподаватель истории и географии С. Н. Теселкин, по совместительству заведовавший в 1874—1884 годах ученической библиотекой. Некоторым старшеклассникам он давал читать сочинения Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского. Свободолюбивые идеи прививал учащимся, насколько это было возможно на уроках, и преподаватель истории А. В. Кролюницкий, поддерживавший, по данным полиции, близкие отношения с лицами, «известными правительству своей политической неблагонадежностью...» [3].

Муратов, Теселкин и Кролюницкий сыграли определенную роль в приобщении молодежи к демократической литературе, а вовлечению ее в нелегальную деятельность во многом способствовала семья Черненковых. На рубеже 70—80-х годов в их квартире бывали гимназисты А. П. Жарков (Никитин), В. А. Аверьянов, А. А. Лейман, братья П. А. и К. А. Фадеевы, приезжие студенты. От чтения нелегальной литературы и рассуждений о необходимости «ниспровержения настоящего правительства путем насилия» наиболее смелые юноши перешли к пропаганде. В апреле 1881 года полиции стало известно, что А. П. Жарков (Никитин) вел переписку политического характера с крестьянином Я. А. Лапшиным.

В конце 1883 года в Симбирске образовался гимназический нелегальный кружок, во главе которого стал

---

[1] Мемуарист допустил неточность: В. И. Муратов работал в Симбирске в 1878 году, а раскол общества «Земля и воля» на «Народную волю» и «Черный передел» произошел в августе 1879 года.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 239.

[3] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, оп. 80, д. 283, л. 1.

Валентин Александрович Аверьянов. Этот бывший одноклассник Александра Ульянова оставил учебу и целиком отдался подпольной работе.

Важное значение этот кружок придавал созданию подпольных библиотек. Одна из них была скомплектована из произведений легально изданной демократической литературы, но изъятой из общественных книгохранилищ. Другая целиком состояла из революционных брошюр и листовок и предназначалась только для надежных людей.

Первая библиотека размещалась по частям на квартирах гимназистов, участвовавших в ее образовании. А их было немало. «Начиная с 4-го класса, почти все гимназисты,— писал жандармский генерал Ф. М. Керенскому,— за весьма малым исключением, давали на эту библиотеку деньги и книги. Библиотека эта начала составляться в сентябре 1884 года, хотя о заведении ее между гимназистами разговор шел в декабре месяце 1883 года» [1].

Зимой 1884/85 года, когда полным ходом шло создание библиотеки, в четвертых — восьмых классах училось около 250 ребят. А так как десятки из них имели братьев, занимавшихся в младших классах, то и эти 10—14-летние мальчики конечно же узнали о необычной библиотеке, создаваемой втайне от начальства. Поэтому практически почти вся гимназия знала об этом предприятии. Дошли слухи и до Ф. М. Керенского. Он и раньше при обходе гимназических квартир тщательно проверял, какие там имеются книги и журналы, теперь же — с удвоенной энергией выискивал запретную литературу. И не без успеха. В этом же учебном году директор конфисковал у восьмиклассника Александра Леймана три десятка книг и журналов, уже изъятых из библиотек общественного пользования.

До мая 1885 года библиотека функционировала и «находилась по рукам гимназистов», то есть у классных библиотекарей и читателей. По окончании учебного года 322 книги были собраны в квартире только что получившего аттестат зрелости А. М. Жаркова [2]. Но он, в связи с отъездом в Петербург и поступлением в историко-филологический институт, передал библиотеку в начале августа члену своего кружка П. Фадееву.

С началом нового учебного года заведование библиотекой перешло бы к одному из старшеклассников. Но жандармы все-таки напали на ее след.

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 51, л. 135.

[2] А. М. Жарков — однофамилец А. П. Жаркова (Никитина).

Слухи об этом происшествии быстро распространились по всему Симбирску. Кружковцы приняли меры предосторожности. Студент Казанского университета В. П. Волков, бывший соученик по гимназии Александра Ульянова, снабжавший революционной литературой В. Аверьянова и размножавший вместе с ним в Симбирске на гектографе некоторые брошюры, в это время был здесь на каникулах. Зная, что полиции родного города ведомо о его политической неблагонадежности, Волков 18 августа отправил багажом на волжском пароходе сундук, набитый гектографированными брошюрами, в том числе такими популярными, как «Поучительные выводы для русских из истории Коммуны 1871 г.» П. Лаврова, «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце», «Исповедь» Л. Толстого [1].

Кузнец П. Фадеев, находившийся под надзором полиции, тоже имел все основания опасаться, что к нему в любую минуту могут пожаловать с обыском. Поэтому 16 августа он, с помощью подмастерья С. Полякова, перевез гимназическую библиотеку к другу и единомышленнику Василию Ивановичу Маненкову. Затем, уже один, принес связку гектографированных изданий.

Квартирантка Маненковых, случайно подсмотревшая перевозку библиотеки, вечером 19 августа донесла об этом жандармам. Те немедленно нагрянули и изъяли из гимназической библиотеки 322 книги, а также гектографированные тетради и брошюры. Среди последних были тетрадь с выписками из герценовского «Колокола», листовки Исполнительного комитета «Народной воли», «Какова моя вера» Л. Толстого, сборник «Отклики с Волги. Стихи и песни» — всего 34 экземпляра [2].

П. Фадеев не отрицал, что все эти издания принадлежат ему. Но, как ни старались следователь и жандармы, он, прикинувшись простаком, упорно твердил, что «книги купил на базаре у неизвестного человека, между которыми могли быть и запрещенные издания». Умело, стойко держался на допросах и Аверьянов.

Однако Малиновский, бывший воспитанник Симбирской духовной семинарии, смалодушничал и рассказал следователю почти все, что знал о симбирском кружке и его связях с революционерами Казани, Москвы, Самары, Петербурга, Саратова. Откровенные показания дал и доставленный из Петербурга А. М. Жарков.

---

[1] Центральный государственный архив (ЦГА) ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1661, л. 13—20.

[2] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 51, л. 116.

Выяснилось, что значительная доля гектографированных изданий поступила от казанских студентов В. Бурлакова, Д. Гончарова, В. Волкова — бывших одноклассников Александра Ульянова. Небезынтересно, что среди изъятой у кружковцев литературы наряду с народовольческими изданиями имелись произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, в частности «Манифест Коммунистической партии», сочинения Лассаля, труды плехановской группы «Освобождение труда». У А. Леймана изъяли брошюру П. Б. Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия», а А. М. Жарков имел рукописную работу Энгельса, озаглавленную: «Социализм исторический и научный».

В списке отобранных у В. Аверьянова вещественных доказательств значились «Основания политической экономии Милля с примечаниями Чернышевского», «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского, «Современный социализм» Э. Лавеле в переводе М. А. Антоновича и другая социально-экономическая литература.

С самого начала дело о гимназической библиотеке получило в Симбирске очень широкую огласку. Это видно из представления генерала Брадке прокурору Казанской судебной палаты, в котором он объясняет, почему П. Фадеев сумел очистить свою квартиру от нелегальщины сразу же после обыска у А. Малиновского: «...об обыске знал *почти весь город,* как он осторожно ни был сделан 15 августа рано утром» [1].

В ходе длившегося более года расследования жандармы запрашивали сведения о Фадееве, Маненкове, Аверьянове и других кружковцах у руководителей учреждений и ведомств Симбирска, столичных и поволжских городов. Среди этих руководителей оказались и знакомые Ульяновых. Брадке просил А. Ф. Белокрысенко дать характеристику на подчиненного ему по службе вольнонаемного писца В. И. Маненкова. О нем же, как бывшем воспитаннике чувашской школы, и П. А. Фадееве, преподававшем там же слесарное и кузнечное дело, получал запросы И. Я. Яковлев. Поскольку Маненков в 1879—1884 годах работал сельским учителем, жандармский генерал письменно запросил И. Н. Ульянова: «Какого он направления и образа мыслей?» Илья Николаевич ответил, что этот учитель имел столкновение с местным священником и уволен со службы по требованию Симбирской духовной консистории.

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 51, л. 144.

В «образе же мыслей» В. И. Маненкова директор народных училищ не замечал «ничего предосудительного в нравственном и политическом отношении» [1].

И. Н. Ульянов, А. Ф. Белокрысенко и И. Я. Яковлев не могли не обсуждать истории с гимназической библиотекой. Надо полагать, что Илья Николаевич на эту тему беседовал и с сыном Владимиром и предупредил о необходимости быть осмотрительным в делах такого рода. Не подлежит никакому сомнению, что Александр Ульянов, находившийся в Симбирске во время разгрома кружка, знал о событиях, ибо Валентин Аверьянов был в свое время не только его одноклассником, но и соседом по квартире в доме Косолапова на Покровской улице. Если же учесть, что Александр Ильич в 1885 году создавал в своей петербургской квартире библиотеку симбирского студенческого землячества, то вполне вероятно, что он не только пользовался библиотекой В. Аверьянова, как тот утверждает в своих воспоминаниях, но в свою очередь и делился с ним опытом ведения дел нелегальной библиотеки.

Жандармы не раскрыли издательской деятельности кружковцев. Это видно на примере с гектографированной тетрадью-брошюрой на 143 страницах, которая в списке вещественных доказательств озаглавлена ими как «Сочинение Аверьянова». Они не обратили внимания, что на титульном листе есть другое название: «Синтез экономической политики. Прибавления к лекциям профессора Иванюкова. Петрово-Разумовское. 1880 г.» [2].

Труды Н. И. Иванюкова тогда имели довольно широкое распространение. В своей докторской диссертации «Основные положения теории экономической политики от Адама Смита до настоящего времени» либеральный профессор, разделявший взгляды реформистского крыла западноевропейской социал-демократии, утверждал, что «целая бездна разделяет научный социализм от социализма революционного».

Какие же «Прибавления» к лекциям Иванюкова смог сделать Аверьянов?

«Было бы слишком розовою мечтою представлять себе возможности перехода капитала из рук частных собствен-

---

[1] Василий Иванович Маненков через несколько лет станет довольно известным писателем народнического направления, человеком, который жил и работал вместе с Алексеем Пешковым и помог ему, будущему Максиму Горькому, познакомиться с Гл. И. Успенским и В. Г. Короленко.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 51, оп. 8, д. 48, л. 1—143.

ников-рантьеров в руки общества трудящихся путем мирных уступок и соглашений. Надеяться на это социалистам нечего». Далее автор выразил уверенность, что революционный взрыв не только возможен в ближайшем будущем, но и неизбежен. Поэтому социалисты должны готовиться к предстоящим боям: вести пропаганду и агитацию среди трудящихся, укреплять свою «боевую организацию», искать себе «естественных союзников». Русские революционеры, призывает он, должны проявить «в пропаганде в среде народа и в организациях народных сил столько же энергии и столько же искусства, сколько они выказали и выказывают в настоящее время в борьбе с русским императорством и в организации своих сил для этой борьбы».

Мысли, содержащиеся в «Прибавлениях», оказались настолько зрелыми для начала 80-х годов, когда еще складывалась группа «Освобождение труда», что, естественно, не верилось в принадлежность их симбирскому юноше. Попытка установить действительное авторство в конце концов увенчалась успехом. Помогли воспоминания Анны Ильиничны и товарищей Александра Ильича по Петербургу. Перечисляя литературу, которой пользовались при изучении политической экономии, они упоминали и работу Альберта Шеффле «Квинтэссенция социализма» и «Прибавления» к ней П. Л. Лаврова. Сверка показала, что приписываемое симбирскими жандармами Аверьянову «Сочинение» является сокращенным вариантом книги Шеффле с «Прибавлениями» Лаврова.

Кузнец-революционер П. А. Фадеев, принимавший в 1928 году, как и В. А. Аверьянов, участие в работе комиссии по реставрации Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске, утверждает в своих воспоминаниях, что эту брошюру кружок Аверьянова размножал на двух гектографах. В архиве сохранились два экземпляра «Сочинений Аверьянова», причем разного формата и с разным почерком. Но Фадеев не помнил, кто привез в Симбирск оригинал.

О том, что эта нелегальная брошюра бывала в руках ее родных, засвидетельствовала в 1929 году Анна Ильинична. Просматривая список книг, которые читались ими в Симбирске, она оставила в нем «Квинтэссенцию социализма» Шеффле с примечаниями Лаврова, причем гектографированное издание.

Исследователи не отвергают возможности того, что братья Ульяновы являлись членами кружка В. Аверьянова. Профессор Б. М. Волин, например, считал, что

Владимир «был причастен к подобным гимназическим кружкам. Его семья об этом не знала. Уже с юношеских лет Ленин был хорошим конспиратором» [1].

«ДНЕВНИК ГИМНАЗИСТА»

Разгром властями аверьяновского кружка не искоренил «крамолы»: осенью того же 1885 года группа старшеклассников наладила выпуск нелегального рукописного журнала «Дневник гимназиста». Пять номеров этого уникального издания ныне хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

По внешнему виду журнал представляет собой тетрадку, сшитую нитками из нелинованных стандартных листов писчей бумаги. Все тексты написаны четким ученическим почерком, черными чернилами. Сохранившиеся номера — лишь часть того, что издавалось гимназистами в течение двух учебных лет. Некоторые — без обложек, в них не хватает страниц. Точную дату выхода в свет такого номера не всегда удается установить.

Редактор «Дневника гимназиста», скрывавшийся под псевдонимом «С. Колюпанов» (очевидно, это А. А. Коринфский), подражая «всамделишным» журналам, группировал материалы каждого номера по строго определенным разделам и рубрикам: «передовая статья, оригинальное литературное произведение, библиография, новости, почтовый ящик, объявления, вопросы читателей и ответы редакции».

В кратком редакторском кредо, помещенном в № 1 «Дневника гимназиста» от 9 декабря 1885 года, говорилось, что журнал посвящается «исключительно гимназическим делам». Но это заявление было сделано конечно же только для отвода глаз начальства. На самом же деле каждый номер нелегального органа был пронизан стремлением пробудить у молодежи потребность к внепрограммному чтению и самообразованию, интерес к «политике» в полном смысле этого слова.

Эта тенденция отчетливо видна в библиографической заметке в том же первом номере. Безымянный обозреватель-гимназист писал в ней: «Тяжелое время настало те-

---

[1] *Волин Б. М.* Ленин в Поволжье. М., 1956, с. 43.

перь для всякого читающего человека. Все почти лучшие авторы «изъяты» из употребления. Лучшие журналы тоже[1]. Поэтому приходится каждому, кто желает хоть несколько образоваться, приводить в известность книги, имеющиеся у знакомых, выписывать новые журналы, пользоваться некоторыми статьями, которые помещены в не изъятых из употребления журналах и т. п. Вот на этом трудном пути отыскивания духовной пищи мы и хотим подать руку помощи нашим читателям».

Из беллетристики, появившейся в журнале «Вестник Европы» за последние 13 лет, обозреватель указал только на «Новь» И. С. Тургенева (1877 г., № 1—2), «Алексея Слободина» А. И. Пальма (1872 г., № 10—12) и «Пестрые письма» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1884 г., № 11—12; 1885 г., № 1—5).

В «Русском богатстве», по его мнению, заслуживают внимания только «Воспоминания ссыльного» Мейера, рассказы «Святое озеро» Н. И. Наумова и «Сельский учитель» В. Г. Короленко, «На заре жизни» П. Гриневича (псевдоним народовольца П. Ф. Якубовича) и «Жизнь в городе» Л. Н. Толстого.

Далее идут подробные рекомендации по чтению «Русской мысли» — лучшего после закрытия «Отечественных записок» журнала народнического направления. Среди наиболее примечательных произведений обозреватель особо выделил очерки, рассказы и повести Н. Н. Златовратского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Г. Короленко, Н. В. Шелгунова и Г. И. Успенского, правдиво и ярко вскрывавшие язвы российской действительности, пробуждавшие сочувствие к трудовому люду.

Что касается еженедельных изданий, то редакция «Дневника гимназиста» советовала своим товарищам читать прежде всего петербургскую «Неделю», а из газет — московские «Русские ведомости». «Чтобы наше мнение не показалось голословным,— указывалось в очередных «Литературных заметках»,— мы перечислим некоторых сотрудников, которые участвуют в этих изданиях: Щедрин, Успенский, Златовратский, Вологдин (Засодимский), Щедров, Л. Толстой — вот главные силы... Любопытно, «Неделя» называет свое направление «национально-прогрессивным» и ищет свой идеал в *деревне*. Еще больший интерес представляют «Русские ведомости», в которых участвует

---

[1] После выхода правительственных «Временных правил» от 5 января 1884 года.

знаменитый *Чернышевский.* Он живет в Астрахани и посылает оттуда фельетоны и корреспонденции в эту газету».

Поразительна осведомленность симбирского гимназиста! Ведь все произведения Н. Г. Чернышевского, томившегося в астраханской ссылке, появлялись в печати только под псевдонимами. Удивляет и то, что редакция «Дневника гимназиста» располагала даже информацией о конфиденциальной переписке канцелярии своей гимназии — вот отрывок из «Литературных заметок»: «Интересные времена настали! Нам, гимназистам, запрещено читать «Семью и школу», наравне с «Народной волей» и подобными нелегальными изданиями. Библиотекарь ученической библиотеки Н. М. Нехотяев каждый год посылает в Казань попечителю (учебного округа.— *Ж. Т.*) список книг, которые хотел бы выписывать, и второй год г. Масленников (попечитель.— *Ж. Т.*) вычеркивает революционную «Семью и школу». Заключение было сформулировано в лучших традициях демократической сатиры: «Остерегайтесь, товарищи, читать этот социалистический журнал!»

Для пропаганды передовой журналистики в «Дневнике гимназиста» использовалась и рубрика «Почтовый ящик». Некий «П» спрашивает: «Не может ли редакция дать почитать какой-нибудь номер журнала «Слово»? Дается ответ: «В журнале «Слово» было помещено много хороших статей, но, к сожалению, его почти нигде нет. Если у кого-нибудь из наших читателей найдется несколько номеров этого журнала, то просим его, если он сочувствует развитию товарищей, давать им читать их или, если можно, представить в редакцию, чтобы передать г-ну П.».

Интерес к научному, литературному и политическому журналу «Слово» вполне объясним. В нем, наряду с Н. И. Наумовым, Г. И. Успенским, Н. Н. Златовратским, П. В. Засодимским, Н. Е. Петропавловским (Карониным), В. Г. Короленко и другими прозаиками-народниками, выступали поэты А. Н. Плещеев, С. Я. Надсон, П. Ф. Якубович, критики М. А. Антонович, М. К. Цебрикова и даже находившийся в эмиграции П. Л. Лавров. «Слово» публиковало и работы прогрессивных ученых-политэкономов. Здесь, например, была напечатана «Экономическая теория К. Маркса» Н. И. Зибера. Журнал был закрыт властями в 1881 году «за вредное направление», и, естественно, найти его книжки спустя пять лет было не просто.

«Дневник гимназиста» проявлял заботу и о том, как можно пополнить свои научные познания, полезнее использовать часы досуга или приятнее организовать празд-

ничный вечер. Автор заметки «Научные забавы» писал в связи с этим: «Много в науке поучительного, но много и занимательного. Какие интересные и блестящие опыты можно сделать при помощи химии, физики, какие загадочные вычисления доставляет математика. По недостатку места мы не распространяемся и укажем только на некоторые книги, из которых наши читатели почерпнут, как можно приятно и полезно проводить время:

1) Описание оптических увеселительных приборов. Цена 25 коп.

2) Как устроить самыми простыми, находящимися под руками средствами разные кабинеты и учебные пособия при сельских школах. Иван Белов. Цена 20 коп.

3) Математические софизмы. Цена 40 коп.

4) Тиссандье. Научные развлечения. Цена 1 руб. 50 коп.

Эти книги можно выписать у всех известных книгопродавцев».

Накануне рождественских каникул, когда по традиции в Симбирске устраивались вечера, самодеятельные спектакли и «живые картины», в декабрьском номере журнала были приведены рецепты изготовления красных, зеленых и белых «бенгальских огней», которые в магазине стоят «довольно дорого».

Редакция брала на себя функции посредника в реализации среди учащихся лучших, а вместе с тем и самых дешевых гимназических учебников и словарей.

Наконец, она пыталась оказать какое-то влияние на установление гуманных отношений в гимназии, призывала прекратить бытующее в ее стенах чванство старшеклассников перед младшими, глумление сильных над слабыми.

В каждом номере «Дневника гимназиста» помещались плоды поэтического творчества учащихся. Встречались стихотворения лирические, нередко с нотками пессимизма, в духе популярного С. Я. Надсона. Но преобладали все-таки стихи с общественным звучанием. Вот одно из них:

Отчего у нас на свете
Так ведется уж исстари,
Что одни живут в почете
Лишь с душой продажной твари?
И зачем повсюду честный
Под трудом изнемогает,
Кто ж всю жизнь провел бесчестно,
Тот в почете умирает?
Неужели постоянно
Так томиться будет правый
И глядеть на счастье жадно,
Проливая пот кровавый?

Из прозаических проб юных авторов наиболее серьезным по содержанию является рассказ «Конец сомнениям», датированный 1886 годом и подписанный псевдонимом «Протасьев». Сюжет его незамысловат, но трагичен.

Выпускник классической гимназии, сын богатых родителей, Александр Бельтянский готовит домашнее задание по латыни. Прочитав страницу-другую, он бросил учебник и принялся было просматривать «Исповедь» Толстого, которую ему дал на некоторое время один из его товарищей. Но и здесь не выдержал. Тяжелый слог утомил его, и он предпочел читать какой-то пустой роман. Это занятие прервал лакей, подавший письмо от студента Дунаева, с которым гимназист познакомился летом.

История их знакомства изложена так: «Недавно прочитал Бельтянский известный роман «Что делать?» (Н. Г. Чернышевского.— *Ж. Т.*) и заинтересовался коммунизмом. Он стал читать разные книги по этому предмету; обо всем, что он не понимал, он спрашивал Дунаева, и тот объяснял ему. Наступила весна — лихорадочные месяцы для студентов и гимназистов. Переписка прекратилась. Дунаев кончил IV курс юридического факультета. Когда Бельтянский рассчитал, что в университете экзамены кончились, он снова возобновил переписку. Он задал Дунаеву вопрос: какое правительство необходимо для социалистического государства — ограниченно монархическое или республиканское?»

В письме, которое лакей вручил герою рассказа, Дунаев выразил искреннее удивление своему «неразумному другу» за то, что он решился письменно рассуждать «о таких вещах, которые *теперь* никто не решится произнести даже с самым верным другом. Письма, как вы знаете,— продолжал Дунаев,— могут быть доведены до сведения начальства. Вообще я Вам раз навсегда заявляю, что я отрешился от всех юношеских увлечений... Желаю Вам последовать моему примеру».

Бельтянский был ошеломлен и подавлен «благоразумием» своего недавнего кумира. Взяв в комнате отца ружье, он набросал коротенькую записку: «Я — внук Чацкого и сын Рудина. Поэтому, как первый разочарованный уехал из Москвы, а второй кончил жизнь на баррикадах в Париже, я тоже не могу жить в такой душной атмосфере. Не вините никого в моей смерти».

Автор не пояснил цели, ради которой был написан рассказ, предоставляя читателю самому поразмыслить, почему честный и неглупый юноша из вполне обеспеченной семьи предпочел покончить с собой, чем жить в «душной атмосфере».

Авторы-гимназисты использовали в своем творчестве литературные приемы знаменитых писателей. Юноша под псевдонимом «Ив. Гвоздев» в журнале от 8 февраля 1886 года начал публикацию своих «Писем к бабушке», являвшихся подражанием по форме знаменитым щедринским «Письмам к тетеньке». Бабушка слезно просила внука: «Начальство уважай и ни в чем ему не прекословь, книг не читай, вольнодумных стихов не сочиняй, вздора не болтай, спи больше, ибо во сне меньше грешишь». Успокаивая бабушку, И. Гвоздев убеждает ее в своей смиренности и благонамеренности. Что касается совета «побольше спать», то юный автор, как настоящий сатирик, заявляет, что и он, и окружающие его люди давно занимаются этим и «сам Карамзин не знал точно года, когда русские заснули богатырским сном...». И только «держиморды и надзиратели» бодрствуют...

«Сергей Дерунов» (тоже псевдоним) в очерке из деревенской жизни, подобно писателям-народникам, рисует подробнейшим образом картину сельского схода: пьяница староста убеждал крестьян в выгодности условия, предложенного «миру» богатым «сидельцем» за право открытия в селе «питейного заведения». Натолкнувшись на «оппозицию» большинства крестьян, староста построил пришедших на сход в одну шеренгу и, ударяя в грудь каждому, начиная с правофлангового, говорил: «И он согласен...» Вскоре после такого «голосования» заведение с красочной вывеской «распивочно и на вынос» было построено, а общественная нравственность резко упала. Сергей Дерунов, естественно, негодует, что местное начальство «не обращает внимания на отчаянную эксплуатацию «кулаков-сидельцев», заручившихся авторитетом сельских старост, подобных Степану Тимофеевичу».

Последнюю, чистую, страницу каждого номера «Дневника гимназиста» редакция оставляла для читательских отзывов. Среди них обращает на себя внимание запись: «Что-то много статей, даже почти все и стихотворения также, которые говорят про социализм и коммунизм. Неужели, в самом деле, это действительное направление журнала?»

Оценка вольно или невольно преувеличена, но рассуждения о будущем обществе — царстве свободы, равенства и братства — в самом деле встречались довольно часто. Иногда они наивны, но порой — довольно серьезны, и приходится либо поражаться логичности мышления неизвестного юноши, либо теряться в догадках об источнике, из которого он заимствовал политические доктрины.

Особого разговора заслуживает очерк «Сон» (Популярное изложение социализма), появившийся в журнале в начале 1886 года. Суть его такова. Когда все домашние улеглись спать, автор «Сна» проштудировал (не дошедший до нас) № 3 «Дневника гимназиста». Длиннейшая статья, в которой «несколько туманно» объяснялась разница «между материализмом, нигилизмом, социализмом и коммунизмом», в конце концов утомила его, и он заснул. Но вскоре его разбудил какой-то мужчина лет тридцати пяти и пригласил прогуляться по городу. Хотя гимназист и недоумевал, как незнакомец мог проникнуть в комнату и зачем поздней ночью идти на прогулку, он все-таки вышел на улицу.

«Первое, что поразило меня,— пишет юноша,— это был необыкновенный свет, который был нисколько не слабее солнечного. Я поднял глаза и увидел, что этот свет исходит с высокой башни. Я великолепно знал, что в Симбирске ничего подобного нет, и спросил моего проводника: «Что это такое?» — «Электрический свет».— «Да где же я?»

— Ты в стране социализма,
Где нет горя, ни забот,
Где все люди живут мирно,
Где глупцов нет, ни рабов,—

ответил мой вожатый. «Да разве я не в Симбирске? Разве я не в России? Разве теперь не 1886 год?» — засыпал я вопросами незнакомца. «Нет,— отвечал он,— ты в России и в Симбирске, но в 2086 году».

Затем незнакомец пригласил гимназиста к себе. Подошли к губернаторскому дому, который «изменился мало». Юноша хорошо знал это здание, расположенное напротив фасада классической гимназии. И каждому симбирянину было ведомо, что на втором этаже находились личные апартаменты губернатора, а «в первом жили его писаря, некоторые чиновники, тут же помещалась его канцелярия». Естественно, юноша поинтересовался, где же живет его спутник. Тот ответил, что на втором этаже. И добавил, что он не губернатор и, хотя носит фамилию «Долгорукий», не князь, а служащий государственного магазина.

Из дальнейшего его рассказа выяснилось, что титулование в России давно отменено, фабрикантов, заводчиков и помещиков нет. Земельный надел гражданин получает от государства, а за плоды труда вознаграждается ярлыком, дающим право брать в государственном магазине необходимое для жизни. В каждом магазине вывешена такса, по которой легко определяется, скольким пудам хлеба

или фунтам мяса равняется один рабочий день или обработка десятины земли. Живут все в достатке, ибо «прибавочная стоимость», переходившая ранее в руки хозяев, теперь остается у тружеников.

«Каким же образом вы достигли того, что вся земля государственная?» — поинтересовался гимназист. Незнакомец охотно пояснил: «Просто мы убедили царя издать закон, по которому наследство переходит только к прямым потомкам, к сыновьям и дочерям. Когда же их нет, то оно отходит к государству. Весь доход от этих имений поступал на покупку новых. Теперь во всей России остается разве только три-четыре настоящих помещика, остальных же поглотило государство».

Разговор прервался... Юноша проснулся. Он сидел «в своей комнате. В лампе керосин весь выгорел, и она страшно чадила». Так заканчивается очерк.

Как и следовало ожидать, «Сон» вызвал большой интерес у читателей. Один из них (И. Рютчи) в последующем номере «Дневника гимназиста» подверг очерк острой критике за то, что в нем «перепутаны понятия «социализм» и «коммунизм» и встречаются явные противоречия. «Сначала говорится, что все люди равны, а между прочим, есть царь, который издает законы. Не думаю,— едко заключил свой отзыв И. Рютчи,— чтобы какой-нибудь царь стал издавать подобные законы». Впрочем, если учесть, что юный критик был близок к редакции «Дневника гимназиста», его реплика была не чем иным, как приемом убедить товарищей в несовместимости монархизма с коммунистическим строем общества.

В «Дневнике гимназиста» периодически появлялись просьбы к читателям «обращаться с журналом ОСТОРОЖНО». Но редакция не исключала возможности того, что ее издания могут попасть в руки начальства, в том числе и жандармского. Поэтому в журнале нет прямых призывов читать революционную литературу или участвовать в создании нелегальных библиотек и касс взаимопомощи — ведь за такие советы наверняка попадешь в «кутузку», а затем и на жительство в «места не столь отдаленные».

«Крамольные» же идеи выражались, скажем, в виде «сна», приснившегося автору, или пересказа беседы со случайным попутчиком.

Так, некий автор В. в «Путевых набросках» рассказывает, как во время поездки на волжском пароходе случайно разговорился со студентом-первокурсником Казанского университета, неким Р.— выпускником Саратовской гим-

назии, которая, по словам В., «как известно, на самом плохом счету у г-на попечителя и у великих мира сего» за ее «буйный, революционный дух». Тот рассказал, что в Саратовской гимназии, в седьмом и восьмом классах, были «две тайные библиотеки». Начальство пронюхало о них и стало устраивать обыск за обыском. У одного гимназиста была найдена копия революционной прокламации, за что он тут же вылетел из гимназии. Но на стенах появились новые прокламации. Опять и опять обыски. «Это, конечно, дошло до сведения г-на Масленникова (попечителя Казанского учебного округа.— *Ж. Т.*), и он сам приехал расследовать это дело. Все было разнесено. Все учителя, не исключая директора с инспектором, были разосланы по разным гимназиям. Великое множество гимназистов потерпели: одни были исключены из гимназии, другие по прошению, третьи были удалены на один год, иные отделались карцером...»

По поводу этого разгрома в «Путевых заметках» имеется существенное примечание: «Инспектором был популярный между учениками А. В. Кролюницкий, который был переведен в Симбирскую гимназию взамен Серг. Ник. Теселкина», перемещенного в Саратов, на его место. Читателям журнала стало ясно, как их любимый Теселкин — кстати, тоже демократически настроенный учитель — оказался в Саратовской гимназии, а Кролюницкий — в Симбирской и почему опальный Кролюницкий не сработался с Ф. М. Керенским и предпочел через год переехать из Симбирска в Нижний Новгород.

Далее в беседе со студентом В. попросил подробнее рассказать о тайных библиотеках в Саратовской гимназии. Тот охотно поделился опытом. Он иносказательно напоминал читателю «Дневника гимназиста», как создавалась и работала библиотека аверьяновского кружка. Это была своего рода инструкция по восстановлению нелегальной библиотеки, разгромленной летом 1885 года симбирскими жандармами.

Среди членов редакции «Дневника гимназиста» или ее актива были юноши, не исключавшие народовольческих методов борьбы с самодержавием. Только этим, очевидно, объясняется появление в начале 1886 года необычайного материала — «Два небесполезные, может быть, рецепта».

Первый из них — «рецепт» изготовления в домашней лаборатории нитроглицерина, который после смешения «с известным количеством кремния (песка)» является не чем иным, как... динамитом! Второй «рецепт» — подробная инструкция по «приготовлению массы для гектографирова-

ния...». Удивительна смелость редакции, отважившейся поместить такие материалы, за которые можно было вылететь из гимназии с волчьим билетом, а то и угодить за решетку.

Изготавливал ли тогда кто-нибудь в Симбирске динамит — нам неизвестно. А вот самодельные гектографы для размножения революционной литературы кружок В. Аверьянова в 1883—1885 годах имел и умело использовал их на практике.

Советы «пиротехника» по изготовлению «бенгальских огней», не говоря уже о только что упоминавшихся «рецептах», вызвали неудовольствие одних читателей и одобрение других.

В целом же руководство журнала, да и актив читателей, отдавали предпочтение поискам социалистической теории, а не подражанию народовольчеству. Характерно обращение «К товарищам» в журнале от 8 февраля 1886 года за подписью «Космополит»: «Господа, Вы трактуете и о социализме, и о правде и даже начинаете (хотя и не все) заглядывать одним глазом на Вашу будущую жизнь; но от всех этих словопрений у Вас дело не подвигается и Вы успокаиваетесь на витиеватых фразах. Где же та правда, о которой Вы говорите, и кто проводит ее в Вашем быту?» Молодое поколение искало конкретного дела для приближения светлого завтра.

ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Начальству классической гимназии не удалось напасть на след «Дневника гимназиста», и поэтому никто из учеников не пострадал за участие в его издании. Ф. М. Керенский, возглавлявший по совместительству и женскую Мариинскую гимназию, не знал, по-видимому, что и старшеклассницы издавали в 1886 году свой рукописный журнал «Скорбный лист». Редактором его, по словам соучениц, была Ольга Ульянова [1]. Но о самой возможности выпуска таких «подпольных» изданий в любом среднем и высшем учебном заведении России было известно руководству министерства народного просвещения, не говоря уже о полиции и жандармерии.

---

[1] См.: *Ковнатор Р. А.* Ольга Ульянова. М., 1979, с. 31.

Илья Николаевич наверняка догадывался о существовании рукописных журналов в гимназиях, где учились Владимир и Ольга, но зимой 1885/86 года глубоко вникнуть в эти общественные дела молодежи просто не было времени. В разгар учебной поры он, как обычно, был занят осмотрами народных училищ губернии, что в условиях реакции имело особое значение.

Последняя школа, которую он осмотрел числа 20-го декабря, находилась в большом селе Жадовка Карсунского уезда. Здесь преподавал хорошо ему известный выпускник Порецкой учительской семинарии, молодой, толковый преподаватель Ф. С. Кириллов. Год назад он жаловался Илье Николаевичу на различного рода придирки начальства. Местный поп возбудил ходатайство об открытии в селе церковноприходской школы. «А вы будете баранов загонять в свою школу»,— злобно заявил он Кириллову. Илье Николаевичу тогда удалось успокоить учителя-поречанина: никто без достаточного основания не сможет снять его с должности. Главная же задача остается в силе — надо поставить школу по успеваемости в первый разряд.

Минул год, и проверка показала, что Кириллов сумел с честью выполнить наказ своего директора училищ. Илья Николаевич поблагодарил его, а на прощание сказал: «Я лично убедился, что вы работать с тремя группами можете, берегите школу от церковно-поповских и других уклонов, а главное — развивайте ум ребенка...» [1]

Из Жадовки Илья Николаевич направился в Сызрань, и здесь, где особенно чувствовалось реакционное влияние Д. И. Воейкова, он узнал нечто очень неприятное как лично для себя, так и для дела народного образования.

Здешнее земское собрание вновь выразило свою солидарность со взглядами Д. И. Воейкова и высказалось за всемерное развитие церковноприходских школ и усиление «духовно-нравственного» элемента во всех народных школах. Было выражено сомнение в возможности улучшения школьного дела в желаемом для правых земцев духе при нынешней «дирекции училищ Симбирской губернии». Это был, по существу, открытый выпад лично против Ильи Николаевича, что и послужило причиной того подавленного его состояния, на которое обратила внимание Анна Ильинична во время встречи с отцом в Сызрани, а затем на протяжении шестнадцатичасового пути до Симбирска.

---

[1] И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. Саратов, 1968, с. 127.

Она вспоминала об этом так: «В декабре 1885 г., будучи на третьем курсе (Бестужевских женских курсов.— *Ж. Т.*), я приехала опять на рождественские каникулы домой, в Симбирск. В Сызрани я съехалась с отцом, возвращавшимся с очередной поездки по губернии, и сделала вместе с ним путь на лошадях. Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью,— это было меньше чем за месяц до его смерти. Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Это означало сведение насмарку дела всей его жизни. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку» [1].

Илья Николаевич еще летом мог высказать дочери Анне, находившейся на каникулах дома, свои тревожные мысли по поводу похода темных сил против народного просвещения, о правительственной политике «народного затемнения». Решение сызранского земского собрания подействовало на И. Н. Ульянова крайне удручающе.

Прибыли они домой в среду 25 декабря, в первый день рождественских каникул у Владимира, Ольги и Дмитрия. Илья Николаевич, видимо, не захотел омрачать праздничное настроение родных и, судя по воспоминаниям современников, выглядел в эти дни сравнительно жизнерадостным. Помогало держать себя в руках приятное сообщение Анны, что Александр успешно завершает научную работу, которую готовит к студенческому конкурсу в университете.

Конец декабря и первые дни нового, 1886 года у Ильи Николаевича были заполнены работой по составлению отчета о состоянии народных училищ губернии за прошедший календарный год: надо было внимательно изучить и обобщить сведения, представленные пятью районными инспекторами, подытожить собственные наблюдения над осмотренными в 1885 году 74 школами (в 25 из них он побывал по три раза). Обработка этих материалов, несмотря на их обилие, при его богатом опыте и помощи старших детей, была еще не самым трудным делом. Больше беспокоила мысль, как отразить свое отношение к развитию в губернии церковноприходских школ.

Илья Николаевич не написал в отчете ни слова о том, как идут дела в школах, находящихся в ведении священ-

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 114.

ников, дьяконов и псаломщиков. Он воздержался от характеристики важнейшего правительственного мероприятия. Это можно сравнить с молчанием Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова в 1861 году, когда, не имея возможности выразить публично свое негодование грабительскими условиями «освобождения» крепостных крестьян, они не поместили в некрасовском «Современнике» ни одной статьи по поводу прославлявшейся либералами новой «царской милости».

Зато, вопреки утверждениям воейковых о том, что крестьяне предпочитают иметь для своих детей церковноприходские школы, Илья Николаевич особо подчеркнул ревностное отношение «самого народа, с особенной охотой» отдающего своих детей в земские школы. В этом он видел залог успеха дела, которому сам посвятил более 16 лет.

И этот оптимизм он сохранял в очень трудное для себя время. Прошло более двух месяцев, как он послал попечителю Казанского учебного округа прошение о своем желании после 30-летия службы остаться еще «на следующее пятилетие», а начальство хранило молчание.

10 января Илья Николаевич занемог и работал уже полулежа на своем диване в домашнем кабинете. Мария Александровна пригласила доктора, который констатировал лишь «гастрическое состояние желудка». Ночь на 12 января Илья Николаевич провел почти без сна, продолжая работать. Анна читала отцу служебные бумаги, но, заметив, что ему плохо, убедила прекратить работу. На следующий день Илья Николаевич занимался делами вместе с В. М. Стржалковским. Обедать он не захотел и снова прилег на диван. В пятом часу Мария Александровна в тревоге позвала Анну и Володю. На их глазах Илья Николаевич скончался.

Рано, очень рано ушел из жизни прекрасный человек, выдающийся просветитель И. Н. Ульянов: он умер на 55-м году жизни от кровоизлияния в мозг. Сказалась напряженная работа и огромные переживания. Ведь именно в эти дни до Симбирска дошла весть о том, что министр народного просвещения И. Д. Делянов оставил Илью Николаевича на службе не на пятилетие, как он этого просил, а лишь «до 1 июля 1887 года». Вот что заявил 24 апреля 1886 года один из чиновников в письме к Делянову: «...с директором народных училищ Ульяновым сделался удар при известии, что он оставлен на один год,— удар, безвременно оторвавший отца у многочисленного семейства и усердного работника у службы». Эти слова современника — еще одно убе-

дительное свидетельство того, что гонения и нападки со стороны реакционеров были главными причинами преждевременной кончины Ильи Николаевича.

Похороны Ильи Николаевича были многолюдными. 15 января его провожали в последний путь учителя и учащиеся народных училищ и, как выразился инспектор К. М. Аммосов, «все чтители памяти покойного (а кто в Симбирске не знал и не уважал его!) и огромное число народа наполнили дом и улицу около квартиры покойного» [1].

Кончина И. Н. Ульянова вызвала глубоко соболезнующие отклики в печати. «В «Симбирских губернских ведомостях» и «Симбирской земской газете», а также в «Циркуляре по Казанскому учебному округу» появился обширный очерк-некролог, написанный инспектором народных училищ К. М. Аммосовым. Этот некролог вместе с «Воспоминаниями» преподавателя кадетского корпуса А. П. Покровского были изданы в Симбирске отдельной брошюрой. Во всех материалах, посвященных памяти И. Н. Ульянова, особо подчеркивались его выдающиеся заслуги как просветителя. Так, в петербургском журнале «Новь» было четко сказано, что Илья Николаевич наладил народное образование «как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России. О преждевременной смерти его должны горько пожалеть друзья и приверженцы начального образования» [2].

Выражая мнение передовой общественности, председатель училищной комиссии А. И. Алатырцев 24 января 1886 года выступил на заседании симбирской городской думы с заявлением, что «педагогическая деятельность Ильи Николаевича Ульянова известна всей России, а тем более городу Симбирску», а потому долг думы должным образом почтить его память. Дума поручила обсудить этот вопрос управе, а та, после полуторамесячной борьбы мнений, предложила «учредить на средства города в городском училище, которое устроено трудами и заботами покойного для беднейших учеников, принадлежащих к числу обывателей города Симбирска, три стипендии имени Ильи Николаевича Ульянова, для чего из средств города должно быть ассигновано единовременно 400 рублей» [3].

Большинство гласных, ведавших о взглядах губернских да и столичных властей на деятельность И. Н. Ульянова,

---

[1] Новь, 1886, № 8, с. 393.

[2] Симбирские губернские ведомости, 1886, 25 января.

[3] Журнал Симбирской городской думы за 1886 год. Симбирск, 1887, с. 29, 127, 128.

после оживленных споров приняло сторону консервативного головы А. И. Карташева и, ссылаясь на недостаток средств, решило ограничиться «выражением письменно вдове покойного соболезнования...».

Думская дискуссия, не говоря уже о нападках в печати, которым подвергался Илья Николаевич, и решение министра о скором удалении его со службы, конечно, причиняли боль и страдания всей семье Ульяновых. На примере борьбы отца за народную школу Владимир мог особенно отчетливо видеть: царизм — злейший враг просвещения, как силы, ослабляющей господство власть имущих. Примечательно в этом отношении признание важного последствия просветительской деятельности И. Н. Ульянова и его помощников, которое сделал в 1887 году начальник симбирского губернского жандармского управления генерал Брадке в «Политическом обзоре», представленном в Петербург:

«Что касается отношений между классами населения, то в этом случае крестьянское население сознает свое право и независимость более, чем когда-либо, это потому, что многие воспитывались в школах и шли далее, следовательно, развивались умственно, и очень хорошо понимают, что дворянское сословие скорее в их руках, чем они в руках дворян...» [1]

В своих воспоминаниях современники, наряду с общественно-педагогической деятельностью директора народных училищ губернии, восхищались и обаятельной личностью Ильи Николаевича. Характерно высказывание Н. А. Анненкова, близко знавшего И. Н. Ульянова. Разговорившись как-то с приятелем об Илье Николаевиче и его воспитанниках, они вновь поразились тем, «как глубоко, беззаветно всего себя может отдать человек на служение идее; мы и мечтать не могли приблизиться к тому идеалу человека и гражданина, какой воплощал в себе И. Н. Ульянов... И я вполне глубоко сознаю и понимаю,— продолжал Анненков,— благоговение и преклонение перед обаятельной личностью Ильи Николаевича Ульянова. Да, редко дарит и балует нас мачеха-судьба такими выдающимися деятелями...» [2].

Илья Николаевич был человеком исключительной доброты. Недаром сказано, что глаза — это «зеркало души». В любой сельской школе, где появлялся этот небольшого роста, худощавый, лысоватый человек, в вицмундире с металлическими пуговицами, по-юношески подвижный и ве-

[1] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, оп. 84, д. 89, ч. 46, л. 2.
[2] *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 276.

селый, с очень ласковыми карими глазами и картавинкой в выговоре, крестьянские ребята быстро осваивались и решали, что такого инспектора можно не бояться.

Он был любящим отцом и, по выражению К. М. Аммосова, находил в семье «всю свою отраду, и счастье, и утешение». Ничем другим дети не могли его так порадовать, как своими успехами в учении, добрым расположением друг к другу, разумным досугом. И в их памяти он навсегда остался умным, добрым старшим другом, участником их дел и развлечений, нежным и заботливым отцом. Несмотря на свою большую занятость, он все-таки находил время для них. Анна Ильинична, вспоминая путешествия по Волге с отцом, даже много лет спустя изумлялась той заботливости, той тонкой предусмотрительности, которую он проявлял к детям, на какую не всякая мать была бы способна, и подчеркивала, что такие поездки еще теснее сближали их с отцом.

Илье Николаевичу всегда было присуще «отвращение к карьеризму и материальной наживе» — это свидетельство доктора медицины П. Ф. Филатова, учившегося у Ульянова еще в Пензе. Таким же кристально чистым и скромным человеком, вносившим в жизнь окружающих «честный взгляд и высокие нравственные принципы», бессребреником, исполненным высокого гражданского долга, он навсегда остался в глазах своих детей.

Владимир, внешне похожий на отца, перенял у него многие черты характера и привычки. Он тоже вырабатывал силу воли, способность целиком и безраздельно отдаться делу, готовность поделиться своими познаниями с товарищами, умение чередовать умственный труд с физическим, разумно использовать часы досуга, ограничивался самым необходимым минимумом в удовлетворении своих бытовых, материальных потребностей.

Основная цель жизни и деятельности отца — сеять «разумное, доброе, вечное» среди трудового народа — всегда была понятна и близка его родным. Сыновья и дочери еще на школьной скамье сознавали, что он, в отличие от земцев, «увлекающихся порою красивыми идеями и словами», является человеком «труда и идеи, для которого преданность последней неразрывна с беззаветным служением ей» [1]. И никакие невзгоды и лишения, связанные с многотрудным и сложным его делом, не поколебали его оптимизма, веру в народ и скрытые в нем силы. А с каким воодушев-

---

[1] *Алексеев В.* и *Швер А.* Семья Ульяновых в Симбирске. М.—Л., 1925, с. 19.

лением рассказывал он об открытии новой школы, об успехах существующих! «И при этом одна радость, никакого подчеркивания своей роли и значения,— вспоминала Анна Ильинична.— Так просто, как на что-то само собой подразумевающееся, смотрел он на свою работу, настолько чуждо было ему всякое стремление выделить ее».

Дети видели, что отец, несмотря на чин, был демократом, и рано поняли, по словам Анны Ильиничны, что для него «дело — это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле, о новых школах, возникавших по деревням, о борьбе, которой это стоило, и с верхами (власть имущими, помещиками) и с низами (темнотой и предрассудками массы), живо впитывались детьми» [1].

«Вечно занятый, горя на работе на благо своему любимому делу,— отмечала Мария Ильинична,— отец и детям старался привить то сознание долга, которое было так сильно у него, выработать у них характер, волю, трудоспособность, развить

Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду» [2].

Навсегда остались в памяти детей рассказы Ильи Николаевича о нищете, бесправии и темноте крестьянства. Под впечатлением таких бесед, подчеркивала Н. К. Крупская, Володя стал «с детства внимательно вглядываться в жизнь деревни...» [3].

Запомнились и многолетние усилия по подъему образования среди чувашей, мордвы, татар. Это внимательное отношение к угнетаемым царизмом народностям «не могло не повлиять на Ильича», который, говоря словами Надежды Константиновны, «шел по стопам отца».

Илья Николаевич тяжело переживал гонения на тех народных учителей, которые за свою просветительскую деятельность подвергались травле и репрессиям. Анне Ильиничне был памятен случай, как отец после взволнованного рассказа племянницы Марии Александровны об аресте «идеальной учительницы» сидел молчаливый, сосредоточенный, с опущенной головой. И дети чувствовали, что он осуждает репрессивные действия властей, а также

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* В. И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1934, с. 14.

[2] *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 268.

[3] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 28.

«обычные» притеснения учителей сельскими «мироедами», помещиками и духовенством.

По словам Н. К. Крупской, Илья Николаевич у Володи «старался воспитать... сознательное отношение к тому, чему и как учили его в школе», «учил Ильича всматриваться в жизнь...» [1]. К этому можно добавить, что Илья Николаевич и Мария Александровна научили своих детей учиться, что они были руководителями своего «ульяновского университета».

ЧТЕНИЕ — ВОТ ЛУЧШЕЕ УЧЕНИЕ

Университет в доме Ульяновых на Московской улице поистине не имел себе равных. Здесь были все необходимые для гармоничного развития человека кафедры: трудового и физического, эстетического воспитания, естественных и общественных наук, нравственного и гражданского становления и, конечно, литературы и языкознания.

Чтение — вот лучшее учение. Этот пушкинский афоризм благодаря родителям стал правилом в жизни Ульяновых. А читать в доме было что. Анна Ильинична в 1929 году на заседании комиссии по реставрации Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске с полным основанием заметила: «В доме не хватило бы места, если собрать все книги, прочитанные нами». Да, воссоздать полностью этот огромный книжный арсенал уже невозможно.

Прежде всего потому, что из симбирской библиотеки Ульяновых сохранилось лишь несколько реликвий: ведь книги Александра, конфискованные жандармами в марте 1887 года, пропали бесследно; учебники и научно-популярные издания по математике, физике и педагогике, принадлежавшие Илье Николаевичу, семья пожертвовала в 1893 году самарской городской библиотеке; часть литературы «осела» в кокушкинском доме отца Марии Александровны; какие-то книги и журналы были «зачитаны» знакомыми, а с некоторыми пришлось расстаться — с годами они стали ветхими. Абонементы симбирских библиотек, где учитывалась бравшаяся Ульяновыми литература, не сохранились. Давно ушли из жизни

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 31.

знакомые, у которых они доставали понадобившиеся книги.

И все-таки, воспоминания А. И., Д. И., М. И. Ульяновых, Н. К. Крупской и их современников, а также архивные и библиографические разыскания позволяют представить, какой была симбирская библиотека Ульяновых, что и где они еще доставали для чтения, проследить формирование их литературных интересов.

«Отец получал всю новую детскую литературу, которая переживала тогда пору некоторого расцвета, журналы «Детское чтение», «Семья и школа» и др.,— вспоминала Анна Ильинична.— Брали нам также книги в Карамзинской библиотеке, имевшиеся детские и разные школьные хрестоматии. Так, помню сборник Гербеля «Русские поэты», который мы читали и перечитывали, из которого заучивали наизусть отрывки» [1].

Читали и перечитывали... Да, хрестоматия «Русские поэты в биографиях и образцах», составленная известным поэтом и переводчиком Николаем Васильевичем Гербелем, человеком, причастным к революционному обществу «Земля и воля», включала, как обещалось, «все лучшее из числа стихотворных произведений всех более или менее известных русских поэтов — то есть все то, чем справедливо гордится русская литература по части поэзии» [2]. Особую ценность «Хрестоматии» придали биографические очерки о 123 поэтах, написанные самим Гербелем по новейшим прогрессивным печатным источникам и собранным им материалам.

Н. В. Гербель, памятуя о цензуре, не имел возможности со всей полнотой и искренностью рассказывать о декабристах, петрашевцах и поэтах 60-х годов — участниках освободительного движения. И все-таки его «Хрестоматия» относилась к тому легальному источнику, из которого Ульяновы почерпнули немало ценного о борцах за народное счастье. Заметно для читателя было восторженное отношение составителя к высокому нравственному облику авторов, чьи шедевры вошли в сокровищницу русской культуры.

«Рылеев не был первоклассным поэтом,— писал Гербель,— он был только поэтом-гражданином... Единственною мыслью, руководившею его пером, постоянной его идеей — было желание пробудить в сердцах своих сооте-

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 41—42.

[2] Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах. Сост. Н. В. Гербель. Спб. 1873, с. VII (в дальнейшем — Хрестоматия).

чественников чувство любви к родине»[1]. Комментируя «К временщику» — «крайне смелую сатиру Рылеева против всемогущего тогда графа Аракчеева»,— он пояснил читателям, что поэт не пострадал за нее только потому, что Аракчеев «признал за лучшее не узнавать себя в резко начерченном портрете, хотя стих «Селения лишил их прежней прелести» ясно указывал на него»[2].

Повествуя о поэте-симбирянине Андрее Ивановиче Тургеневе, Н. В. Гербель тепло писал о его братьях. Александра Ивановича, человека, близкого к декабристам, он назвал «одним из благороднейших и полезнейших деятелей царствования Александра I», а Николая Ивановича — одного из руководителей Северного общества декабристов — «горячим ратоборцем освобождения крестьян в России...»[3].

Ульяновы, надо полагать, заметили, что о декабрьских событиях 1825 года в «Хрестоматии» говорилось даже в тех случаях, когда, казалось, этого можно было и не делать. Например, Н. В. Гербель передал разговор между Николаем I и А. С. Пушкиным, происшедший после михайловской ссылки «величайшего из русских поэтов». Император обратился к нему с коварным вопросом: «Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял бы ты участие в 14 декабря?» — «Неизбежно, государь! — отвечал прямодушный поэт.— Все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них»[4].

Ульяновы при чтении «Хрестоматии», видимо, обратили внимание и на то, что немало выдающихся деятелей русской культуры, пришедших после декабристов, тоже враждебно относились к самодержавному деспотизму. Александр Иванович Полежаев, чей поэтический талант, особенно за «необыкновенную силу чувств», высоко ценил В. Г. Белинский, был «арестован в июле 1826 года, отвезен в лагерь, расположенный под Москвой, и сдан в солдаты» — за «звонкие стихи», в которых, по словам Гербеля, «задевал многое»[5].

Михаил Юрьевич Лермонтов за знаменитое стихотворение «Смерть поэта», направленное «против высшего общества, державшего сторону противников Пушкина», был сослан на Кавказ, где тоже безвременно погиб[6].

---

[1] Хрестоматия, с. 262.
[2] Там же, с. 193.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 302.
[5] Там же, с. 379.
[6] См. там же, с. 465.

Н. В. Гербель особо выделил в творчестве Николая Платоновича Огарева стихотворение, посвященное декабристу А. И. Одоевскому. В биографии Александра Николаевича Плещеева (стихотворение «По чувствам братья мы с тобой» любили Илья Николаевич и его родные) Гербель упоминает о политическом деле М. В. Буташевича-Петрашевского. За «прикосновенность к нему... Плещеев был приговорен вместе с 23 другими лицами к расстрелянию», но потом помилован и назначен «рядовым в оренбургские линейные батальоны с лишением всех прав состояния».

О борьбе демократов против реакции в 50—60-х годах в «Хрестоматии» ничего не говорится. Даже в очерке о Н. А. Добролюбове Гербель, повинуясь цензурному запрету, не упомянул имени Н. Г. Чернышевского. Покушение Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 года названо только как причина закрытия «Современника». Словом, существенные недомолвки в освещении общественно-политической деятельности русских поэтов имелись во многих биографических очерках Н. В. Гербеля.

Конечно, не по его вине. Читатель был благодарен составителю и за то, что он сумел все-таки рассказать о декабристах, петрашевцах, поэтах-искровцах, Н. А. Некрасове, других борцах против крепостничества и деспотизма, а главное, пробудил интерес к литературе «обличительного направления» [1].

Решающую роль в раннем формировании у детей безупречного литературного вкуса сыграл Илья Николаевич. «Всех русских классиков,— с признательностью вспоминала Анна Ильинична,— мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус. Нам стали казаться неинтересными и пошлыми разные романы, которыми зачитывались наши одноклассники» [2].

Однако у каждого были свои любимые авторы. В детстве у всех — А. С. Пушкин. Позднее, под воздействием писаревских статей, Александр больше читал И. С. Турге-

[1] В 1886 году гербелевскую «Хрестоматию», издания 1880 года, Ольга вместе с похвальным листом получила в награду за успешное окончание второго класса Мариинской гимназии. К отрадным дополнениям нового издания можно отнести увеличение отрывков из произведений И. С. Тургенева, Н. А. Добролюбова, а также появление биографий Н. В. Гоголя, Д. И. Фонвизина и Н. С. Курочкина, избранных их творений.

[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 73.

нева, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Анна стала отдавать предпочтение М. Ю. Лермонтову. С увлечением читал всех отечественных классиков и Владимир. Но с гимназической поры — и на всю жизнь — он больше всего любил пушкинские творения.

Всеобщей любовью в семье пользовалась поэзия Некрасова. В ульяновском Доме-музее В. И. Ленина хранится томик «Стихотворений» Н. А. Некрасова издания 1863 года. На корешке отчетливо видно типографское тиснение инициалов владельца: «И. У.», то есть «Илья Ульянов». О популярности этого томика говорят многочисленные подчеркивания текста простым и синим карандашами, вставки-записи, восстанавливающие изъятые цензурой строчки, а также «точки» и «птички» в оглавлении книги.

Илья Николаевич в 1880 году приобрел четырехтомное издание Н. А. Некрасова. Припоминая много лет спустя, каким успехом пользовалось в семье это собрание сочинений, Анна Ильинична писала: «...мы читали и перечитывали его. Особенно увлекались мы тогда «Дедушкой» и «Русскими женщинами» — вообще интерес к декабристам был большой» [1].

И не только читали и декламировали, но нередко и напевали. Анна Ильинична, рассказывая о ребяческих играх, упоминает как о чем-то обычном, что во время катания с Сашей на качелях во дворе своего дома они распевали «что-нибудь из Некрасова» [2]. По примеру отца, старшей сестры и брата произведениями «талантливого печальника народного горя», как называли Н. А. Некрасова в демократической среде, зачитывался в школьные годы и Владимир, который, по свидетельству Н. К. Крупской, почти наизусть знал Некрасова. Это видно и по многочисленным цитатам из поэзии любимого поэта, встречающимся в произведениях Владимира Ильича.

Одним из любимейших писателей Ульяновых был И. С. Тургенев. «Когда Ильичу было 14—15 лет,— писала Надежда Константиновна,— он много и с увлечением читал Тургенева. Он мне рассказывал, что тогда ему очень нравился рассказ Тургенева «Андрей Колосов», где ставился вопрос об искренности в любви» [3].

Многие годы Илья Николаевич с пристальным внима-

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 70.

[2] Там же, с. 60.

[3] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 32.

нием следил за творчеством Льва Толстого, особенно за его взглядами на народное образование. И это понятно. Ведь, как подчеркивала Надежда Константиновна, «для всякого педагога, каких бы взглядов он ни держался, педагогические статьи Толстого являются неисчерпаемой сокровищницей мыслей и духовного наслаждения» [1].

Из воспоминаний Анны Ильиничны видно, что отец заинтересовался произведениями великого писателя сразу же по выходе их в свет. Так, он вечерами читал вслух в кружке нижегородских педагогов и членов их семей «печатавшуюся тогда частями «Войну и мир» Толстого» [2]. Из сохранившегося в жандармских фондах письма Л. И. Веретенниковой — племянницы М. А. Ульяновой,— посланного подруге в июле 1868 года из Кокушкина, видно, что и здесь, на отдыхе, Илья Николаевич читал жене и ее родственникам только что вышедшие журналы с продолжением «Войны и мира».

Очень рано — уже с 12—13 лет — Илья Николаевич приобщал к чтению Толстого и своих детей. Именно в этом возрасте Анна и Александр прочли «Войну и мир». Роман настолько захватил их, что страстные споры о его героях, начавшиеся летом 1878 года в Кокушкине, продолжались в отчем доме на Московской в Симбирске. Александр, обычно скромный и застенчивый, твердо стоял на стороне протестанта Долохова, выделявшегося, по его мнению, силой и смелостью характера. «Я находилась тогда под обаянием Андрея Болконского,— вспоминала Анна Ильинична,— кузина (Мария Веретенникова.— *Ж. Т.*) выделяла Пьера, его доброту, его отношение к людям. Брат относился к обоим этим типам пренебрежительно» [3].

Вячеслав Персиянинов, сын врача — члена Буинского уездного училищного совета, вспоминая зиму 1883/84 года, когда на правах пансионера он жил в одной комнате с Владимиром, писал: «Все почти вечера мы с ним проводили за чтением книг, больше беллетристики; читали и «Анну Каренину» и другие произведения Л. Н. Толстого. Илья Николаевич, заходя к нам и часто заставая нас за чтением Толстого, беседовал с Володей и со мной о прочитанных книгах» [4]. В числе «других», надо полагать, была и «Война и мир» — ведь в таком же возрасте романом-эпопеей увлекались Анна и Александр.

---

[1] *Крупская Н. К.* Педагогич. соч. В 6-ти т. М., 1978, т. 1, с. 88.
[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 45.
[3] Там же, с. 69.
[4] *Корнейчик Т. Д.* Книга в семье Ульяновых. М., 1958, с. 13.

Александр, выполняя поручение отца, в конце 1885 — начале 1886 года, подписался на полное собрание сочинений Л. Толстого. Какие тома были присланы в Симбирск? Скорее всего Ульяновы выбрали пятое издание, печатавшееся в московских типографиях Волчанинова и Мамонтова. Отметим, что Владимир Ильич в знаменитой статье «Л. Н. Толстой и его эпоха» цитировал «Рабство нашего времени», «О смысле жизни», «Анну Каренину», «Крейцерову сонату» и «Люцерн» именно по пятому изданию собрания сочинений Л. Толстого 1886 года издания [1].

Илья Николаевич, со студенческой скамьи увлекавшийся демократической поэзией и публицистикой, пробудил интерес к ним и у своих детей. «Книги Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Некрасова, произведения поэтов «Искры» — та литература, те стихи, которые с детства слышал Ильич от отца, от старшей сестры и старшего брата... Эта литература имела громадное влияние на Ленина с очень ранних лет» [2],— писала Н. К. Крупская.

Как видно из «Счета» известного петербургского книгопродавца И. И. Глазунова, поступившего в Симбирск 12 августа 1881 года, Илья Николаевич наряду с «Органической химией» Алексеева оплатил и полученные по почте «Сочинения Писарева, т. 6, 1 экз., ц. 1 р.». Так, благодаря этому архивному документу, выяснилось, что Ульяновы имели в своей домашней библиотеке собрание сочинений выдающегося критика-демократа издания 1872 года. Но это издание, осуществленное, как и первое (1866—1869), все тем же неутомимым пропагандистом прогрессивной литературы Ф. Ф. Павленковым, из-за вмешательства цензуры было беднее прежнего. В нем, в частности, не стало таких важных статей, как «Генрих Гейне» и «Мыслящий пролетариат» (о романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского). И Владимиру, по примеру брата и сестры, пришлось доставать нужные писаревские томики у «знакомого врача» — И. С. Покровского.

Ульяновы имели в своей библиотеке полные собрания сочинений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, а также томики М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. В. Кольцова, И. А. Крылова, И. И. Дмитриева, Н. М. Языкова, А. С. Грибоедова, то есть почти всех виднейших авторов, чье творчество изучалось в мужской и женской гимназиях.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 100—103.

[2] *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1960, с. 83.

Кроме этих, официально «дозволенных», писателей были и собрания сочинений Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского и наиболее популярные произведения Г. И. Успенского, Н. В. Шелгунова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, Д. Д. Минаева, Т. Г. Шевченко, А. Н. Плещеева, С. Я. Надсона, Д. В. Григоровича, Н. Г. Помяловского, И. В. Омулевского, В. М. Гаршина, Ф. М. Решетникова, Н. Н. Златовратского, А. П. Чехова, В. Г. Короленко.

Г. Гейне, И. Гёте, В. Гюго, В. Шекспир, Ч. Диккенс, Э. Золя, Г. Мопассан, А. Доде, Ж. Верн и другие крупнейшие зарубежные писатели имелись как на русском, так и на языках подлинников.

Понадобившиеся книги и журналы Ульяновы регулярно брали из Карамзинской общественной библиотеки, где они имели абонементы. Шли туда, заранее зная, что именно можно взять, так как руководствовались «Систематическим каталогом книг, находящихся в Симбирской Карамзинской библиотеке». Точно известно, например, что И. Н. Ульянов в 1885 году приобрел только что вышедшее новое издание «Каталога», и для Владимира эта покупка стала важным пособием в организации своего внеучебного чтения.

Несмотря на «чистку», производившуюся в Карамзинской библиотеке согласно правительственному циркуляру в 1884—1885 годах, в ней все-таки остались «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского, «Основания политической экономии» Д. С. Милля, «История цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, двухтомник сочинений Ф. Лассаля и некоторая другая социально-экономическая литература, которая представляла интерес для юноши, давно и глубоко интересующегося общественными вопросами.

Пользовался Владимир и книгами своего гимназического товарища Аполлона Коринфского — внука знаменитого академика архитектуры М. П. Коринфского. Юноша рано остался сиротой и жил во флигеле отчего дома поэта Н. М. Языкова, невдалеке от классической гимназии. Библиотека Аполлона занимала целую комнату и была составлена им самим. «Когда к Коринфскому заходил Ульянов,— вспоминал Д. М. Андреев [1],— его нельзя было ото-

[1] Учившийся в гимназии племянник знаменитого актера В. Н. Андреева-Бурлака.

рвать от шкафов с книгами. Он взбирался на высокую табуретку, перелистывал книги и так зачитывался, что забывал все на свете».

Библиотека Коринфского, с 1886 года всецело занявшегося литературной работой, была весьма обширной. Здесь наряду с классиками русской и мировой литературы имелись лучшие журналы России 60—80-х годов, произведения В. Г. Белинского, Т. Г. Шевченко, Н. А. Добролюбова, Д. Д. Минаева, Н. Е. Каронина-Петропавловского, Н. Н. Златовратского, Ф. М. Решетникова, И. В. Омулевского, Г. А. Мачтета и даже подпольные издания П. А. Кропоткина, С. М. Степняка-Кравчинского.

Впечатления о прочитанном в годы юности прочно держались в памяти Владимира. Это не раз поражало много лет спустя Н. К. Крупскую. Она же дала развернутую оценку значению чтения той поры. Сильной стороной русских художественных классиков, по ее мнению, была критика действительности, яркий показ людей и жизни, а слабой — пессимизм, свойственный им как представителям умирающего класса. «Но от их пессимизма,— продолжала Надежда Константиновна,— Ленина рано предохранили критики-публицисты, разбиравшие наших беллетристов и приоткрывавшие завесу — поскольку это позволяли цензурные условия — над тем, куда пойдет общественное развитие. Герцен, Белинский, Добролюбов и особенно Чернышевский давали необходимую зарядку, давали определенное направление мысли, давали руководство к действию, хотя в самых общих чертах, полунамеками, толкали на искание путей и сил, могущих изменить действительность» [1].

Для Ульяновых литература была не только важнейшим орудием образования и познания окружающей действительности, а и источником эстетического наслаждения, радости от соприкосновения с творениями мастеров слова. Илья Николаевич — физик и математик по специальности — был в то же время настоящим лириком; благодаря его личному примеру и высокой культуре чтения, такому же благотворному влиянию Марии Александровны гармонично развитыми и высоко нравственными гражданами своей Отчизны стали еще в Симбирске Александр и Анна, Владимир и Ольга.

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

---

[1] *Крупская Н. К.* Педагогич. соч. М., 1959, т. 3, с. 547.

Эта страстная некрасовская заповедь, вобравшая чаяния всех лучших людей передовой России, в доме Ульяновых стала мерилом всех поступков и помыслов о будущем.

ВЛАДИМИР СТАНОВИТСЯ АТЕИСТОМ

Сам факт издания нелегального рукописного журнала — уже немаловажное в жизни учащейся молодежи Симбирска. Принимал ли в нем участие Владимир Ульянов? Современники в своих воспоминаниях не дают прямого ответа на этот вопрос.

Аполлон Коринфский, который в 1885—1886 годах был, как говорится, в гуще всех начинаний гимназистов, писал потом следующее: «Помнится, года полтора-два выходили в нашем классе (по два в месяц) толстые тетради с карикатурами: «Плоды досуга», «Колос», «Неопытное перо» и какие-то еще другие. Ульянов всякий раз просматривал с интересом все эти «журналы», переписывал кое-какие стишки из них (однажды обнаружил и разоблачил даже плагиатора, приславшего в «Колос» и помещенное там известное минаевское стихотворение о Диогене, до сих пор днем с фонарем ищущем в людском многолюдье хоть одного настоящего человека и не находящем такового), читал, интересовался, но сам не принимал ни в одном из этих «изданий» участия, как сотрудник. Помнится, в одном из этих «журналов» появлялись со своими произведениями даже семинаристы из вольномыслящих» [1].

Один из таких «вольномыслящих», И. К. Недешев, учившийся тогда в Симбирской духовной семинарии, в своих воспоминаниях приводит пример полемики между рукописными журналами классической гимназии и семинарии. Когда он, Недешев, поместил в своем журнале статью о русском крестьянстве, выдержанную в духе Н. Н. Златовратского, то гимназический орган отхлестал ее и посоветовал автору-семинаристу изучать процесс «раскрестьянивания» по очеркам Глеба Успенского. Недешев полагал, что «гимназический журнал имел социал-демократический уклон» [2].

Подтверждал факт выпуска рукописного журнала гимназистами и Д. М. Андреев. Он даже припомнил, что в од-

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 66, оп. 1, д. 710, л. 49.
[2] *Иванский А.* Молодой Ленин, с. 206.

ном из номеров имелась карикатура на того самого учителя-француза А. И. Пора, над которым часто подтрунивал Владимир. «Закрывшись веером, в ужасе бежит он к толстой жене, спасаясь от Ульянова» [1].

Из этих высказываний следует, что Владимир читал с интересом все журналы, выпускавшиеся его сверстниками, но сам якобы не был автором-сотрудником. Думается, что это не совсем так. Возможно, мемуаристы спустя 40 с лишним лет после описываемых событий просто не могли твердо удостоверить факт его сотрудничества в каком-нибудь из журналов и предпочли, как это сделал Коринфский, отметить лишь интерес Ульянова к нелегальному творчеству товарищей. Но нельзя не учитывать и другого: мемуаристы вообще не назвали ни одного конкретного материала, который принадлежал бы перу какого-то определенного лица. И это понятно. Ведь журналы-то были нелегальными, и их авторы выступали только под псевдонимами.

Небезынтересно сопоставить некоторые факты, события, штрихи, сопутствовавшие выпуску журнала.

Илья Николаевич многие годы выписывал домой журнал «Семья и школа». Кто-кто, а он, как директор народных училищ губернии, раньше других знал, что этот популярный журнал в эпоху реакции попал в списки исключенных из обращения. Об этом наверняка были осведомлены и его старшие дети. Но откуда мог проведать о служебной конфиденциальной переписке в отношении этого «революционного» журнала юноша — автор «Литературных заметок» в «Дневнике гимназиста»?

По свидетельству Анны Ильиничны, из столичных Ульяновы выписывали только «Русские ведомости» — одну из самых прогрессивных газет в стране. Тот же неизвестный автор «Литературных заметок» советует читать товарищам лишь одну газету — «Русские ведомости».

Александр Ильич, учившийся в 1883—1884 годах на одном отделении физико-математического факультета с Михаилом Чернышевским — сыном великого революционера,— знал, что тот ездил на свидание со своим отцом в Астрахань, что Н. Г. Чернышевский печатает в «Русских ведомостях» свои произведения под псевдонимом. Но откуда проведал об этом симбирский гимназист?

Словом, многое говорит за то, что Владимир Ульянов если не прямо, то косвенно мог участвовать в выпуске «Дневника гимназиста».

[1] *Иванский А.* Молодой Ленин, с. 215.

То обстоятельство, что А. Коринфский, Б. Бонч-Осмоловский и другие возможные члены редакции учились на класс ниже, чем Владимир Ульянов, не должно смущать. Ведь около 20 шестиклассников 1885/86 учебного года ранее были соучениками семиклассника Владимира Ульянова, и он для них по-прежнему оставался не только товарищем, но и признанным лидером, помощью которого в учебе они пользовались не один год.

Первые проявления неприязни к некоторым преподавателям гимназии и критического отношения к установленным в ней порядкам наблюдаются у Владимира уже в тринадцатилетнем возрасте, когда он учился в четвертом классе. Начались они со столкновений, чисто мальчишеского характера, с новым преподавателем французского языка А. И. Пором. Этот ограниченный человек, фат и пролаза, втершийся в гимназию и привилегированное общество благодаря женитьбе на дочери симбирского помещика, постоянно крутился около Ф. М. Керенского, и многие преподаватели относились к нему пренебрежительно.

Стал он мишенью и для острот Владимира, метко подмечавшего, по словам Анны Ильиничны, смешные стороны в людях[1]. Пор же в свою очередь мстил, как мог. В третьей четверти четвертого класса он выставил первому ученику четверку «за внимание» на уроках. В следующем, 1883/84 учебном году Пор опять ставит лишь четыре, несмотря на успеваемость, прилежание и переводной экзамен, оцененные высшими баллами. Внушения Ильи Николаевича сыну не преминули сказаться, и в старших классах Владимир, сдержав данное отцу слово, имел по французскому языку только отличные отметки.

Анна Ильинична не называет фамилий других преподавателей, над которыми Владимир тоже «подсмеивался», но, видимо, в числе их был и отставной офицер, который вел занятия по «гимнастике». Собственно говоря, гимнастикой их можно было назвать с большой натяжкой. Из-за отсутствия специального помещения и спортивных снарядов они сводились к отработке приемов по строевой подготовке, однообразным «приседаниям» и «размахиванию руками». Все это происходило во время большой перемены в тесном и душном коридоре. Если учесть, что руководитель этих занятий не имел специального образования, то нетрудно представить, что поводов для недовольства подростков, всегда склонных к состязаниям по бегу,

[1] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 22.

к подвижным и силовым играм, было более чем достаточно. Как бы то ни было, а в весенний солнечный день 22 апреля 1884 года 28 пятиклассников, в их числе и Владимир Ульянов, ушли с урока гимнастики, за что были оставлены на один час после занятий.

20 февраля следующего, 1885 года Владимир вместе с Дмитрием Жильцовым, соучеником по шестому классу, подвергся такому же наказанию за «неисполнение обязанностей дежурного». В чем именно заключалась их провинность, история, как говорится, умалчивает: в «Книге учета учеников, оставленных после 5-го урока» подробностей не записано. Кроме этих случаев, фамилия Владимира Ульянова больше не встречается в документах учета провинившихся.

Но уже в шестом классе — не без влияния старшего брата и чтения Д. И. Писарева, И. С. Тургенева и других писателей-демократов — у Владимира складывается сознательное критическое отношение к гимназическим устоям. Именно тогда прошло былое увлечение латынью, и этот мертвый язык он изучает уже только в пределах обязательной программы. «Мешать стало другим занятиям, бросил» [1] — так пояснит он впоследствии Надежде Константиновне.

В конце того же 1885 года произошло самое важное в перестройке мировоззрения юноши — Владимир становится атеистом. Произошло это под благотворным влиянием чтения революционно-демократической литературы по примеру старшего брата, вопреки многолетним стараниям руководства гимназии и духовенства по укреплению веры у своих воспитанников. Он понял, что религия — это ложное представление о мире, сознательный или бессознательный обман, с которым нельзя мириться. Как-то дома в разговоре со знакомым учителем Илья Николаевич сетовал, что дети стали плохо посещать церковь, а гость с улыбкой посоветовал: «Сечь, сечь надо». Услышав это, возмущенный Владимир, по словам Н. К. Крупской, «решил порвать с религией, порвать окончательно; выбежав во двор, он сорвал с шеи крест, который носил еще, и бросил его на землю» [2]. Так был «сброшен авторитет» самого бога... День окончательного разрыва с религией запомнился Владимиру Ильичу на всю жизнь. В 1922 году, отвечая на вопрос анкеты для всероссийской переписи членов

[1] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 33.

[2] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 34.

РКП(б), с какого возраста неверующий, он написал: «с 16 лет»[1].

Освобождение от религиозных пут позволило Владимиру Ульянову по-иному оценить неумеренные поборы с крестьян, пьянство, гонения на народных учителей и другие неблаговидные поступки и проделки симбирского духовенства, а также культивируемые им крестные ходы, молебны, богослужения и другие обряды. Теперь отчетливее были видны никчемность занятий по «закону божьему» в низшей, средней и высшей школе. Очевиднее стала тесная связь церковников с господствующими классами и нелепость побасенки о том, что самодержец российский — «помазанник божий».

Именно эта очень важная пора в жизни Владимира совпала с кончиной Ильи Николаевича. Анна Ильинична, находившаяся в Симбирске по случаю рождественских каникул, задержалась дома в связи с обрушившимся горем на целых два месяца. Когда она немного оправилась от потрясения и смогла говорить о неотложных житейских делах, то обычно обсуждала их с Владимиром — теперь уже старшим мужчиной в семье, опорой матери,— ведь Александр учился в Петербурге. Прогуливаясь с Владимиром в саду, где без помех можно было отвести душу в сокровенных разговорах, она убедилась, насколько повзрослел средний брат. Припоминая это много лет спустя, она писала:

«Зимой этого года (1885/86.— *Ж. Т.*), когда я много гуляла и говорила с Володей, *он был настроен очень оппозиционно* к гимназическому начальству, к гимназической учебе, к религии также, был не прочь зло подтрунить над учителями (кое в каких подобных шутках и я принимала участие), одним словом, был, так сказать, в периоде сбрасывания авторитетов, в периоде первого отрицательного, что ли, формирования личности»[2].

«Сбрасывание авторитетов» происходило по разным случаям и в различных формах. Взять хотя бы латинский язык. Весной 1886 года по нему предстоял экзамен на Бестужевских курсах Анне. Владимир, отбросив устоявшиеся в гимназии заскорузлые каноны зазубривания грамматических правил и бесчисленных исключений из них, как настоящий лингвист, прежде всего постарался заинтересовать старшую сестру особенностями и красота-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 509.

[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 126 (подчеркнуто мной.— *Ж. Т.*).

ми языка на примере цицероновского трактата «О старости». А наиболее сложные грамматические формы доходчиво объяснял ей с помощью изречений и стихотворений, изобретенных для более легкого запоминания.

Занятия шли с такой живостью и интересом, в отличие от гимназических уроков, что, по признанию Анны Ильиничны, младший брат «вовлек скоро» ее в «противную латынь». Она все-таки высказывала сомнение в том, «чтобы можно было пройти в такой короткий срок восьмилетний курс гимназии, но Володя успокаивал... говоря: «Ведь это в гимназиях, с бестолково поставленным преподаванием там, тратится на этот курс латыни 8 лет,— взрослый, сознательный человек вполне может пройти этот 8-летний курс в два года», и в доказательство указывал мне, что пройдет его в два года с Охотниковым (учителем математики чувашской школы И. Я. Яковлева.— *Ж. Т.*), и действительно прошел, несмотря на более чем посредственные способности последнего к изучению языков» [1].

В это время Владимир подвергает ревизии и изучение логики в гимназии. Неудовлетворенность учебником «Элементарная логика» Г. Струве, сплошь напичканным постулатами вроде: «Бог всемогущ и справедлив — истина неизменная, вечная», была естественной для юноши, тяготевшего не к формальной, а к диалектической логике и недавно порвавшего с религией. Неудивительно, что на одном из уроков Владимир вяло отвечал по заданному материалу и, по словам соученика М. Ф. Кузнецова, даже критиковал этот учебник, одобренный министерством народного просвещения и святейшим синодом для всех гимназий и духовных семинарий России. Ф. М. Керенский не терпел никаких изменений формулировок и официальной терминологии, не говоря уже о какой-то самостоятельности суждений ученика. Не простил он и своему первому ученику: против фамилии Ульянова в третьей четверти седьмого класса появилась первая четверка по логике.

Директор полагал, что тем самым не позволяет ни у Владимира Ульянова, ни у кого-либо из его соучеников появления оппозиционного отношения к изучаемому в гимназии и к установленному в ней порядку. И в отчетах попечителю Казанского учебного округа за 1884—1885 годы, явно приукрашивая положение дел, он клятвенно заверял, что во вверенной ему гимназии с успехом приви-

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 20.

вается учащимся любовь к Отечеству, которая-де заключается в «восприятии умом и сердцем великих заслуг виновников (царей.— *Ж. Т.*) его могущества и славы» и в «живой вере в промысел Божий, охранявший Россию от врагов внешних и внутренних в самые тяжелые годины». Конкретизируя суть проводившегося в гимназии патриотического воспитания, Ф. Керенский писал: «Словом и примером наставники и воспитатели стараются развить в воспитанниках благородные стремления, в силу коих в их будущей деятельности выразились бы — беззаветная любовь к Государю и Отечеству, почтение к начальствующим и старшим, трудолюбие, правдивость, вежливость, скромность, благопристойность, добрые отношения к товарищам, уважение к чужой собственности и другие похвальные качества...» [1]

Как в повседневной жизни начальство гимназии развивало одно из «похвальных качеств» — религиозность, видно опять-таки из отчета директора за 1885 год: «Каждый учебный день ученики начинают общей молитвой, по окончании которой прочитываются отцом законоучителем или мною несколько стихов из св. евангелия; в праздничные или воскресные дни присутствуют при богослужении в гимназической церкви... Классные наставники следили за посещением учениками богослужения, проверяя по окончании каждой службы, все ли ученики были в церкви» [2].

Как и во времена директорства Вишневского, каждый случай уклонения от выполнения религиозных обрядов сурово карался. Так, соученик Владимира Ульянова по пятому и шестому классам Александр Старков за «манкирование богослужения в праздничные и воскресные дни» получил отметку «4» по поведению и был вынужден перевестись в Пензенскую гимназию [3]. Сын известного революционера четвероклассник Сергей Бутурлин в 1886 году отсидел в гимназическом карцере «за пребывание в ретираде вместо церкви во время богослужения».

И все-таки юноши умудрялись уклоняться от некоторых служб. Сын врача, хорошо знакомого Ульяновым, А. В. Кармазинский писал в своих воспоминаниях об одном случае: «Владимир Ильич предложил нам не ходить к причастию, заявив, что нас не уличат в безбожном поступке, так как на исповеди мы все записаны, и это будет

---

[1] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 501, л. 34.
[2] Там же, л. 26—27.
[3] Его брат В. В. Старков станет соратником В. И. Ленина по Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

гарантией нашего выполнения ритуала. Так мы поступили и не пошли в церковь».

Под руководством Ф. М. Керенского осуществлялся бдительный надзор за учащимися во внеучебное время. Классные наставники, инспектор и сам он систематически и всегда внезапно навещали иногородних гимназистов, расспрашивали об образе жизни воспитанников и проверяли имевшуюся у них литературу. С осени 1884 года, в соответствии с циркуляром министра народного просвещения, классным наставникам было предписано усилить наблюдение, для чего теперь требовалось еженедельно посещать квартиры всех своих подопечных, «не исключая и тех, которые живут у родителей».

При Керенском прилагались все меры, чтобы, по словам будущего крупного ученого С. А. Бутурлина, «разъединить, распылить ученическую массу. Нас преследовали,— вспоминал он,— даже тогда, когда мы по два, по три человека ходили друг к другу готовить уроки». В гимназических правилах особо выделялось требование, чтобы по окончании занятий ученики шли «каждый в свою сторону не гурьбой и не группами» [1].

Большинство педагогов, дорожа службой как единственным источником существования и в надежде на чины, звания, ордена и денежные награды, как правило, добросовестно выполняли министерские указания и требования директора гимназии. И весь строй ее, и почти каждый урок были направлены не столько на развитие детей, сколько на подавление их личности. «Оригинальность мальчика,— вспоминал один из выпускников,— считалась чем-то предосудительным, сильная любознательность — неуважением к старшему. Учителя, сами люди бесправные, были орудием проведения в школе принципа, что высшая добродетель — послушание» [2].

В. П. Филатов, знаменитый советский окулист, характеризуя своего классного наставника П. В. Федоровского (обучавшего древним языкам и Владимира Ульянова), подчеркивал, что над гимназистами тяготела десница этого преподавателя «не столько вследствие его придирчивости, сколько вследствие качества самой должности. Это вроде должности фининспектора... Классный наставник почти всегда фининспектор над душами и телами учеников, психинспектор. Ничего особенного Федоровский мне

---

[1] Красная газета (Ленинград), 1928, 22 апреля.
[2] Симбирские губернские ведомости, 1905, 21 декабря.

не сделал, но удивительно, что я нередко видел его во сне даже в возрасте 50—60 лет».

В шестом классе более ста уроков уходило на «Одиссею», а в седьмом — столько же на «Илиаду». Каждое из этих великих гомеровских творений проходилось три раза: сперва учитель излагал содержание, затем вместе с учениками анализировал важнейшие сравнения, а потом опять с начала читалась с дословным переводом вся поэма. Дома гимназисты делали письменные переводы, заучивали наизусть отрывки, писали сочинения, например «Собака, по Гомеру». Ради чего нужна была эта изнурительная работа? Ведь с героическим эпосом можно было познакомиться по превосходным переводам Н. И. Гнедича («Илиады») и В. А. Жуковского («Одиссеи»), сделанным еще в 1839 и 1841 годах. И редкий гимназист не знал, что классицизм так усиленно внедряется правительством для того, чтобы отвлечь молодое поколение от «материализма, нигилизма и самого пагубного самомнения», то есть от критического анализа существующего в России строя.

В жертву древности были принесены и другие предметы. Все уроки истории первого полугодия пятого класса, например, были заняты изучением Древней Греции и Рима. Наряду с этим во всех классах — статьи римских и греческих авторов для переводов при изучении немецкого и французского языков. Даже по русской словесности Владимиру Ульянову и его товарищам приходилось выполнять сочинения на темы из истории Древнего Рима.

Процветала зубрежка. Один из педагогов писал в связи с этим: «Зазубриваются грамматические правила и готовые примеры к ним, зазубриваются многочисленные грамматические исключения, зазубривается вся географическая и историческая номенклатура так же, как и бесконечная номенклатура разрядов и классов по естественной истории, зазубриваются тексты из катехизиса, и еще многое другое, и работает у учеников, главным образом, одна лишь память — часто до одурения».

Верноподданные историки и те выступали против того, что учащихся заставляют заучивать свыше тысячи дат по истории, в том числе такие «гадательные цифры, как год выхода евреев из Египта (еще и с вариантами) или годы построения иерусалимского храма и сражения русских с половцами у реки Сальницы. «Много времени уходило у гимназистов на тренировку в черчении по памяти карт Греции, Италии и России», «с обозначением морей, границ, главных хребтов, рек и главных озер».

Немало делалось в гимназиях для фальсификации закономерностей развития природы и общества. На уроках логики, не говоря уже о «законе божьем», доказывались такие «высшие истины», как «бытие божие» и «бессмертие души». Историк обосновывал преимущество монархического правления по сравнению с республиканским строем. Объективная неизбежность классовой борьбы отрицалась, а выступления народных масс изображались обычно как разгул взбунтовавшейся черни. А при освещении, скажем, истории Древнего Рима говорилось, что патриции и плебеи в многолетней борьбе друг с другом все-таки обнаруживали «умеренность и самообладание, а при столкновении с внешними врагами — мужество и самоотвержение».

Одно из самых больших зол и бедствий, которые были характерны для классической гимназии,— это полный разрыв ее курса с практикой жизни. Химия, астрономия, ботаника, зоология, анатомия и труд не значились отдельными предметами. События отечественной и мировой истории рассматривались только до начала 60-х годов XIX века, а изучение русской словесности заканчивалось произведениями Гоголя. Творчество Толстого, Тургенева, Некрасова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Успенского не изучалось. Ничего не говорилось на уроках о пьесах Островского, которые, кстати, с успехом шли в симбирском театре. Замалчивалась поэзия земляка — сатирика Д. Д. Минаева. Не нашлось в программе места и знаменитым гончаровским романам «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв», так тесно связанным с родным для писателя симбирским краем. А о Белинском, Писареве, Добролюбове и Чернышевском вообще не могло быть и речи.

При изучении же «дозволенных» писателей старательно обходились свободолюбивые и антикрепостнические мотивы в их творчестве, их общественная значимость для современности. Ф. М. Керенский, как директор и преподаватель словесности, неоднократно подчеркивал в официальных донесениях, что «при изучении образцовых произведений (то есть предусмотренных программой.— *Ж. Т.*) так называемой критической оценки... совсем не допускалось» [1]. В переводе с канцелярского языка это означало, что гимназист не имел права при устных ответах или в письменных сочинениях давать оценку тем или иным идеям и персонажам, отличную от официальных канонов.

[1] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 501, л. 2.

Словом, у воспитанников Симбирской классической гимназии были все основания относиться к ней очень оппозиционно. И Аполлон Коринфский не погрешил против истины, когда написал такие уничижительные строки:

В угрюмом застенке «классической школы»
Я помню вас всех, как сейчас,
Бездушных, как все вы — наук протоколы
Насильно внедрявшие в нас...

. . . .

От ваших уроков, от вашей системы
Тупели и гасли умы...
О, как глубоко ненавидели все мы,
О, как презирали вас мы...

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Анна Ильинична уехала в Петербург в начале марта, а уже в мае вместе с Александром Ильичем она рассчитывала вернуться на каникулы в Симбирск. Весна 1886 года была трудной для Ульяновых. Они тяжело переживали потерю Ильи Николаевича. Марию Александровну и старших детей тревожило и резко ухудшившееся материальное положение всей семьи. Еще 14 января мать обратилась к учебному начальству с просьбой исходатайствовать ей и детям пенсию за «свыше 30-летнюю службу покойного мужа».

...Проходили томительные недели ожидания, а из Казани — никаких известий о ходе дела. 17 апреля она пишет попечителю учебного округа, что «осталась без всяких средств с четверыми малолетними детьми, воспитывающимися в гимназиях, и с двоими взрослыми, но обучающимися в высших учебных заведениях», и просит хотя бы об единовременном пособии. Криком души было письмо Марии Александровны к попечителю округа от 24 апреля с просьбой о денежной помощи: «Пенсия, к которой я с детьми моими представлена за службу покойного мужа моего, получится, вероятно, не скоро, а между тем нужно жить, уплачивать деньги, занятые на погребение мужа, воспитывать детей, содержать в Петербурге дочь на педагогических курсах и старшего сына...» Но пройдет еще один, уже пятый месяц ожидания, когда станет известно, что решение о назначении пенсии министерством наконец-то принято. В это время, в конце мая, семья радостно встретила приехавших из Петербурга Анну и Александра.

Старший брат для Владимира с ранних лет являлся высшим авторитетом, предметом горячей любви и подражания. Александр в свою очередь деликатно, главным образом личным примером, помогал Владимиру вырабатывать привычку к сознательному овладению гимназическим курсом, а затем — и к целенаправленному самообразованию. Характеризуя эту «тесную близость» братьев, Анна Ильинична подчеркивала, что в последние гимназические годы Александра Владимир и занимался в его комнате рядом с ним, «за одной лампой». Тесное общение продолжилось летом 1886 года, когда Мария Александровна вынуждена была сдать внаймы половину дома: она перебралась наверх, в детскую, а сыновей поместила в свою комнатку на первом этаже.

За год, что они не виделись, многое изменилось, и братьям было о чем побеседовать по душам. Александр перешел уже на четвертый, последний курс, имел прочную репутацию отличного студента, которого Д. И. Менделеев, М. А. Бутлеров и другие ученые с мировым именем намеревались оставить после выпуска в университете для подготовки к профессорскому званию. Впечатляющей аттестацией стала победа на научном конкурсе студентов-естественников по зоологии, за которую он получил вторую в своей жизни золотую медаль. Этим летом он привез ее, и родные с восхищением разглядывали памятную награду. На лицевой стороне гравер изобразил крылатого Гения (считавшегося у древних римлян добрым духом, формирующим характер человека и сопутствующим ему всю жизнь), облокотившегося левой рукой на пьедестал — нижнюю часть колонны. В правой простертой руке он держит два лавровых венка; у ног Гения атрибуты науки: глобус, свиток, книги и зрительная труба. На оборотной стороне медали — в сплошном, перевязанном внизу лентой лавровом венке надпись: «Преуспевшему». Эта художественная символика медали имела чуть ли не прямой смысл: Александр успевал следить за новинками литературы, готовить материал для магистерской диссертации, руководить симбирским землячеством, заниматься репетиторством, чтобы меньше обременять семейный бюджет.

Нравственная чистота и честность, скромность и смелость, доброта и готовность прийти на помощь каждому, кто в ней нуждается, изумительное трудолюбие и целеустремленность в научной работе и самообразовании, презрение к карьеризму и ненависть к любым проявлениям деспотизма — все это так естественно и прекрасно

сочеталось у Александра, что, несмотря на молодость — 20 лет,— товарищи уважительно величали его «Ильичем» и отзывались как о «человеке ума и воли». Не чаяли в нем, как говорится, души и все родные. Восторгаясь высоким моральным обликом брата, Анна Ильинична писала: «Какой огромный запас чуткой любви был в его душе ко всем своим и как даже в те короткие минуты, которые он бывал с нами, все мы чувствовали на себе золотые крохи его привязанности, обаятельность общения с его сильной и в то же время такой нежной натурой!» [1]

Резко возросло чувство ответственности за осиротевшую семью — Александр становился главной ее надеждой и опорой. У него и матери появилось намерение жить одной семьей в Петербурге. В течение мая 1886 года объявление о продаже их дома с садом четырежды публиковалось в «Симбирских губернских ведомостях». Подходящего покупателя сразу не нашлось. А позже Мария Александровна, видимо учитывая дороговизну жилья и питания в столице, решила все же остаться в Симбирске до окончания Владимиром и Ольгой гимназического курса.

В создавшейся обстановке на предстоящий год, пока Александр и Анна не окончат учение в Петербурге, ближайший помощник матери во всех домашних делах — шестнадцатилетний Владимир, теперь уже ученик восьмого, последнего класса гимназии.

Александр, наверное, еще в Петербурге узнал от старшей сестры, что Владимир, как и он сам, порвал с религией и, настроенный «очень оппозиционно к гимназическому начальству и гимназической учебе», был вообще, как говорится, «в периоде сбрасывания авторитетов». Теперь, дома, он стал очевидцем того, насколько резки суждения Владимира, когда затрагивались злободневные вопросы окружающей действительности.

Сам же Александр, по словам Анны Ильиничны, этим летом шел «гигантскими шагами вперед, много работал», уйдя «главным образом в общественные науки...» [2]. Да, на этот раз он привез из Петербурга книги не столько по зоологии и химии, сколько «по истории, истории политической экономии и социализма на русском, немецком и английском языках». Именно теперь, в процессе изучения общественных и экономических наук, у него укрепилось понимание ненормальности существующего строя и, как он заявит несколько месяцев спустя, «смутные мечтания о свободе,

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 78.
[2] Там же, с. 120.

равенстве и братстве» сменились пониманием неизбежности социалистического переустройства общества. Но вместе с тем Александр был глубоко убежден и в том, что «единственный правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом» [1].

Это — в теории. А на практике, когда в стране свирепствовала реакция, Александр на каждом шагу видел, что «невозможна не только социалистическая пропаганда, но даже общекультурная; даже научная разработка вопросов в высшей степени затруднительна» [2].

Как при таких условиях поступить интеллигентному человеку, чтобы добиться естественного права свободно мыслить и делиться с теми, кто ниже его по развитию? Об этом Александр много думал, но старался дома особенно не распространяться. Старшую сестру он опасался вводить в круг своих революционных идей, так как она еще очень болезненно переживала кончину отца. Кроме того, как позже поняла Анна Ильинична, он избегал говорить на эту тему с нею и Владимиром еще и потому, что остро ощущал ответственность перед матерью за судьбу остальных членов семьи [3].

Полностью же избежать разговоров с Владимиром, давно проявлявшим интерес к политическим вопросам, было нельзя. Разве можно было Александру уклониться, например, от ответа на вопрос брата, как столичная молодежь отреагировала на распоряжение о запрещении землячеств в университетах и институтах?

Александр открыто выражал свои симпатии деятелям, которых он считал «учителями жизни», и демонстрациям, посвященным их памяти. Поэтому он, конечно, рассказал Владимиру хотя бы о таких фактах, которые уже получили огласку. Как радовалась вся передовая Россия тому, что после закрытия «Отечественных записок» М. Е. Салтыков-Щедрин стал публиковать свои сказки и другие произведения в московских «Русских ведомостях». И как переживали почитатели великого сатирика, когда летом и осенью 1886 года газеты сообщили о его тяжелой болезни. Депутации почти всех высших учебных заведений решили продемонстрировать свое глубокое уважение любимому писателю приветствиями 8 ноября 1885 года — в день его именин. Адрес, написанный Анной от имени курсисток-бестужевок, показался Михаилу Евграфовичу «самым про-

---

[1] Первое марта 1887 г., с. 289, 290.
[2] Там же, с. 290.
[3] См.: *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 121, 128.

чувствованным, понравился ему больше всех...»[1]. Александр, тоже побывавший в этот день в квартире Салтыкова-Щедрина, конечно, рассказал и об этом Владимиру по приезде домой.

В январе 1886 года, когда правительство уволило профессора В. И. Семевского из университета за возбуждение в «молодых умах негодования к прошлому», то есть крепостничеству, Александр в числе 309 студентов подписал адрес с выражением опальному ученому «глубокого и непреклонного сочувствия, как честному русскому историку крестьян, для которого народное благо было самым заветным идеалом». Профессор не остался в долгу перед благодарными слушателями, и Александр вместе с Анной слушал продолжение лекций по крестьянскому вопросу в квартире Семевского.

19 февраля исполнялось 25 лет отмены крепостного права, но положение десятков миллионов бывших «холопов» продолжало быть таким бедственным, что правительство решило не отмечать юбилей. Передовое студенчество, в том числе и Александр Ульянов, отметило этот день панихидой по врагам крепостничества и, возложив венки на могилы Н. А. Добролюбова и других писателей-демократов, организованно ушло с Волкова кладбища мимо полиции, прозевавшей эту демонстрацию. Это тоже не могло быть секретом для Владимира.

Но к лету 1886 года Александр еще не перешел революционный Рубикон: он только еще запасался необходимыми теоретическими знаниями, изучал пути и методы, ведущие к воплощению заветной идеи освобождения веками обездоленного народа, нравственно и психологически готовился к решительному бою с самодержавной реакцией. Понятно, что если Александр себя считал еще не вполне подготовленным к опасной борьбе, то Владимиру тем более старался, наверное, внушить мысль о необходимости сначала получить общее образование, глубоко изучить социально-экономическую теорию и историю освободительного движения, а уже только потом думать об активном участии в революционной борьбе. Человек слова и дела, Александр с увлечением занимался наукой: вставал на заре и с раннего утра сидел за микроскопом. Наблюдая, с какой серьезностью он изучает червей, Владимир даже както подумал: «Нет, не выйдет из брата революционера»[2]. Как видим, Владимир уже предрешил для себя участие в

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 104—105.

[2] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 34.

революционном движении. В определенной мере это подтверждается и в воспоминаниях Дмитрия Ильича. Однажды вечером Александр и Владимир сосредоточенно сидели при свете лампы в бывшей маминой комнатке, обращенной во двор, и сражались за шахматной доской. Окно было открыто, но затянуто проволочной сеткой. «Мы, ребята,— писал он,— играли во дворе и в освещенное окно видели неподвижные и молчаливые фигуры шахматистов. Одна девочка лет двенадцати подбежала к окну и крикнула: «Сидят, как каторжники за решеткой»... Братья быстро обернулись к окну и серьезно посмотрели вслед убегавшей проказнице. Настоящей железной решетки они еще не знали, но, должно быть, она уже чувствовалась ими как что-то неминуемое и совершенно неизбежное в те времена» [1].

Воссоздавая этот эпизод, Дмитрий Ильич особо подчеркнул, что братья «в утренние часы в шахматы не играли — в это время оба сидели за книгами и тетрадями» [2]. Разумеется, занятия Александра не могли не оказать влияния на Владимира, видевшего, как усердно сидит брат за Марксом и другой политико-экономической литературой. Анна Ильинична вспоминала: «Следующей осенью, уже после отъезда Саши, если верить воспоминаниям одного из товарищей Володи (М. Ф. Кузнецова.— *Ж. Т.*), они начали вдвоем переводить с немецкого «Капитал» Маркса. Работа эта прекратилась на первых же страницах, чего и следовало ожидать: где же было зеленым гимназистам выполнить такое предприятие? *Стремление подражать брату, искание путей, конечно, было...»* [3] (Подчеркнуто мной.— *Ж. Т.*).

Анна Ильинична, как видим, сильно сомневается, что Владимир переводил главный труд К. Маркса, да еще именно с этим одноклассником. Но для нас важно другое: она твердо уверена в том, что осенью 1886 года Владимир, вслед за братом, тоже был твердо убежден в ненормальности существующего в России строя и занят поисками правильной революционной теории.

После отъезда брата Владимиру, по словам Н. К. Крупской, «ужасно хотелось с кем-нибудь поговорить о тех мыслях, которые зародились у него». И когда показалось, что один из одноклассников «революционно настроен», Владимир пригласил его пойти на Свиягу, чтобы там откровенно обменяться мнениями. «Но разговор не состоялся,— писала Надежда Константиновна.— Гимназист начал

---

[1] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет, с. 55.
[2] Там же, с. 58.
[3] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 127.

говорить о выборе профессии, говорил о том, что надо выбрать ту профессию, которая поможет лучше устроиться, сделать карьеру. Ильич рассказывал: «Подумал я: карьерист какой-то, а не революционер»,— и не стал с ним ни о чем говорить» [1].

Такие попытки поговорить со сверстниками по душам, надо полагать, предпринимались не раз. Это видно из признания самого Владимира Ильича, сделанного в 1921 году. Когда С. М. Сахаров при оформлении на ответственную работу в Наркомат финансов подчеркнул, что он известен Ленину по совместной учебе в гимназии, то Владимир Ильич заявил: «Я действительно «сохранил память» о Сахарове *по гимназии*, где мы вели либеральные разговоры *мальчиками*» [2].

Затрагивались в беседах и сугубо симбирские темы: «отсутствие местной прессы, кроме официальных изданий («несчастных», по мнению Сахарова, «Губернских ведомостей» и «Епархиальных ведомостей».— *Ж. Т.).* Жестокая цензура и преследования за корреспонденции из местной жизни в столичных газетах»; «выступления симбирских дворян с реакционным адресом о предоставлении дворянству исключительных прав в крестьянском и земском управлении»; преобразование военной гимназии в «дворянские кадетские корпуса» и «оказывание особых преимуществ дворянам и затруднения к поступлению в гимназию пролетарских элементов».

Эти и другие пороки российской действительности рождали у каждого мыслящего честного человека ненависть к строю, основанному на эксплуатации громадного большинства населения своей родины. «Лишь те из молодежи, кто помышлял только о карьере да о спокойном проживании, мог оставаться безразличным к такому режиму. Все более честные, искренние люди рвались к борьбе, прежде всего, рвались хотя немного расшатать те тесные стены самодержавия, в которых они задыхались» [3]. Так Анна Ильинична объясняла, почему брат Александр уже в конце 1886 года связал свою жизнь с революционным подпольем.

Но к этому времени и восьмиклассник Владимир неустанно искал ответа на поставленный Н. Г. Чернышевским вопрос «Что делать?» и, говоря словами Дмитрия Ильича, «с большей вдумчивостью и большей обстоятельностью решительно встал на революционный путь...» [4].

---

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 34.

[2] Ленинский сборник XXXVIII, с. 379.

[3] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 21.

[4] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет, с. 115.

ВТОРОЕ «ПЕРВОЕ МАРТА»

С осени 1886 года недовольство новым, более реакционным университетским уставом приняло чуть ли не всеобщий характер. Гром аплодисментов раздался в переполненной аудитории, когда на одной из лекций Д. И. Менделеев, имея в виду этот устав, заявил: «Наука свободна. Ее не подчинить никаким циркулярам... Всегда были папские буллы, упразднявшие науки, но буллы эти умирали, а Ньютоны и Галилеи навсегда оставались бессмертными. Не в циркулярах дело».

Александр Ульянов, который, говоря словами старшей сестры, по возвращении в столицу «стал вести более общественную жизнь» [1], целиком разделял эту мысль любимого ученого. Продолжая работу над диссертацией, Александр одновременно сколачивает из однокурсников ядро биологического кружка. По его инициативе создаются земляческие кружки — экономический и исторический. Вместе с Анной он принимает участие и в деятельности землячества «донцов и кубанцев», «малороссийского кружка».

Еще в марте 1886 года Александр стал членом студенческого научно-литературного общества университета. К началу нового учебного года его авторитет среди молодежи вырос настолько, что 9 октября его избрали секретарем научного отдела общества. Вскоре сюда вступили будущие его сподвижники по революционной борьбе — О. Говорухин, И. Лукашевич, П. Андреюшкин, В. Генералов, а также приятели-волжане М. Т. Елизаров, Н. И. Чеботарев (с последним он квартировал в доме № 25 по Александровскому проспекту на Петербургской стороне). В их квартиру, где помещалась библиотека землячества, приходили товарищи не только за художественной и научной литературой. Здесь можно было взять книжку закрытых «Отечественных записок», нелегально изданные щедринские «Сказки», сочинения Л. Толстого: «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», «Что такое деньги?», «Исповедь» [2].

В день именин М. Е. Салтыкова-Щедрина, 8 ноября, Александр и Анна в составе небольшой делегации вновь посетили квартиру великого сатирика. Михаил Евграфович поблагодарил за приветствие и каждому студенту пожал руку. Когда дошла очередь до Ульянова, он так креп-

---

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 130.
[2] См. там же, с. 131.

ко, от всей души пожал руку любимого писателя, что «тот схватил ее другой рукой и заворчал: «Ой-ой! Нельзя же так сильно. Я старенький, мне больно». Александр Ильич был страшно смущен, покраснел и стал бормотать какие-то извинения. «Ну, ничего, ничего»,— сказал тогда добродушно Щедрин» [1].

Свое глубочайшее уважение к писателям, завещавшим, по словам Александра Ильича, «бороться с неправдой и злом русской жизни», передовое студенчество решило еще раз продемонстрировать 17 ноября — в двадцатипятилетнюю годовщину смерти Н. А. Добролюбова. В этот день Александр и Анна шли в первых рядах полуторатысячной демонстрации к Волкову кладбищу. По дороге молодежь пела революционные песни, провозглашала верность заветам Н. А. Добролюбова, здравицы в честь Н. Г. Чернышевского и других «своих учителей». Но полиция пропустила на кладбище лишь небольшую депутацию с венками, запретив даже проведение панихиды. Возмущенных демонстрантов, направившихся к центру города, встретили и окружили конные казаки с шашками наголо и городовые. Некоторые были арестованы, другие попали в списки «неблагонадежных».

Расправой возмущались тысячи, но протестовать решились немногие. На следующий день Александр Ульянов пишет с товарищами и размножает на гектографе прокламацию «17 ноября в Петербурге». В ней он гневно клеймит применение насилия над мирным шествием и призывает передовую общественность «грубой силе» правительства противопоставить тоже силу, «но силу организованную и объединенную сознанием своей духовной солидарности» [2]. Прокламация распространилась не только в Петербурге. Получали ее, например, по почте в Казани, Симбирске, других городах.

Александр Ильич был знаком с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. В. Плеханова, разделял основные их взгляды. Он признавал объективность законов общественного развития, понимал важную роль пролетариата в революционной борьбе. И все же на нем сказалась эпоха перепутья, когда народническая идеология еще окончательно не была поколеблена, а русская социал-демократия только зарождалась.

Как и многие другие революционеры его времени, он считал, что достижение «конечных экономических идеа-

[1] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 105.

[2] Первое марта 1887 г., с. 381.

лов» возможно при достаточной зрелости общества, после продолжительной пропаганды и культурной работы, но для их успеха необходимо иметь «минимум свободы». И только террор может в условиях российской действительности привести к тому, что «правительство вынуждено будет искать поддержки у общества и уступит его наиболее ясно выраженным требованиям» [1].

В конце 1886 года, когда идея цареубийства, по выражению современника, носилась в воздухе, начало складываться ядро «Террористической фракции партии «Народная воля». Инициаторами создания этой фракции и подготовки покушения на царя стали близкие знакомые Александра Ильича — студенты Петр Шевырев и Орест Говорухин. По их предложению Александр Ильич принялся вместе со студентом Иосифом Лукашевичем за изготовление метательных снарядов.

После отъезда П. Шевырева в Ялту для лечения туберкулеза, а О. Говорухина в Женеву, так как за ним усиленно следила охранка, на Александра Ильича легла почти вся тяжесть завершения подготовки покушения: изыскание квартир и денег, приготовление динамита и изготовление снарядов, инструктаж студентов-метальщиков В. Осипанова, П. Андреюшкина и В. Генералова, поддержание связи с революционными кружками Москвы, Харькова и Казани, разработка программного документа своей организации. В то же время он продолжал вести пропаганду в рабочем кружке, искал связей с солдатами Петропавловской крепости, готовил перевод к подпольному изданию статьи К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» из журнала «Немецко-французский ежегодник» издания 1844 года. В этой статье Карл Маркс впервые сформулировал идею об исторической миссии пролетариата как могильщика капитализма и созидателя коммунистического общества. Разговоры по вопросам политической экономии, философии и истории вела с братом и Анна Ильинична. Она же по его просьбе приняла участие в редактировании перевода [2].

25 февраля 1887 года боевая группа была готова к действию, и с этого времени ее возглавил Василий Осипанов — старший по возрасту, очень хладнокровный по характеру и вместе с тем самый самоотверженный из студентов-метальщиков.

---

[1] Первое марта 1887 г., с. 378.

[2] См.: *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 145.

Друзья знали, что полиция уже несколько месяцев ведет наблюдение за Александром Ильичем, и предложили ему скрыться из города. Но он остался и принял все меры по обеспечению безопасности знакомых и близких. В частности, стал избегать встреч даже с сестрой.

Все его помыслы в последние дни февраля были сосредоточены на печатании новой Программы, призванной содействовать объединению «Народной воли» и социал-демократов. Вместе со своими верными единомышленниками он 1 марта сделал первые типографские оттиски Программы.

Утром этого же воскресного дня трое метальщиков с бомбами и столько же сигнальщиков направились в центр города. Молодые революционеры знали, что царь ежегодно 1 марта выезжает в Петропавловскую крепость на заупокойную службу о своем отце, погибшем шесть лет назад в этот же день, и надеялись встретить его.

Заговор настолько тщательно готовился, что его участники не сомневались в успехе. Однако из-за неосторожности П. Андреюшкина, намекнувшего в письме к харьковскому знакомому о предстоящем «в непродолжительном времени» террористическом акте, охранка уже несколько дней следила за ним и его знакомыми. Заметив на Невском, что под пальто у молодых людей имеются какие-то тяжелые предметы, охранники перед самым выездом царя из Аничкова дворца схватили всех шестерых членов боевой группы.

Ничего не зная о провале, но обеспокоенный отсутствием сведений о ходе операции, Александр Ильич прервал печатание Программы и отправился на квартиру одного из сигнальщиков, где попал в полицейскую засаду. Анна Ильинична пошла навестить брата и тоже попала в руки полиции.

Первые два дня власти не подозревали, что Александр Ульянов имеет непосредственное отношение к покушению, и поэтому держали его в арестантской комнате охранного отделения при управлении градоначальника вместе с другими случайно задержанными студентами. 3 марта, когда следователи и жандармы сломили запирательство двух сигнальщиков и получили от них откровенные показания, начала вырисовываться роль руководителей дела 1 марта. Александра Ильича перевезли в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

На первом допросе, 3 марта, он не дал никаких показаний. Точно так поступили и трое метальщиков. Хотя шел

уже третий день с момента ареста участников покушения на царя, ни одна газета ни единым словом не обмолвилась об этом чрезвычайном событии. И не случайно. Александр III вообще был против соблюдения юридических формальностей. Он даже хотел лишь одним своим повелением навечно заточить вторых «первомартовцев» в каменные мешки Шлиссельбургской крепости и не оповещать о заговоре.

Однако ближайшие советники сумели убедить монарха в необходимости проведения хотя бы закрытого процесса, с тем чтобы соблюсти видимость законности, а заодно использовать суд для устрашения «красных» всех оттенков, либеральной печати. Вот почему только 4 марта в «Правительственном вестнике» появилось незаметное с виду краткое сообщение:

«1-го сего марта, на Невском проспекте, около 11 часов утра задержано трое студентов С.-Петербургского университета, при коих, по обыску, найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотру их экспертом, оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином».

Даже некоторых царедворцев удивила редакция этого сообщения: зачем, дескать, было подчеркивать, что задержанные являются студентами? Ведь под подозрение ставится целое высшее учебное заведение. Каково будет родителям, чьи дети в нем учатся?

Уже на следующий день Симбирск был взбудоражен поступившим по телеграфу известием о чрезвычайном происшествии в Петербурге.

Вскоре из Петербурга в Симбирск стали поступать задания, имевшие более непосредственное отношение к делу о покушении на царя. У арестованного в Вильно по делу 1 марта 1887 года аптекаря Т. И. Пашковского был обнаружен адрес симбирянина А. М. Соловьева, помощника аптекаря. Департамент полиции по телеграфу приказал симбирской жандармерии произвести у него обыск. Брадке давно знал о дружбе А. М. Соловьева с политическими поднадзорными и его переписке с В. А. Аверьяновым — руководителем кружка симбирских гимназистов в 1883—1885 годах.

Вечером 18 марта 1887 года жандармы в сопровождении понятых нагрянули в аптеку Новицкого, где служил Соловьев, но их постигла неудача: помощник, по словам аптекаря, «ровно месяц назад оставил службу и уехал в г. Мариуполь».

Брадке уведомил об этом коллег в Мариуполе и других городах, а сам усилил службу наблюдения во вверенном ему крае. Одновременно он просил начальника Виленского губернского управления сообщать ему «все указания на лиц, проживающих в Симбирской губернии», какие только будут найдены в бумагах Т. И. Пашковского. Пашковский интересовал жандармов потому, что он в конце января 1887 года отправил из Вильно азотную кислоту и стрихнин, необходимые для изготовления бомб (известив об этом условной телеграммой, посланной на адрес Анны Ильиничны для передачи Александру Ульянову).

9 апреля 1887 года мариупольские жандармы произвели обыск у Соловьева. Они обнаружили фотокарточки Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, тетрадки со стихами, частью запрещенными. Но самой важной находкой, как ожидалось, оказался виленский адрес Т. И. Пашковского. Однако следственным органам не удалось установить причастность Соловьева к делу, и они вынуждены были удовлетвориться его объяснением о его чисто профессиональном и заочном знакомстве с Пашковским.

18 апреля 1887 года А. М. Соловьев вернулся в Симбирск, где его вновь допрашивали, а затем разрешили уехать в Ардатов. Дальнейшая слежка показала, что Соловьев продолжал придерживаться антиправительственных взглядов: встретившись летом того же года с выпускниками Порецкой учительской семинарии, он пригласил их к себе на квартиру и стал толковать, что «должно быть народное правление и что государь такой же человек, как и все, и не умнее, и не ученее других» [1].

В середине марта симбирская жандармерия получила циркулярное предписание министерства внутренних дел о необходимости тщательных розысков О. М. Говорухина, А. Е. Лейбович (у Анны Ильиничны при аресте было отобрано письмо, в котором она, по рекомендации Александра Ильича, приглашала Анну Лейбович переночевать в своей квартире незадолго до 1 марта 1887 года) и других революционеров, причастных к группе А. И. Ульянова.

Под влиянием петербургских событий Брадке тщательнее, чем обычно, анализировал деятельность своих политических поднадзорных. Небезынтересно, что в мартовских донесениях 1887 года видное место отведено характеристике близких знакомых Ульяновых — их лечащих врачей Александра Александровича Кадьяна и Ивана Сидоровича Покровского.

[1] ГАУО, ф. 855, д. 65, л. 58.

Розыски людей, причастных к делу 1 марта, вызвали среди симбирян различные толки. Эти и подобные им события, но не попавшие в поле зрения жандармерии, думается, привлекли внимание Владимира Ульянова. Однако он и не предполагал, что аресты в столице имеют отношение к брату. Беспокоило то, что задержанные являлись студентами, а власти в таких случаях обычно производили широкую «чистку» университета.

ИСПЫТАНИЯ ЗРЕЛОСТИ

Начавшиеся 1 марта в Петербурге репрессии сразу же коснулись Александра и Анны. Вот что рассказала в своих воспоминаниях близкий друг их семьи, учительница народной школы В. В. Кашкадамова:

«В марте месяце 1887 года я получила письмо от родственницы Марии Александровны — Е. И. Песковской [1],— в котором она, сообщая о событиях в Петербурге, об участии Александра в заговоре, об аресте его и Анны Ильиничны, просила известить об этом Марию Александровну, предварительно подготовивши ее. По получении письма я тотчас же послала в гимназию за Володей, который был тогда в последнем, восьмом, классе, чтобы посоветоваться с ним. Я сообщила ему содержание письма и дала его прочитать.

Крепко сдвинулись брови Ильича, он долго молчал. Передо мной сидел уже не прежний бесшабашный, жизнерадостный мальчик, а взрослый человек, глубоко задумавшийся над важным вопросом. «А ведь дело-то серьезное,— сказал он,— может плохо кончиться для Саши» [2].

Письмо Е. Песковской не сохранилось. А в воспоминаниях В. Кашкадамовой, написанных 40 с лишним лет спустя, произошло совмещение его содержания с более поздними событиями. В письме из Петербурга речь могла идти только об аресте брата и сестры Ульяновых, но никак не об участии Александра в заговоре. И вот почему: есть основания полагать, что Песковская послала пись-

---

[1] Екатерина Ивановна Песковская (урожденная Веретенникова) — племянница М. А. Ульяновой. В начале 80-х годов работала учительницей народной школы в Симбирске, была близко знакома с В. В. Кашкадамовой.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 274.

мо 3 марта. Тогда никому не могло быть известно даже о существовании самого заговора, не говоря уже об участии в нем А. Ульянова, ибо в первое время правительство тщательно скрывало сам факт неудавшегося покушения на царя, а уж следствие-то велось в глубочайшей тайне.

Число арестованных петербургских студентов исчислялось несколькими десятками, но большинство из них было схвачено охранкой без всяких на то оснований. Матвей Леонтьевич Песковский — довольно известный прогрессивный публицист — знал об этих массовых облавах и был убежден в том, что Александр и Анна Ульяновы арестованы, как и многие другие, по недоразумению. Это ясно видно из его большого и эмоционального письма от 3 марта к директору департамента полиции П. Н. Дурново, в котором, в частности, говорилось:

«Ульянов — очень дельный, чисто кабинетный, до угрюмости нелюдимый человек, зарекомендовавший себя блестящими успехами в науке; он имеет по золотой медали — из гимназии и университета. Ульянова — барышня в лучшем смысле слова, совершенно чуждая всего того, что может шокировать девушку»[1]. Допуская возможность, что «со стороны Ульяновых есть какое-либо компрометирующее знакомство», М. Песковский особо подчеркнул, что год назад их семья потеряла отца — «заслуженного директора народных училищ Симбирской губернии», а мать еще не оправилась от горя и весть об аресте сына и дочери «буквально убьет ее». М. Песковский считал, что эти важные обстоятельства, а также «чрезвычайно слабое» здоровье Анны «являются достаточным основанием» для освобождения из-под ареста ее и Александра под его «личное поручительство». «Пусть за Ульяновыми,— писал он в заключение,— будет учрежден самый строгий надзор; но пусть надзор этот не мешает им окончить курсы учения...»

В этот же день М. Песковский узнал, что его прошение оставлено «без последствий». И только теперь, когда не удалось освободить своих близких родственников и уже нельзя было не потревожить их мать, Песковская посылает письмо Кашкадамовой с сообщением об их аресте. Письма из столицы поступали в Симбирск на шестой день, и правомерно считать, что Песковские отправили свое письмо именно 3 марта. Только в этом случае В. Каш-

[1] *Итенберг Б. С., Черняк А. Я.* Жизнь Александра Ульянова. М., 1966, с. 143.

кадамова могла получить его к 9 числу, и ни одним днем позже, ибо М. А. Ульянова 14 марта была уже в Петербурге и подала прошение о свидании с сыном, заключенным в Петропавловскую крепость.

Эти расчеты наглядно показывают, что Владимир, провожая мать в далекий и нелегкий путь, из письма узнал, вероятно, только об аресте брата и сестры, но не об участии их в заговоре. Учитывая же правительственное сообщение о задержании студентов-террористов на Невском, мог предполагать, что Анна и Александр попали в волну арестов, поднявшуюся в связи с этим задержанием. Ни Ульяновы, ни Кашкадамова никому, естественно, не сообщали о случившемся, чтобы не дать пищи для разговоров падким на сенсации обывателям. Вместе с тем архивные документы показывают, что ко дню отъезда Марии Александровны в Петербург никто из высших должностных лиц Симбирска не получал никаких сведений об Александре и Анне Ульяновых и, следовательно, еще не проявлял враждебности к их родным.

Нам неизвестно содержание писем Марии Александровны из Петербурга. Но в них едва ли были какие-нибудь подробности о деле 1 марта и участии в нем Александра, так как следствие еще продолжалось. Только после его окончания, 30 марта, царь наконец разрешил ей свидание с сыном, распорядившись предварительно ознакомить мать с его показаниями, «чтобы она видела, каких он убеждений». Смелые заявления Александра на допросах не оставляли у Марии Александровны сомнений в том, что его ожидает страшная судьба. Ведь он сам признал свою принадлежность к «Народной воле» и участие в приготовлении разрывных снарядов. Александр Ильич не отрицал и того, что знал, кто и когда должен был совершить покушение, но, «сколько лиц должны были это сделать», что это за лица и кто именно доставлял к нему снаряды, он назвать отказался.

«Не желаю» и «отказываюсь» так часто встречались в протоколах допроса Ульянова, что царь сделал на одном из листов помету: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься» [1].

Не могла Мария Александровна не запомнить суть мужественного заявления сына на допросе 20—21 марта: «...мне, одному из первых, принадлежит мысль образовать террористическую группу, и я принимал самое деятель-

[1] Жизнь как факел. Сост. А. И. Иванский. М., 1966, с. 415.

ное участие в ее организации, в смысле доставания денег, подыскания людей, квартир и пр. Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т. е. все то, которое дозволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений» [1].

Мария Александровна имела первое свидание с Сашей в Петропавловской крепости 1 апреля с 10 до 12 часов (в день своих именин) в присутствии представителя тюремной администрации. Анна Ильинична, со слов матери, так передала картину этой встречи: «...он плакал и обнимал ее колени, прося простить причиняемое ей горе; он говорил, что, кроме долга перед семьей, у него есть долг и перед Родиной. Он рисовал ей бесправное, задавленное положение Родины и указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее...

— Да, но эти средства ужасны,— возразила мать.

— Что же делать, если других нет, мама,— ответил он» [2].

Показания Саши на следствии и разговор с ним не оставляли никаких сомнений в том, что он намерен и на суде непреклонно отстаивать свои революционные убеждения. Переживания Марии Александровны усугублялись и тем, что до суда новых свиданий ей с сыном не разрешили. В начале апреля она едет на несколько дней в Симбирск. В. В. Кашкадамова, присутствовавшая во время одного из рассказов Марии Александровны, навсегда запомнила ее слова о том, что она считала бы счастьем, если бы дело закончилось для Саши пожизненной каторгой: «Я тогда уехала бы с ним,— старшие дети уже большие, а младших я возьму с собой» [3]. Через три-четыре дня — в день 17-летия Владимира (10 апреля по старому стилю) — Мария Александровна спешит в Петербург, где 15 апреля начинались заседания особого присутствия правительствующего сената по делу 1 марта.

Во время ее пребывания в Симбирске кое-кто уже знал о грозящей Александру Ильичу смертельной опасности. Инспектор народных училищ А. А. Красев из города Карсуна Симбирской губернии писал своему бывшему сослуживцу В. И. Фармаковскому: «...бедную Марию Александровну Ульянову постигло, говорят, новое несчастье, состоящее в связи с событиями последнего 1 марта. Носятся слухи, что даже с Анной Ильиничной не все благополуч-

---

[1] Первое марта 1887 г., с. 373.

[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания..., с. 168.

[3] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 275.

но, хотя она, будто, и не имела к делу живого и непосредственного отношения»[1].

И сразу же среди местного «общества» нашлись люди, которые стали побаиваться поддерживать знакомство с Ульяновыми. «Горе матери и испуг либеральной интеллигенции поразили 17-летнего юношу... С тревогой ждал Ильич вестей из Питера, особенно заботился о младших, взял себя в руки, занимался. Много он после того дум передумал. По-иному зазвучал для него Чернышевский, стал искать он ответа у Маркса»[2] — так сжато, но емко сказала Надежда Константиновна о главном, что взволновало и занимало молодого Ленина в полную драматизма весну 1887 года.

Держать себя в руках после отъезда матери обязывало положение главы и опоры семьи. Ольга, по выражению Дмитрия Ильича, «самый близкий, лучший товарищ Володи», была рядом. Но она очень тяжело переживала несчастье. И Владимир своим личным примером должен был поддерживать ее самообладание, чтобы она нашла в себе силы готовиться к выпускным экзаменам и продолжать заниматься с девятилетней Маняшей. У Мити наметились нелады с латынью и греческим, и ему нужно было помогать. Требовались усилия для сохранения традиционной в семье атмосферы деловитости и вместе с тем разумного досуга, взаимной заботы. Впрочем, в это полезный вклад вносила приехавшая из Казани по вызову Марии Александровны ее старшая сестра Анна Александровна Веретенникова.

Трудным был для Ульяновых понедельник 13 апреля, когда после двухнедельных каникул возобновились занятия в гимназиях. Теперь сотни глаз испытующе устремятся на братьев и сестру «важного государственного преступника» на пути от дома в гимназию и назад. Вольно или невольно будут глазеть учителя и учащиеся. А кто-то и шептаться за спиной. И надо быть готовым в любую минуту должным образом ответить на любой вопрос о брате.

С волнением встречал Владимир 15 апреля — начало заседаний высшего суда империи по делу Александра и его товарищей. И надо было так случиться, что именно в этот день Ф. М. Керенский устроил восьмиклассникам контрольное сочинение по русской словесности. Да еще

---

[1] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1073, оп. 1, д. 51, л. 20.

[2] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 36.

на такую щекотливую тему, как «Причины благосостояния народной жизни». Трудно даже представить себе, какой выдержкой должен был обладать Владимир, чтобы в эти два урока, проходившие на этот раз в актовом зале, в обстановке, приближенной к экзаменационной, суметь сосредоточиться на заданной теме, сдержать кипевшую ненависть к деспотически-эксплуататорскому строю и чисто по-ученически, избегая, как этого требовал директор-учитель, самостоятельных суждений, повествовать о причинах «благосостояния» народа.

Содержание этого сочинения, самого ответственного по актуальности поставленной проблемы, какое только довелось писать Владимиру в стенах гимназии, неизвестно. Но в фондах Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина сохранилось подлинное сочинение его соученика по всем восьми классам обучения Михаила Федоровича Кузнецова. А так как планы сочинений обычно предварительно обсуждались в классе под руководством Ф. М. Керенского, то по этой работе можно представить, о каких же причинах народного благосостояния слышал Владимир из уст преподавателя.

План сочинения Кузнецова выглядит так:

«1) Географическое положение страны.

2) Материальное состояние и изобилие общественных благ.

3) Правильная организация государственного устройства.

4) Ряд хороших деятелей и государственных правителей.

5) Поднятие народного духа и пробуждение сознания единства.

6) Трудолюбие народа и развитие торговли.

7) Просвещение.

8) Заключение».

Вопросы темы сформулированы, как видим, в полном соответствии с самодержавной идеологией. Желал лучшего и слог. В целом же эту работу Керенский оценил на 3+.

План сочинения Владимира Ульянова, наверное, в определенной мере был схож с кузнецовским. Но, конечно, ответы на поставленные вопросы он был способен изложить содержательнее, логичнее, лучше в литературном отношении. Он мог убедительнее своих соучеников показать значение просвещения для улучшения народного благосостояния хотя бы потому, что Илья Николаевич по-

стоянно говорил и писал, что грамотный крестьянин разумнее ведет свое хозяйство, чаще и смелее выступает против притеснений со стороны кулаков, ростовщиков и других «мироедов», полнее сознает свои права как человека и гражданина. Несомненно, что Владимир нашел место словам о значении народного труда для процветания Отчизны.

Понятно, что в сочинении, да еще в такое время, когда родной брат находился на скамье подсудимых, Владимир не мог резко осудить все остатки крепостничества и пороки развивающегося капитализма, но он все-таки указал на ненормальность существования некоторых «бичей страны родной». Этого не мог не заметить учитель-директор и, раздавая после проверки работы, сказал первому ученику класса: «О каких это угнетенных классах вы тут пишете, при чем это тут?» Ученики заинтересовались, сколько же поставил Ульянову за сочинение Керенский. Оказалось, все же пятерка стоит»[1].

Этот инцидент, в передаче того же М. Ф. Кузнецова, не имел серьезных последствий, возможно, потому, что Керенский расценил не понравившиеся ему «крамольные» фразы в сочинении Ульянова как непроизвольно заимствованные юношей из какой-нибудь либеральной газеты или журнала. В противном случае надо было бы доносить как о происшествии местным властям.

В тот же или на другой день (18 апреля) Владимир, как это полагалось по гимназическому уставу, подает на имя директора прошение о своем желании быть допущенным к выпускным экзаменам. Одновременно он выполняет и другие формальности.

По-прежнему, три раза в неделю, Владимир продолжал подготовку учителя чувашской школы Никифора Михайловича Охотникова по древним языкам за курс классической гимназии. И не только по языкам.

Не исключено, что Владимир при этом расспрашивал Охотникова о подробностях, связанных с деятельностью нелегальных кружков, к которым были причастны знакомые ему братья-кузнецы Порфирий и Кузьма Фадеевы, воспитанник школы Алексей Григорьев. Хорошо был знаком Никифору Михайловичу и Василий Маненков, у которого жандармы конфисковали библиотеку гимназического кружка В. Аверьянова: оба они на протяжении пяти лет учились в Симбирской чувашской школе.

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 33.

19 апреля верховный суд империи приговорил Александра Ульянова, как и всех других 14 подсудимых, к смертной казни. Но приговор подлежал утверждению царя, и поэтому газеты по-прежнему хранили молчание о важном процессе. Если Мария Александровна что-то и сообщала домой о судилище, то так, что дети в Симбирске могли еще питать какую-то надежду на то, что Саша останется в живых.

С этой слабо теплившейся надеждой начала сдавать выпускные экзамены Ольга, а через несколько дней, 5 мая, с сочинения по русской словесности «Царь Борис» по произведению А. С. Пушкина «Борис Годунов» приступил к сдаче «испытаний зрелости» и Владимир. 7 и 8 мая он уверенно выполнил письменные работы по латыни и математике.

Затем в экзаменах наступил трехдневный перерыв, в начале которого Владимир и Ольга все еще могли надеяться, что царь смягчит страшный приговор. Но утром в воскресенье, 10 мая, они, как и все жители Симбирска, узнали о казни брата и его четырех товарищей. «Объявления об этом подвиге царских опричников,— вспоминала В. В. Кашкадамова,— были расклеены на всех городских столбах». В газетных киосках в этот день продавались листки утреннего выпуска «Телеграмм Северного телеграфного агентства», большую часть которого занимало правительственное сообщение. Здесь, впервые в открытой печати, перечислялись имена и фамилии всех 15 подсудимых с указанием их социального происхождения и положения, времени возникновения «тайного кружка», решившего «посягнуть на жизнь Государя Императора», и характера участия каждого в «злоумышлении».

Далее говорилось, что все обвиняемые, кроме А. Сердюковой, не участвовавшей в заговоре, но знавшей о нем, были приговорены к смертной казни. Царь заменил большинству осужденных смертную казнь многолетней каторгой, а П. Шевыреву, как «зачинщику и руководителю преступления», трем метальщикам и А. Ульянову, который «принимал самое деятельное участие как в злоумышлении, так и в приготовительных действиях», оставил приговор без изменения.

Владимир не раз перечитывал заключительные строки, с глубокой болью постигая их трагическую сущность: «...приговор о смертной казни через повешение над осужденными Генераловым, Андрюшкиным (так искаженно напечатана фамилия Андреюшкина.— *Ж. Т.*), Осипано-

вым, Шевыревым и Ульяновым приведен в исполнение 8 мая».

Вспоминая эту страшную пору, Мария Ильинична много лет спустя писала: «Так стоит перед глазами его расстроенное, печальное лицо... Я была слишком мала, чтобы понять весь ужас происшедшего, и меня, как это ни странно, больше поразил вид Владимира Ильича, через его горестные слова о брате я начала усваивать значение случившегося».

Очень тяжело переживала гибель любимого брата и Ольга Ильинична, выпускница женской гимназии. Ей, по свидетельству подруги Е. Арнольд, после получения известия о приведении приговора в исполнение сделалось дурно.

Поистине нечеловеческие усилия должен был приложить Владимир Ульянов 12 мая, когда пришел на письменный экзамен по алгебре и тригонометрии, чтобы сохранить внешнее спокойствие под любопытными взглядами окружающих, знавших о только что состоявшейся казни его старшего брата. На следующий день — 13 мая — он сдавал последний письменный экзамен, самый трудный — по греческому языку. Пять экзаменов — пять отличных оценок!

Прошло девять долгих и томительных дней, прежде чем начались устные экзамены. 22 мая на все вопросы билета по истории и географии Владимир ответил тоже на отлично. А вечером на пароходе прибыли измученные горем и мытарствами Мария Александровна и Анна. Владимир избегал травмировать расспросами мать и сестру, но Мария Александровна сама невольно рассказывала об ужасном недавнем прошлом.

«Я удивляюсь,— с болью и невольной гордостью вспоминала она о защитительной речи сына,— как хорошо говорил Саша: так убедительно, так прекрасно. Я не думала, что он может так говорить. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала». Последними просьбами Александра были: принести ему стихи Гейне, найти у товарищей журнал «Немецко-французский ежегодник» со статьями К. Маркса и возвратить их владельцу. Нельзя было без боли слушать рассказ матери о ее хождениях по приемным сановников уже после казни сына с прошениями о разрешении Анне отбывать ссылку не в Восточной Сибири, а в Кокушкине. Даже две фотокарточки Александра, сделанные в тюрьме,— одна в профиль, другая анфас — пришлось просить.

Сразу же в день приезда Анны возник вопрос о выполнении пункта «Проходного свидетельства», согласно которому она обязана была немедленно встать на учет в полиции того города, где остановится на пути в Кокушкино — место пятилетней ссылки. В «Маршруте», выданном 19 мая канцелярией петербургского градоначальника, значилось: «Отправляющаяся во временную отлучку из города С.-Петербурга в город Казань дочь действительного статского советника Анна Ильинична Ульянова обязана следовать: безостановочно на Москву, Нижний Новгород до Симбирска, где Ульяновой разрешено пробыть до 20 июня сего года, затем она должна отправиться в город Казань».

С этого времени полиция и жандармерия Симбирска ведет за ней бдительное наблюдение. Фактически же оно осуществлялось за всеми членами семьи Ульяновых.

В конце мая из Петербурга приехал высланный за дружеские отношения с Александром Ульяновым Иван Николаевич Чеботарев. В Симбирске он находился несколько дней проездом, следуя в ссылку к родным в Самару. Как близкий знакомый Анны и особенно Александра, Чеботарев зашел к Ульяновым.

Долго и доверительно беседовал с ним Владимир. «Он расспрашивал,— вспоминал И. Н. Чеботарев,— о последних днях моей совместной жизни с Александром, о допросах меня на предварительном следствии и на самом верховном суде, в особенности о впечатлениях, какие произвел на меня Александр на скамье подсудимых. Обо всем этом он расспрашивал меня спокойно, даже слишком методично, но, видимо, не из простого любопытства. Его особенно интересовало революционное настроение брата» [1].

Экзамены между тем продолжались. Успехи Владимира и Ольги в последних классах и на прошедших выпускных экзаменах были настолько выдающимися, что при обычных условиях являлись надежной основой для получения высших гимназических наград. Но в сложившейся теперь обстановке никто не мог предсказать окончательный исход для ближайших родственников «государственного преступника».

Для средней пары Ульяновых награды были дороги не как вещественные доказательства успешного окончания школьного курса. Владимир и Ольга понимали, что переживания и гордость за их достижения хоть на время мо-

---

[1] Об Ильиче. Л., 1924, с. 133.

гут отвлечь Марию Александровну и Анну от тяжких мыслей. Волю им укрепляли светлые образы отца, старшего брата, пример старшей сестры, мужество матери.

В конце мая Ольга закончила сдачу экзаменов. Она одна из 54 выпускниц женской Мариинской гимназии получила на них высшие баллы. Решением педагогической конференции самая юная выпускница, которой было только 15 с половиной лет, представлялась к награждению золотой медалью.

Продолжал борьбу за высшую награду — шестую медаль в семье — и Владимир. Экзамены были нелегкими. Если по «закону божьему», сдававшемуся 27 мая, большинство гимназистов получило отличные отметки, то на остальных устных экзаменах успехи класса были весьма и весьма скромными. По латыни 29 мая высшего балла удостоились трое (при 17 тройках), по греческому языку 1 июня — только двое, и, наконец, на последнем экзамене 6 июня — по арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии пятерки кроме Владимира получили лишь А. Писарев и А. Наумов — претенденты на серебряную медаль.

10 июня члены педагогического совета классической гимназии скрепили своими подписями все 27 аттестатов зрелости выпускников. В аттестате Владимира Ульянова вписаны эпитеты самого высокого значения: «...поведение его вообще было ОТЛИЧНОЕ, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ ОТЛИЧНАЯ, прилежание ОТЛИЧНОЕ и любознательность ко всем предметам БОЛЬШАЯ, особенно к древним языкам...» На основании этих выводов и блистательных результатов выпускных экзаменов педагогический совет и постановил «наградить его, *Ульянова*, ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ и выдать ему аттестат, предоставляющий все права», обозначенные в § 129—132 Устава гимназий и прогимназий 1871 года.

В аттестате зрелости Владимира стоит 17 пятерок и только одна четверка — по логике. Появление этой сиротливой оценки, очевидно, своеобразный отклик Ф. М. Керенского на дело 1 марта 1887 года. Ведь к моменту заполнения аттестата брат Александра Ульянова имел итоговую оценку по логике, изучавшейся только в седьмом классе, «4 $^1/_2$». Согласно организационно-методическим указаниям министерства народного просвещения, преподаватель при выведении окончательных оценок обязан принять во внимание прилежание и успехи учащегося на протяжении всего периода обучения. Кто-кто, а директор, он же преподаватель

логики, знал, что Владимир был первым учеником с первого до последнего класса. Поэтому Ф. Керенский имел юридическое право и все основания для того, чтобы округлить оценку до пяти. Но он, стремясь, по-видимому, так продемонстрировать свои верноподданические чувства, снизил на полбалла оценку по логике родному брату «важного государственного преступника».

Более завуалированно поступил Ф. Керенский с характеристикой на Владимира Ульянова. В соответствии с указаниями попечителя учебного округа он должен был четко сказать о степени религиозности и отношении каждого ученика к «социальным вопросам, которые так или иначе затрагивают воспитанника старших классов гимназии».

Как же он отреагировал на эти требования? Учитывая данные классного наставника А. Ф. Федотченко, результаты испытаний зрелости и решение педагогического совета о награждении Владимира золотой медалью, Ф. М. Керенский отметил, что Ульянов был «во всех классах первым учеником». Но когда дело дошло до главного, ради чего, собственно, и требовалась начальством характеристика, директор ушел от прямого ответа. Он не сказал о том, религиозен ли Владимир, хотя, не жалея красок, подчеркивал это качество у других выпускников. Осталось без пояснений отношение брата Александра Ульянова к «социальным вопросам» и «превратным учениям», тогда как в других характеристиках, например на М. Ф. Кузнецова, директор твердо заверял, что этого ученика «никакие социальные вопросы не интересовали».

В то тревожное время немаловажное значение имела и обрисовка нравственного облика выпускника. «Всегдашняя скромность, прямодушие, почтительность и деликатность, украшаемые искренним религиозным настроением,— выдающиеся черты характера Сахарова. Никакие легкомысленные или превратные учения не могли коснуться его понятия»,— велеречиво изливался Ф. Керенский в характеристике на сына богатого купца. И как скупо и двусмысленно характеризовал он золотого медалиста, личность которого особо интересовала начальство всех рангов и ведомств: «Присматриваясь ближе к домашней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости, чуждаемости от общения даже с знакомыми людьми, а вне гимназии с товарищами и вообще нелюдимости».

Эта характеристика и некоторые другие были расценены руководством Казанского учебного округа как не содер-

жащие «твердой уверенности и ручательства» в том, что аттестуемые юноши, получив «в гимназии самые лучшие задатки, как умственные, так и особенно нравственные, сохранили их, не подпадали влиянию людей злонамеренных».

И вовсе не случайно инспектор студентов Казанского университета в своем отзыве на выпускников 1887 года, принявших активное участие 4 декабря в знаменитой сходке-демонстрации, счел важным подчеркнуть, что между ними был «Ульянов, окончивший курс с золотой медалью, но и в его характеристике указано на излишнюю замкнутость, чуждаемость от общения даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами и вообще нелюдимость, что он и обнаружил».

Попечитель Казанского учебного округа в ответ на запрос министерства народного просвещения тоже отметил, что Владимир Ульянов во время кратковременного учения в университете «обратил на себя внимание скрытностью», то есть все той же «замкнутостью», которая так усердно выпячивалась Керенским.

Таким образом, отзывы начальства вполне подтверждают тот несомненный факт, что характеристика на Владимира Ульянова, направленная симбирским директором в Казань, имела отрицательные оттенки.

Выпускная характеристика — документ сугубо конфиденциальный, и содержание ее Владимиру Ульянову в 1887 году не было известно. Но он, конечно, мог догадаться, что директор гимназии отметит наряду с очевидными для всех учебными успехами и его «замкнутость» — нежелание, как говорится, раскрыть свою душу. Однако не быть скрытным, особенно с начальством, Владимир, с его политическими взглядами и атеизмом, безусловно, не мог, несмотря на свой общительный характер.

Что Владимир не подпал под влияние своего директора — «классика» по специальности, говорит и его выбор факультета в университете. Ф. Керенский полагал, что лучший ученик выпуска сделал бы блестящую карьеру, если бы пошел по его стезе — поступил на историко-филологический. Но Владимир не пожелал посвятить свою жизнь мертвым латинскому и греческому языкам, а также отверг физико-математический и выбрал юридический.

Этот факультет не считался «крамольным». Наоборот, в годы реакции 80-х годов он стал одним из самых престижных для карьеристов и любителей хорошо оплачиваемых мест и должностей. И если бы Владимир руководствовался только «благонамеренными» соображениями, то

Керенский был бы рад такому выбору Ульяновым будущей профессии.

В действительности же Владимир Ульянов решил поступить на один из самых реакционных факультетов главным образом потому, что уже в 17 лет, как подчеркивал Дмитрий Ильич, он поставил «перед собой задачу изучения буржуазного общества, его экономической структуры, изучение его права», борьбу с ним — целью своей жизни. Поэтому, как «и Карл Маркс, избрал юридический факультет; и это не случайность, что как тот, так и Владимир Ильич, поступая в университет, остановились оба на одном факультете» [1].

Определенное значение в выборе Владимиром Ульяновым будущей профессии имело и понимание того, что государственные должности, в том числе и педагогическая служба, для него, брата известного революционера, будут закрыты. И он наметил для себя, по выражению Анны Ильиничны, более свободную профессию — адвокатскую. Работа в частной конторе присяжного поверенного освобождала от подневольного проведения в жизнь антинародных правительственных декретов, унизительного соблюдения чинопочитания в соответствии с «табелью о рангах», давала возможность публично сражаться с государственными прокурорами во время судебной защиты жертв узаконенного беззакония, и в том числе политических обвиняемых. Наконец, адвокатская практика являлась удобным предлогом для знакомства с самыми различными слоями населения, а следовательно, и прикрытием связей с революционерами, которые, естественно, должны были возникнуть.

Подавляющее большинство выпускников покидало стены гимназии с нескрываемым облегчением и радостью. Ведь для них, в отличие от Владимира Ульянова, она была не восьмиклассной, ибо им пришлось тянуть гимназическую лямку по девять и более лет: из 55 мальчиков, числившихся вместе с Владимиром в 1879/80 учебном году в первом классе, испытания зрелости в 1887 году сдавали только 8! Многим из этого выпуска довелось быть в каком-нибудь из классов второгодниками, а некоторые испытали эту горечь дважды.

С кем из одноклассников Владимир Ильич был ближе всего? Это неизвестно, но, как выразилась Анна Ильинична, он был хорош со всеми соучениками. Однако он был

---

[1] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет, с. 60.

не настолько близок с одноклассниками, чтобы считать возможным делиться с ними сокровенными переживаниями и планами на будущее.

Что касается отношения Владимира Ильича к симбирской классической гимназии в целом, то к ней в полной мере приложима та характеристика, которую он дал в 1920 году на III съезде комсомола старой школе. Она в основном была «школой муштры, школой зубрежки», заставлявшей людей «усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову», «вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов». Для нее был характерен отрыв изучаемого от практики жизни, а каждое слово ее «было подделано в интересах буржуазии» [1].

Н. К. Крупская, подчеркивая автобиографический характер этих высказываний Владимира Ильича, поясняла: «Сам ученик классической гимназии, типичной старой средней школы, он ненавидел эту старую школу с ее зубрежкой и муштрой, с ее отрывом от живой жизни. Он видел, знал, как в этой старой школе ум учащихся обременялся массой знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных» [2].

И только немногие «сильные, энергические» натуры, как справедливо в свое время подчеркивал Н. А. Добролюбов, могли устоять от задерживающего «развития» старой школы. В числе таких немногих юношей, сумевших, вопреки стараниям Керенских и исключительно благодаря своим «университетам», сохранять самобытное развитие и успешно овладевать тем богатством, которое выработало человечество, был и Владимир Ульянов. На пороге большой жизни он был уже образцом человека большого ума и воли, готовым к активной общественно-полезной деятельности.

ДОРОГУ ПОКАЗАЛ МАРКСИЗМ

Владимир Ильич даже с близкими избегал говорить о драматических днях 1887 года. «Я никогда не спрашивала,— вспоминала Надежда Константиновна,— он никогда не рассказывал о том, что он пережил и передумал в то время. Он рассказывал только,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 303—306.
[2] *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1960, с. 367.

как мужественно пережила этот удар его мать, а в тоне его, когда он рассказывал, звучало глубокое чувство любви и к матери и к брату...»[1]

Трагическая судьба родного и любимого человека поразила его, но и обострила работу мысли. Прежде всего Владимир пытался представить все обстоятельства, побудившие Александра так неожиданно быстро вступить в смертельную схватку с правительством.

Главное для него было ясно: поступок этот совершен вполне сознательно. Об этом свидетельствует В. В. Кашкадамова, часто заходившая к Ульяновым после отъезда Марии Александровны в Петербург. «Когда приходилось говорить с ним о брате,— вспоминала она,— он повторял: «Значит, он должен был поступить так,— он не мог поступить иначе»[2].

Что касается конкретных причин, обусловивших недовольство Александра существующим строем, то о них Владимир мог судить и по словам самого брата, и сестры, и И. Н. Чеботарева; наконец, по рассказам Марии Александровны, читавшей показания сына на следствии и слушавшей его защитительную речь на суде.

Были и другие источники информации. Известно, что прокламация «17 ноября в Петербурге», написанная Александром Ильичем по поводу добролюбовской демонстрации 1886 года, распространена была и в Симбирске. Анна Ильинична указывала также: «...кое-что из речи Александра Ильича, из его поведения и выступления на суде просочилось еще и тогда, окружив его личность ореолом, и передавалось устно, служа примером для молодежи».

Действительно, мужество и достоинство, которое проявил Александр на заседаниях царского судилища, не могли не поражать. Он смело признавал все установленные следствием факты своей революционной деятельности, но категорически отказывался от каких-либо пояснений в отношении действий товарищей, тоже привлеченных по делу 1 марта.

Яркий след в сознании присутствовавших во время защитительной речи Александра Ильича оставило его решительное заявление, что правительству не удастся подавить борьбу революционеров против самодержавия: «Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей Родины, что для них не составля-

[1] *Волин Б. М.* Студент Владимир Ульянов. М., 1959, с. 52.
[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 274.

ет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь»[1].

Делом жизни Александра Ильича была борьба за торжество социалистических идеалов.

Примечательно в связи с этим следующее положение Программы А. Ульянова: «Что касается до социал-демократов, то наши разногласия с ними кажутся нам очень несущественными и лишь теоретическими. Они сводятся к тому, что мы возлагаем большие надежды на непосредственный переход народного хозяйства в высшую форму и, придавая большое самостоятельное значение интеллигенции, считаем необходимым и полезным немедленное ведение политической борьбы с правительством.

На практике же, действуя во имя одних и тех же идеалов, одними и теми же средствами, мы убеждены, что всегда будем оставаться их ближайшими товарищами»[2].

Александр Ильич был твердо убежден, что «единственно правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом». Но так как правительство не допускает «не только социалистической пропаганды, но даже общекультурной», то, полагал он, неизбежен террор — стихийная форма борьбы, «происходящая от того, что *недовольство в отдельных личностях доходит до крайнего проявления*»[3]. (Подчеркнуто мной.— *Ж. Т.*)

Чувство недовольства общим строем и всеми условиями русской жизни утвердилось в мировоззрении и семнадцатилетнего Владимира Ульянова.

Владимир в ранней молодости тоже остро переживал за нападки реакционеров и мракобесов, которым подвергался отец и руководимая им народная школа губернии; был убежден в ненормальности государственного строя, правящие классы которого боятся разумной грамотности трудящихся и под всяческими предлогами препятствуют ей.

Но Ульяновых волновали не только, и даже не столько, реакционные меры в области народного образования и культуры, сколько остатки крепостничества, угнетение нерусских национальностей, произвол, казнокрадство и взяточничество власть имущих, безнравственность и поборы духовенства, бесчеловечная эксплуатация крестьянства помещиками и кулачеством, рабочих и их семей фабрикантами, бедность, нищета и полное гражданское бесправие всех тружеников.

---

[1] Первое марта 1887 г., с. 292.
[2] Там же, с. 377.
[3] Там же, с. 292.

Чувства глубочайшей горечи рождались у каждого, кто читал официальные данные о том, что средняя продолжительность жизни в России равна лишь 25 годам, тогда как в Англии она к тому времени достигла 53 лет. Врач В. П. Кармазинский, с сыном которого дружил в гимназические годы Владимир Ульянов, докладывая в 1887 году городской думе о недостатках медицинского обслуживания в Симбирске, с болью отмечал, что «из всех родившихся детей до 1 года умирает 36%, до 5 лет доживает только половина родившихся, а рабочего возраста достигает 46 человек из 100[1]. Главной причиной высокой смертности врач считал тяжелые условия жизни рабочего люда.

Картины обнищания можно было встретить, и не выезжая из Симбирска. Вот одна из них, запечатленная 12 июня 1887 года на страницах «Самарской газеты»: «На всех главных улицах города, во всякое время года, осаждают прохожих целые толпы оборванных крестьян обоего пола, просящих милостыню; это все погорельцы».

Особенно безотрадной и бесправной была участь национальных меньшинств, составлявших почти треть населения Симбирской губернии. Царизм, придерживаясь деспотического правила «разделяй и властвуй», всячески разжигал национальную рознь и поощрял любые методы обрусения чувашей, мордвы и татар. Великодержавный шовинизм, культивируемый правительством, с юных лет возмущал Владимира Ильича. И даже много лет спустя, в письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации», он привел свои «волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев...»[2].

Александр Ульянов сделал один вывод, а Владимир Ульянов — другой, и весной 1887 года он отверг терроризм. К этому выводу его подводили результаты схватки народовольцев с царизмом.

Приведение в исполнение народовольцами своего приговора царю 1 марта 1881 года ошеломило Россию. В последующее пятилетие печать неоднократно сообщала об убийствах губернаторов, чинов прокуратуры, жандармерии, полиции, сыскной службы. Но реакционные правящие круги тем не менее и не думали выполнять требования революционеров о предоставлении народу земли и настоящей воли, еще более усилили репрессии.

---

[1] Журналы Симбирской городской думы за 1887 год. Симбирск, 1888, с. 214.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 359.

В малоэффективности террора как метода политической борьбы убеждали и события после 1 марта 1887 года. Владимир понимал, что брат и его товарищи надеялись запугать Романовых. Но после покушения царь не отказался от прежнего внутриполитического курса. И не потому, что был храбрым. На сохранении неограниченного самодержавия настаивали катковы и победоносцевы, помещики, крупные промышленники и финансисты, влиятельные отцы церкви. Такие требования апологетов самодержавия благосклонно воспринимались царем. В марте началось «очищение» столичного университета от «неблагонадежных» студентов. Вскоре вышло распоряжение, на основании которого в него закрывался доступ выпускникам гимназий провинциальных учебных округов.

В мае произошла чистка и в других высших учебных заведениях страны. Из Казани, например, были высланы в Симбирск бывшие одноклассники Александра Ульянова Н. Войцеховский, Д. Гончаров, Н. Тимонов.

В апрельском номере «Вестника Европы» за 1887 год сообщалось, что в «верхах» обсуждается новый проект о семиклассных реальных училищах. До сего времени их выпускники имели право на поступление в институты. Теперь предполагалось преобразовать эти училища в пятиклассные, чтобы закрыть дорогу их питомцам в любое высшее учебное заведение.

Министр народного просвещения И. Д. Делянов издает в июне печально знаменитый циркуляр, вошедший в историю как циркуляр «О кухаркиных детях», согласно которому в несколько раз повышалась плата за обучение в университетах, а детям «кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников и т. п.» даже за деньги почти преграждался доступ в средние учебные заведения. Были закрыты приготовительные классы в классических гимназиях; плата за учение в них тоже резко возросла.

Обозреватели «Вестника Европы» и «Русских ведомостей» с тревогой сообщали читателям о стремлении сторонников «жестокого» курса правительства урезать и без того куцые права земского самоуправления, пересмотреть пореформенное законодательство и судопроизводство, передать полноту власти в уездах местному дворянству, разжечь национальную вражду.

После второго «1 марта» реакция в стране еще более усилилась.

Политические события в России весной 1887 года вызвали оживленные отклики в Европе. Фридрих Энгельс,

имея в виду выступление группы Александра Ульянова, в письме от 21 марта к дочери К. Маркса Лауре Лафарг высказал мысль, что бомбы «в конечном счете достигли своей цели», так как царь «ползает на коленях перед революцией» [1]... Предвидя наступление в России скорого кризиса, Ф. Энгельс в письме к Ф. А. Зорге вновь указывает на «последние покушения», которые, «кажется, переполнили чашу...»[2]. Эти выводы были сделаны вскоре после появления в печати лицемерного заявления царского правительства о том, что в России еще, дескать, не «настало время введения конституционного правления»; что правительство даже «тщательно изучает государственый социализм, успешно осуществляемый в Германии князем Бисмарком», а народовольцы-де не понимают этого и вынуждают русского императора предпринимать «дорогостоящие меры предосторожности для обеспечения его личной безопасности».

Примечательно, что в сочувственных отзывах европейской печати о деле 1 марта 1887 года, как правило, особо выделяется личность Александра Ильича.

«Мужество людей вроде Ульянова и его товарищей,— указывал Г. В. Плеханов в своем очередном «Внутреннем обозрении» в «Социал-демократе»,— напоминает нам мужество древних стоиков: вы видите, что при данных взглядах на вещи, при данных обстоятельствах и при данной высоте своего нравственного развития эти люди не могли действовать иначе» [3].

Несмотря на ошибочность пути борьбы, избранного старшим братом и его товарищами, Владимир Ильич высоко ценил их героизм, как и других революционеров — предшественников русской социал-демократии: «Они (народовольцы.— *Ж. Т.*) проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа» [4]. Не каждый молодой революционер 80-х годов смог идейно высвободиться из-под влияния народовольцев и пойти по другому пути. Семнадцатилетнему Владимиру Ульянову это удалось — верную дорогу ему показал марксизм.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 536.
[2] Там же, с. 538.
[3] *Плеханов Г. В.* Соч., М.— Л., 1928, т. 3, с. 259.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

50 к.

«Владимир Ильич
поступил в гимназию
девяти с половиной лет,
все время учился отлично,
кончил с золотой медалью.
Это не так легко ему давалось,
как многие думают.

Ильич был очень живым.
Любил ходить далеко, гулять,
любил Волгу, Свиягу,
любил купаться, плавать,
любил кататься на коньках.
...Он страшно любил читать,
книги захватывали его,
увлекали, говорили о жизни,
о людях, ширили горизонт,
а учеба в гимназии
была скучная, мертвая,
приходилось брать себя в руки,
чтобы заучивать всякий
ненужный хлам, но у него был
заведен такой порядок:
сначала уроки выучит,
потом за чтение возьмется.
Держал себя в руках.
Время экономил».

Н. К. КРУПСКАЯ